

R $\frac{98}{925}$ $\frac{807-13}{3358}$ $\frac{201-86}{13892-2}$

В ЦАРСКОЙ КАЗАРМЕ

СОЛДАТЫ И МАТРОСЫ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ДВИЖЕНИЯ

Под редакцией: Ф. Я. КОНА, В. А. ПЛЕСКОВА
и Н. Ф. ЧУЖАКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1929

Главлит № А-28930
Тираж 4.000 экз.

Заказ № 2585

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый читателю сборник «В царской казарме» будет, как мы надеемся, первой книгой из целой серии работ, посвященных исследованию вопроса о роли царской армии в революции 1905 г.

С двух сторон мы подходим к данному вопросу. Интересно дать, прежде всего, фактический материал о положении солдата и матроса в эпоху царизма и об умонастроениях в казарме и во флоте. Здесь мы пользуемся воспоминаниями военных подпольщиков и солдат — активных участников революционного движения. Для читателя такое подлинное свидетельство памяти старых бойцов представляет наибольший интерес. Историк также найдет в этих записях прошлого немало страниц, нужных и для его работы, даже при очень строгой критической оценке мемуаров.

Однако, в центре внимания мы ставим себе иную задачу: показать организованное воздействие революции на жизнь казармы, степень использования недовольства армии революционными партиями, их успехи и неизбежные ошибки на этом пути.

Последующие выпуски намеченной серии предположено посвятить движению во флоте и отдельным моментам в выступлениях армии против самодержавия.

Некоторое из предлагаемых здесь работ — Ф. Кона, В. Плесскова, В. Ульянинского и А. Петренко —

были использованы в качестве докладов на вечере для красноармейцев в Центральном доме Красной армии весной 1928 г. Вечер был организован секцией по изучению революции 1905 г. при обществе политкаторжан.

Сборник подготовлен к печати и обработан В. А. Плещковым.

Ф. Кон

ПРЕДИСЛОВИЕ

КАК СОЛДАТСКИЕ ШТЫКИ ПОВЕРНУЛИСЬ В ЗАЩИТУ РЕВОЛЮЦИИ

Когда на 12-м году революции нам приходится говорить о том как революционеры в течение десятков лет пытались революционизировать царскую армию, то для многих из читателей рассказы непосредственных участников этой работы покажутся какой-то легендой, сказкой, подвергающейся все в большей и большей степени забвению.

Между тем, вопрос о том, чтобы не штыки, которые русское самодержавие направляло против народа и революции, направить против самодержавия, являлся насущнейшей задачей революции. Без современного вооружения, без современной армии, без современной техники было совершенно нмыслимо вооруженному народу восстать на защиту своих прав и отстоять их. Поэтому единственным выходом из кошмарного положения, в котором находились русские трудящиеся массы, было: озарить лучами сознания солдат, организовать их и направить их штыки против царизма, против самодержавия.

Опыт революционеров был очень тяжелым. В 70-х годах прошлого столетия они впервые направились в деревню,

чтобы разбудить крестьянское царство, убедить крестьян в том, что в них — сила, что им надо организоваться, и тогда никакой царь не страшен, потому что солдаты — это, ведь, те же рабочие и крестьяне. Тогда темные, не отдающие себе ни в чем отчета, крестьяне хватали революционеров, вязали их и предавали полиции. Тысячи людей за пропаганду шли на каторгу, а многие поплатились виселицами. Поэтому этот путь непосредственного воздействия на солдат был самым трудным, тем более, что царизм создал, что его сила в штыках, и всеми средствами отражал казармы от проникновения в них революционеров.

Положение было таково: с одной стороны, была темная солдатская масса, угнетаемая, но считающая, что от бога так положено, чтобы офицер глумился над солдатом, а помещик над крестьянином; с другой стороны, было офицерство, недостаточно образованное, но, — в особенности в молодые годы, — более чутко относящееся к окружающему. Тогда начали впервые воздействовать на армию таким образом, что проникали к офицерам, избирали из офицерской среды наиболее гуманных, тех, которых и солдаты считали наиболее человеколюбивыми. Этих офицеров начали спланивать в кружки, от них узнавали, какой солдат более развит, чтобы привлечь и этого солдата к революционному действию.

В Москве существует теперь школа имени то. Ашенбреннера. Ашенбреннер был полковником царской службы, одновременно был и революционером. Это — один из тех, которые первыми начали революционную работу среди офицеров, составляли кружки и организовали центральную группу, распространявшую свою пропаганду среди офицерства.

В этом отношении революционеры, принадлежавшие к партии «Народной Воли», следовали примеру джабристов.

Они исходили из того, что офицер-революционер сможет темную солдатскую массу повести за собой в нужный момент. Таким образом пытались через офицеров воздействовать на солдат. Многих жертв стоила эта работа: одних офицеров расстреляли, другие погибли в казематах Шлиссельбурга, а результатов эта работа дала весьма мало. То недоверие, которое питали солдаты к офицерству вообще, ставило преграду между офицером и солдатами даже в тех случаях, когда офицер заслуживал любви и уважения. Люди погибали, но дело от этого не выиграло.

В борьбе за завоевание солдатской массы, за завоевание армии много жертв пало, много труда было положено. Но по истечении десятков лет мы можем сказать, что в то время вся эта работа была заранее обречена на гибель. До тех пор, пока самодержавие существовало, до тех пор, пока темная крестьянская масса, разбросанная по селам и деревням необъятной России, совершенно не могла проникнуться революционными социалистическими взглядами, до тех пор, пока в России не образовался пролетариат, сознательно относящийся к своей борьбе, понимающий, что на него история возложила задачу — быть могильщиком капитала, — до тех пор все попытки, — даже самые героические, — проникнуть в массы, все жертвы, которые приносились революционерами, не могли дать никаких результатов.

Только тогда, когда в России начал укрепляться капитализм, когда начала развиваться промышленность, когда под одной крышей стали собираться тысячи рабочих и эти рабочие жизнью и пропагандой подготавливались к революционной деятельности, — только тогда настала пора завоевывать последние твердыни царизма.

Поэтому-то работа в армии становится успешней именно в тот момент, когда рабочий класс выступает на арену политической деятельности. И это неудивительно. Ведь многие

квалифицированные рабочие проникали в армию,—их брали в специальные части войск, и там они, как более сознательный элемент, могли внутри казармы проводить пропаганду. Благодаря им, в казарму стали проникать революционеры. Но для того, чтобы представить себе всю трудность, какую представляло проникновение в тогдашнюю казарму, я укажу на один момент, в высшей степени характерный.

Один пропагандист в Варшаве проник в казарму, проник, проведенный рабочими, которые находились поблизости от этих казарм. Рабочие вокруг казарм были сигнальщиками, караульными, предупреждающими о движении начальства.

Вдруг был подан сигнал, что идут казаки и окружают казармы. Пропагандист был внутри. Но тогда было уже начало революционного времени, было начало 1905 года. Солдаты, услыша, что идут казаки, что сейчас будет обыск, поставили этого пропагандиста возле стенки и, пользуясь находящимися там сложенными кирпичами, из кирпичей выстроили целую стну до потолка. Это было сделано в один момент, все принимали в этом участие. За этими кирпичами находился революционер, оставшийся в казарме в то время, как казаки с жандармским офицером обходили казармы и искали, нет ли там кого-нибудь постороннего.

Только этой временной замуровкой революционер спасся от того, чтобы не попасть в руки жандармов.

Я этим примером хочу показать, к каким средствам приходилось прибегать. Товарищи, которые принимали участие в военно-революционной пропаганде в разных пунктах России, расскажут в этой книге, как они вели эту пропаганду. Могу лишь добавить, что по мере того, как революционное движение разрасталось и развивалось, и солдаты стали другие. Общее революционное движение передавалось казармам.

Мне самому пришлось в Варшаве подвергнуться в высшей степени характерному обыску. Тогда на улицах Варшавы рас-

ставили караул, и проходящих, более или менее подозрительных лиц обыскивали солдаты. Остановили меня и начали обыскивать. А в кармане у меня был с десяток-другой солдатских листовок. Обыскивавший меня солдат вытащил эти листовки, прочел: «Солдатский листок», и заявил: «А, это нам!» и, положив их себе за пазуху, меня отпустил с миром.

Это уже кое-что значило. Это значило, что солдат уже не пугался агитационного листка. И царское правительство вполне ясно отдавало себе отчет в этом. Оно понимало, что если держать солдат Тамбовской губ. в той же Тамбовской губернии или рядом с нею, то царские приказы не будут выполняться. Поэтому солдат из Тамбовской губернии посылали в Польшу. Правительство понимало, что, если оно поляков будет держать в Польше, а латышей в Латвии, то когда карательная экспедиция придет в деревню, когда солдату придется расстреливать родных и братьев, солдат может отказаться от этого, может подвергнуться влиянию со стороны родной деревни. Поэтому была принята система: не оставлять солдат на местах, а перебрасывать их в разные места, как можно дальше. Солдаты родом из Польши отправлялись в Петербург, солдаты из Петербурга отправлялись в Сибирь, сибиряки отправлялись в Польшу, — этим правительство царя добилось больших успехов.

Не всякому вероятно известно, что усмирителями московского восстания 1905 г. были частью солдаты-поляки. Я помню, меня вызвали в Петербург и просили, чтобы я выступил на солдатском собрании, где будет много поляков. Меня просили, чтобы я говорил по-польски, чтобы я представил им картину того, что царская солдатчина творит в Польше. А творила она ужасы.

Она стреляла вдоль улицы, когда проходили демонстрации. Она грабила, она насиловала, она издевалась. На этом собрании я представил всю эту картину, и из задних рядов по-польски один из солдат крикнул мне: «Ну, и отплатим же мы им

за это в Москве!» Это были семеновцы, темные, несознательные, использованные как орудие в руках царя. Они в Москве революционерам мстили за то, что царизм делал в Польше, а русские солдаты и латыши расправлялись в это время в Польше. Польские солдаты умирляли русских, русские — латышей, латыши — татар, татары — эстонцев, а царизм праздновал победу. Это было повсюду, это было далеко не единичным явлением.

Перед нами, революционерами, встал вопрос: как с этим злом бороться? Съезд, в котором участвовали представители всех национальностей, принял постановление перебрасывать революционеров. В Питере, например, есть польские солдаты, нужно направить к ним десяток революционеров-поляков, чтобы они там вели пропаганду. Эстонцы отчасти были на Украине — перебросим на Украину таких революционеров, которые смогли бы на их родном языке вести пропаганду и агитацию, знакомить с тем, что делается в их родных деревнях, и таким путем организовывать солдат. Только тогда удалось добиться того, что в определенных частях солдаты начали уже сознательно относиться к тому, для чего их использует царизм.

Революция 1905 года была залита кровью. После этого величественного восстания рабочего класса и крестьянства начались так называемые скорострельные суды и карательные экспедиции. Десятки тысяч убитых, тысячи погибших на виселицах, а о сосланных на каторгу и в ссылку и говорить не приходится. Тогда как будто заглохла и работа среди солдат, но заглохла только внешне. Если в 1904 и отчасти в 1905 году мы вели лобовую атаку путем агитации, путем революционизирования масс, то после подавления революции 1905 года мы подошли к пропаганде несколько иного рода, к организации кружков, которые были ядром и распространяли революционные идеи среди солдатских масс.

Велики были трудности этой работы: в тяжелых условиях пришлось печатать листки для солдат, входить с ними в контакт, давать им газеты, развивать их. Но тем не менее все больше и больше, все глубже и глубже проникало в революционную среду сознание, что через рабочих можно проникнуть в казармы, что рабочим гораздо легче проделать эту работу, чем приходящим извне интеллигентам. Действительно, работа эта ширилась и постепенно возрастала после подавления революции 1905 г.

В 1914 г. мы имели уже в целом ряде областей на всем протяжении тогдашнего российского государства определенные круги, которые готовы были опять поднять знамя революции, но в это время вспыхнула империалистическая война.

Война, конечно, была несчастьем, но в этом несчастье все-таки содержалось нечто, что должно было привести к гибели царизма. Когда были мобилизованы миллионы, когда брались люди от станков и бросались в армию, когда брались люди от сохи и смешивались в одних частях с рабочими, уже сознательными, — идеи ленинизма в конце-концов привели к Октябрьской победе.

Эти идеи проникали в казармы через солдат, которые уже до того, как их мобилизовали, стали на путь ленинизма. Здесь случилось то, чего не предвидело правительство Николая II. Для войны оно мобилизовало и вооружило крестьян и рабочих, оно дало им в руки оружие. Надо было сделать только одно — объединить рабочих с крестьянами и настаивать на том, чтобы раз полученное оружие не упускать из рук и употребить его против своих врагов. Это и было сделано.

Мы знаем, как после Февраля пытались увести революционные части из столицы, увести их из Петербурга, зная, что это объединение солдат — крестьян и рабочих в солдатских мундирах — с пролетариатом революционного Ленинграда, который был зачинщиком революции, несомненно

приведет к победе революции. Так и случилось. По зову Ленина объединенный пролетариат с крестьянством — в лице солдат — восстал, и Октябрь победил.

Вот в общих чертах та картина, которую приходится воспроизводить, когда мы говорим о том, как мы крупнейшую армию, стоявшую на защите царя, превратили во врага царизма и с ее помощью низвергли самодержавие и капитал.

Н. Чужак

В ВОЕННОМ ПОДПОЛЬЕ БОЛЬШЕВИКОВ 1905—1906 ГГ.

(Воспоминания, материалы и документы ¹⁾)

1. Военный отдел в газете «Пролетарий»

Это было в промежуток между вторым и третьим партийными съездами. В августе 1904 года, после многих злоключений, я добрался, наконец, до центра русской эмиграции того времени — Женевы. Перед этим у меня в Архангельске было такое дело: призванный (в ссылку) к отбыванию воинской повинности, я отказался от принятия присяги и от службы, с резко-политической публичной мотивировкой. Состоя на положении как бы «обреченного», я развил на гауптвахте самую широкую, ничем не стесняемую агитацию и «перепортил» за четыре месяца заключения все солдатские караулы. Поразила меня тогда полная готовность воинской аудитории к восприятию революционных идей. После двух неудачных побегов (из казармы и с поезда) я бежал в третий раз — с гауптвахты, при содействии приставленного ко мне караула. Добравшись до Женевы, я, тогда еще «социал-демократ вообще», занялся изучением наличных разногласий и

¹⁾ Извлечение из выходящей отдельным изданием книги автора: «Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии». Ред.

осенью 1904 года убежденно подошел к большевикам. Как журналист, пошел по линии литературной.

В мае 1905 года, по возвращении с III съезда, вновь избранный Центральный Комитет РСДРП(б) приступил к осуществлению решения съезда об издании в Женеве центрального органа партии — «Пролетарий». Редакция «Пролетария» созвала собрание предполагаемых сотрудников газеты, на которое был приглашен и я. Помню на тогдашнем заседании В. И. Ленина, который говорил очень мало (не любил он таких совещаний); Василия Васильевича Галерку (М. С. Ольминского), повидимому, действительного инициатора собрания; В. Д. Бонч-Бруевича; В. М. Величкину; В. Калинина (Карпинского); П. Н. Лепешинского (кажется) и других.

Может быть, потому именно, что я отказался от военной службы, у меня была тогда репутация... «военного человека»! По этой же иронии судьбы, мне было поручено ведение в «Пролетарии» военного отдела.

Идея нового отдела встретила у всех большое одобрение. Кто первый предложил — не помню (В. Д. Бонч-Бруевич или М. С. Ольминский). Но идею одобряли все. Формула «военная организация» нимало никого не смущала.

На меня же возложили помощь М. С. Ольминскому по секретарству, и таким образом я стал ежедневно работать в редакции, до самой ликвидации в Женеве «Пролетария», до незаметного отбытия одного за другим членов редакции к концу 1905 года в Россию.

То, несколько тревожное затишье, которое наступило вслед за январскими событиями 1905 г. в Петербурге и по всей России, сменилось взрывом неприкрытого негодования самых разнообразных слоев населения России по поводу позорнейшего майского разгрома всего балтийского русского флота на Дальнем Востоке. Усиленное разложение армии и флота, выраставшее по мере ускорения военного разгрома русского самодержавия, не могло не вызвать самого опре-

деленного оживления и в нашем военном большевистском подполье.

Характерно, что еще в то время, как заседал третий партийный съезд, осторожно умолчавший по вопросу о специфических организациях в войсках, в действительности уже работали на местах две полнокровных военных организации с.-д. большевиков: Варшавский комитет военно-революционной организации РСДРП и Рижская военно-социалистическая организация. Любопытно, что на первых же порах работы «Пролетария» в редакцию поступает несколько неожиданное сообщение из Ломжи, где говорится о существовании еще и Ломжинской военной организации РСДРП, точно также действовавшей до и после съезда («Пролетарий», № 2).

Далее, в номере 6 «Пролетария» мы уже печатаем сообщение от 6 июня 1905 г. из Самары, говорящее о том, что «несколько товарищей взяли специально за организацию солдат». Там же, в обзоре, есть сообщение о Севастопольской военной организации. В № 7, в сообщении из Одессы, до Черноморского восстания, говорится об образовании частичных большевистских организаций солдат. В № 11, от 9 августа, сообщается о возникновении Александропольской (Кавказ) военной группы РСДРП. Там же говорится, как о существующем уже факте, о еще более раннем возникновении Тифлисской военной группы РСДРП. В № 12 (обзор Н. Чужака) упоминается уже о выделении особой военной организации при Саратовском комитете РСДРП. Там же, от 16 августа, можно читать об учреждении специальной Екатеринославской военной организации при местном комитете РСДРП. Значительно расширилась работа Варшавской военной организации с.-д., которая объединилась с местным комитетом В. О. Польши и Литвы¹⁾. В № 13 приводится письмо

¹⁾ См. статью А. Петренко. *Ред.*

из К а з а н и — об образовании при местном комитете партии специально-военной организации. В номере 14, от 29 августа задним числом сообщается об образовании Л и б а в с к о й военно-социалистической организации (с.-д.), работающей среди солдат и матросов. Образуется Л о д з и н с к а я военная с.-д. организация («Пролет.», № 17, от 14 сентября 1905 г.). И в № 21, от 17 октября, приводится сообщение о Г р о д н е н с к о й военной организации с.-д., работавшей едва ли не под вывеской Бунда.

Вот — перечень зарегистрированных только «Пролетарием» особых специальных военно-революционных организаций, ведших за 6—8 месяцев 1905 года специфическую большевистскую работу в войсках.

За время с 27 мая (1-ый номер «Пролетария») по 15 июня 1905 г. (восстание на броненосце «Потемкин») редакцией «Пролетария» были получены и так или иначе отмечены в газете специальные листовки для солдат: из Николаева (3 названия), Воронежа, Москвы, Баку, Минска (2 названия), Твери, Саратова и Риги. Сообщения о революционном настроении в армии и флоте, а также о подготовительной работе там за то же время были: из Ломжи, Харькова, Николаева, Минска, Острова, Хвойников, Саратова, Самары, Подольска и Одессы. Характер настроения — определенно политический: в Харькове — отказ казаков стрелять в рабочих-демонстрантов; в Николаеве — заявления солдат и матросов о нежелании стрелять в рабочих; в Острове — политические беседы, обещания солдат не стрелять; в Хвойниках — прямое неповиновение солдат, отказ стрелять в крестьян-аграрников; в Подольской губернии — отказ солдат стрелять в крестьян и т. д.

Первая статья «Что делается в войсках», за подписью Н. Ч у ж а к, помещена в номере шестом женевского «Пролетария» и, писанная за неделю до «Потемкина», появилась

одновременно с первой информацией о восстании в Черноморском флоте.

Это была первая партийная статья, где без всяких экивоков ставился вопрос об организованной работе в войсках, и статья эта, по дальнейшему ходу событий, была принята местами, как редакционная. Приводим ее в выдержках:

«В числе наиболее острых вопросов, выдвинутых историческим моментом и подлежавших обсуждению третьего с'езда был вопрос о вооруженном восстании. Разрешенный в общем удовлетворительно, он не был, к сожалению, закреплен в достаточно детальной резолюции. Особенно бросается в глаза упущение важного вопроса о поведении войска в момент восстания. Упущение тем более грустное, что самый исход предстоящего боя будет зависеть в значительной мере от этого поведения. Напрасно стали бы мы искать пункт об агитации в войсках и в общей резолюции о пропаганде. Во всех опубликованных работах с'езда о нем нет ни слова: нет даже намек на необходимость такой агитации; нет указания на то, с чем подойти к солдату, какие конкретные лозунги именно теперь следует выдвинуть; не сделано попытки идейного и практического объединения этого рода работы (статья эта редактировалась Лениным, который, помещая все эти упреки, считал их, видимо, правильными. — Н. Ч.). Характерно на наш взгляд и то, что выработанный проект резолюции о пропаганде в войсках не был рассмотрен и заседавшей одновременно с партийным с'ездом меньшевистской конференцией «за недостатком времени», как сказано в брошюре о конференции. Не значит ли это, что должного значения вопросу не придавали, что сунули вопрос, как маловажный, в самый конец порядка заседаний, а рассмотреть его так и не удосужились? Обращаясь даже к постановлениям второго с'езда

партии, мы видим, что и он в свое время почти ни словом не обмолвился об агитации в войсках (о ней помечено только в порядке дня), меж тем как он вынес довольно обстоятельные резолюции о пропаганде среди сектантов, среди учащихся. Ни с важностью вопроса, ни со специфическими особенностями работы в войсках опять-таки, повидимому, не считались.

«Такие факты, когда агитация не только ведется, но и носит характер организованности, до-нельзя редки, при чем работа лишена единства и систематичности. Таковы, например, города Севастополь и Рига, а также некоторые другие, где созданы специально военные социал-демократические, но чисто местные, не связанные с центрами, организации.

«Крайне грустно, что даже такие первостепенной важности события, как русско-японская война, 9 января и т. п., нас мало чему научили. Увеличилось количество отдельных воззваний к солдатам, и — это чуть ли не все. Мало того, обращаясь к этим самым прокламациям, мы видим, что большинство их страдает полной неопределенностью намерений их авторов, полной расплывчатостью мысли и самым печальным разнообразием выдвигаемых лозунгов. Получается такое впечатление, что писали люди, потому что грешно было не писать, а в полезность своих писаний, в их целесообразность и сами не твердо верили. О каких же практических лозунгах может быть речь при таких условиях? Особенно не поспаслилось в этом отношении войско: вряд ли найдется сколько-нибудь заметное количество прокламаций (мы нашли таковых только две-три), где после более или менее красноречивых рассуждений на тему о ненужности войны указывался бы хотя какой-нибудь практический выход для солдат, проникшихся сознанием этой ненужности, если не считать, разумеется, общих призывов примкнуть к нашей пар-

тии. Виногато тут, может быть, и то, что даже сами мы, сторонники социал-демократического учения, так-таки и не успели выработать для самих себя единого и выдерживающего критику отношения к войне. Чему тут удивляться, если бывшие центральные учреждения партии могли подумать только до буржуазного лозунга: «Мир во что бы то ни стало», а вопрос о конкретном поведении солдат, как таковых (т.-е. о том, идти ли на войну или отказаться, и в какой именно форме), в литературе этих центров даже не ставился. «Протестуйте!» — вот тот общий лозунг, который, между прочим, был выдвинут «Искрой» в воззвании «Война против войны» («Ко всем гражданам», а в том числе и к солдатам). Как именно «протестовать», — об этом благоразумно умалчивалось.

«Гораздо легче было, конечно, дать соответствующий клич для войск по отношению к восставшему народу. И действительно, во всех почти прокламациях к солдатам, изданных после и во время январских событий, мы видим попытку выдвигания конкретных лозунгов. Но что за странное разнообразие! Одно воззвание требует, чтобы солдаты и офицеры оказывали содействие по вооружению народа и дали ему в нужный момент вождей; другое — убеждает солдат переходить с оружием в руках на сторону восставших; третье — ограничивается просьбой пассивного отношения (стрелять через головы, в воздух); четвертое — говорит о необходимости открытого отказа от стрельбы; пятое — сводит все требования к тому, чтобы солдаты, вместо стрельбы в восставших, стреляли в распоряжающихся офицеров и т. д. Есть и прямо юмористические лозунги. Один, например, комитет требует, чтобы солдаты, «побросав оружие, переходили на сторону восставших». Так и сказано: сначала бросить оружие, а потом уже присоединиться к восставшим! И в этом разнообразии кличей — от чисто-революционного до чисто-юмо-

ристического — опять-таки нет ничего удивительного. Ведь, вот, как ни просто, повидимому, пустить в данном случае клич чистро-революционный, а та же новая «Искра», например, сочла за лучшее, наговорив целую кучу хороших и красивых слов («К солдатам», № 14), отделаться следующим расплывчатым и ровно ничего не говорящим требованием: «Сложите оружие перед народом и, братски протянув ему руку, помогите (?) обсудить (!), как помочь (!!) народному горю (!!!)». Комментарии к этому, с позволения сказать, лозунгу были бы очень и очень нелишни.

«Кто присмотрится к живой русской действительности, тот увидит, что работа в войсках становится все более и более необходимой. В самом деле (следует шесть абзацев, иллюстрирующих настроение в войсках, симптомы, обстановку и т. д. — Н. Ч.)...

«Резюмируя все сказанное, мне хотелось бы подчеркнуть, что вопрос об агитации в войсках, находящий такое слабое выражение в нашей партийной литературе и практике, заслуживает со стороны социал-демократических организаций самого серьезного и вдумчивого отношения. Мое глубокое убеждение, что в настоящее время нет в целой России такого местечка, где бы глухое брожение в войсках на почве недовольства военной авантюрой не давало себя чувствовать, являясь лучшей платформой для сближения казармы с революционной с.-д. Далее, я уверен, что в огромном большинстве российских городов процесс накопления революционной энергии в войсках уже дошел до той необходимой ступени, когда энергия эта требует выхода. И не вина солдата в том, если непосредственное чувство, а порой и безумное отчаяние, подсказывают ему выход, с нашей точки зрения, не всегда желательный. Наша обязанность пойти навстречу тому исканию выхода, которое наблюдается в солдатских мас-

сах, помочь им разрешить вопрос о том, «что делать»; наша обязанность возможно шире использовать ту огромную революционную энергию, которую может развить войско, в интересах восставшего пролетариата.

«На очереди перед нами целый ряд вопросов о работе в войсках: как подойти к солдату и с чего начать; как продуктивнее вести занятия; какого рода организация может являться наиболее устойчивой и целесообразной при данной специфической обстановке; каким образом связать отдельные ячейки в единую, сильную общероссийскую организацию; какие, наконец, единые конкретные и подлинно революционные лозунги следует выдвигать на те или иные случаи? Посильному выяснению намеченных вопросов и будут посвящены наши последующие очерки».

За подписью автора следовало далее примечание от редакции, предложенное мною же и утвержденное В. И. Лениным:

«От редакции. В виду крайней важности выяснения вопроса о постановке агитации в войсках как в смысле подведения итогов уже сделанного в этом направлении, так и дальнейшей разработки вопроса о пропаганде, редакция убедительно просит товарищей, живущих в России или за границей, а также и местные организации партии — доставлять ей сведения по следующему вопроснику: 1) Количество войск в данной местности, с подразделением их по роду оружия, и состав по губерниям. 2) Ведется ли работа в войсках и каким способом: кустарнически или организационно. 3) Характер организации: кружки, военные группы при комитете, самостоятельно и т. д. (подробнее). 4) Как завязывались сношения с казармой. 5) С чем подходили к солдату, с чего начинали (с выяснения ли бесправного положения солдата, или с указания на преступность войны, и т. д.). 6) Как далее (и где) велись занятия. 7) Были ли

работники из среды солдат. 8) Число организованных солдат. 9) Количество и характер выпущенных прокламаций к войскам (желательно их получить). 10) Делались ли попытки использовать объявление мобилизации в целях восстания (описать). 11) Какие конкретные, общие и частные, лозунги выдвигались и выдвигаются по отношению к войне, к восстанию. 12) Общее настроение войск и возможное поведение их в случае восстания. 13) Какие улучшения необходимы в работе. 14) Сведения о существующих военно-революционных организациях, районных и местных. 15) Как создать единую общероссийскую организацию.»

Просматривая ныне все вышедшие номера тогдашнего центрального органа нашей партии, нужно признать, что статья эта, впервые заострившая в организационном именно плане вопрос о прохождении партийной работы в войсках, сыграла тоже свою скромную организующую роль — в смысле толкача к военно-революционной работе, главное же — в смысле ее внутренней, так сказать, легализации в партии; что же касается примечания от редакции, то, будучи воспринято местами, как директивное, оно вызвало целый ряд сообщений и откликов с мест.

2. Первые отклики с мест

Первой откликнулась Александропольская, Эриванской губ., организация большевиков. Ссылаясь на приглашение в № 6 «Пролетария», некий тов. Фл. в № 11 пишет: «В своей характеристике положения я буду стараться придерживаться, насколько это возможно, поставленных в № 6 вопросов». Отвечая на последние, тов. Фл., между прочим, свидетельствует: «Теперь работа ведется организационно, но до прошлого года она велась чисто ку-

старнически. Характерно то, что все усилия, прилагаемые в то время маленькой кучкой сознательных солдат к тому, чтобы завязать сношения с какой-нибудь из существующих на Кавказе организаций, не привели ни к чему и даже послужили отчасти причиной провала, а потому, по чисто-конспиративным причинам нельзя, к сожалению, остановиться подробнее на этом более чем интересном периоде возникновения нашей Александропольской военной группы РСДРП».

По вопросу об объединении организаций тов. Фл. писал: «Что же касается вопроса о создании единой общероссийской организации, то тут, по моему мнению, сыграл бы немаловажную роль руководящий орган, издаваемый хотя бы при «Пролетарие», целью которого было бы объединение всех существующих военных организаций (а их теперь уже не мало)»... «В заключение, не могу не выразить пожелания, чтобы и другие товарищи сделали попытки осветить этот вопрос всесторонне, так как, повторяю, вопрос этот назрел и требует немедленного разрешения.»

Второй откликнулась Казанская организация, корреспондент которой в № 13 писал: «Спешу ответить коротко на некоторые вопросы, предложенные редакцией в № 6»... «Прокламации о бесправном положении солдат сразу завоевали симпатии последних. Особенным же успехом пользовалась «Солдатская памятка», уже очень давно изданная «Искрой». Правильно организованная работа началась со второй половины января, после петербургских событий. Возникли солдатские кружки, а далее — и специально-военная группа при комитете. Работа идет чрезвычайно успешно. Литература читается нарасхват, почти совершенно открыто в казарме. Вместо списка, кому давать литературу, у организаторов заведен список, кому

не давать. Одних только организованных в батальоне солдат насчитывается сейчас до 100 человек» (Александропольский корреспондент насчитывал у себя до 150. Н. Ч.).

Третьей откликнулась Плоцкая организация партии, корреспондент которой, тов. Солдат, в № 15 «Пролетария» сообщил: «Начинали мы с того, что выясняли бесправное положение солдат, указывали на сплошной обман, который окружает солдат в их казарменной жизни, и т. п. Понятно, солдаты охотно слушали. Но большого труда стоило раз'яснять, что весь этот обман находится в самой тесной связи с нашим политическим строем. Начавшаяся война очень помогла нашей работе...»

Четвертый отклик был из Кишинева, корреспондент которого в № 15 писал: «Почва для работы среди солдат нашего гарнизона в высшей степени благотворна, тем более, что почти все солдаты (запасные) отцы больших семей, теперь, за отсутствием кормильцев, сильно бедствующих. Поэтому-то и начинать здесь всего лучше с указаний на бесправность положения солдат и на преступность войны. Зловеще сверкают глаза несчастных солдат, когда начинаешь говорить об отношении правительства к семье его. Вот тут-то и необходимо переходить к изложению причин, породивших такое положение... Общее настроение войск приподнятое, в смысле недовольства... Необходима связь с комитетами, необходимо возможно больше внимания обратить теперь на солдат: время слишком уж удобное. При наличии достаточных связей с комитетами возможно, по моему мнению, и создание сначала гарнизонных, затем военно-окружных, а далее и единой общероссийской военно-революционной организации.»

Следовал еще ряд откликов и сообщений из Киева, Николаева, Либавы, Елизаветполя, Моршанска, Минска, Та-

ганрога, Тулы, Одессы и других. И все эти сообщения, подтверждая идею необходимости легализации внутри РСДРП(б) военных организаций, свидетельствуют о том, что: 1) фактически военно-революционная работа ведется уже давно, но ведется в большинстве еще кустарнически и притом не пользуется очень большим вниманием местных организаций; 2) что начиналась работа почти всюду с выяснения солдату его классово-ложного и бесправного положения, но достаточно было появиться малейшему революционизирующему толчку, и работа сразу же встает на политические рельсы.

3. „Князь Потемкин-Таврический“

Роль огромного революционизирующего толчка сыграло историческое возмущение матросов Черноморского флота (июнь 1905 г.). После позорного разгрома русского флота (июнь 1905 г.) в Корейском проливе это было грандиознейшее из событий, внесших вообще какое-либо оживление в партийно-революционную работу. К лозунгам третьего с'езда — «вооруженное восстание народа» и «временное революционное правительство» — Ленин впервые добавляет лозунг: «революционная армия». Самодержавие годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском, — из самого войска выходят отряды революционной армии. В чем их задача — по В. И. Ленину?

«Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам военное руководство (подчеркивал В. И. — Н. Ч.), необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить — сначала хотя бы в небольшой части территории государства — полную политическую свободу,

начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которое могло участвовать в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного правительства» (Н. Ленин. — «Рев. армия и рев. правительство» — Неподписанная передовая в № 7 женеvского «Пролетария»).

Вопросам военно-технического руководства отныне отводится все большее и большее место в «Пролетарии». Меньше всего думают большевики о политическом руководстве со стороны именно армии, но преступлением перед революцией представляется им всякое сознательное упущение по части боевой военной подготовки рабочих к грядущим боям. Живейшей военной критике (рядом с политической, конечно), подвергаются самые ошибки восставшего флота, и целые специальные брошюры посвящаются тактике революционного боя. Переводятся иностранные руководства; пишутся оригинальные «военные» статьи; вопросы «техники» трактуются в передовых, на ряду с важнейшими вопросами программы и тактики.

4. Когда «барометр показывал бурю»

К осени события так быстро закружились, что стоило немалого труда сохранить в них необходимое для дела равновесие, и самый лексикон тогдашнего ЦО нашей партии приобретает отпечаток явной нервности:

«События сменяются с такой стремительностью, что только с трудом успеваешь следить за ними», («Пролетарий», № 8).

«Разразилась великая буря» (№ 17).

«Барометр показывает бурю» (№ 23).

«События мчатся с головокружительной быстротой» (№ 25).

И т. д., и т. д. Это — начала политических статей. А вот и факты:

«Страна находится в состоянии полной анархии, и из этой анархии ее может вывести только полная победа революции. И день окончательного расчета с самодержавием приближается; само правительство ускоряет его своей политикой. На Кавказе кипит борьба. Финляндия обеспечила себе фактическую свободу и вооружается, чтобы силой отстаивать эту свободу от врага. Польша охвачена пламенем: она требует автономии. А мудрое правительство вводит осадное положение, отменяет по отношению к Польше манифест 17 октября и делает все возможное, чтобы мирно манифестирующий народ толкнуть к открытому восстанию. Внутри самой России назревают великие события. Восстает Кронштадт. Часть войск, посланных против восставших, переходит на их сторону. Город оказывается в руках «бунтовщиков». Правда, это неорганизованное, стихийное возмущение не может использовать позиции, оно утихает так же мгновенно, как возникло. Но тем ярче выступает картина дезорганизации и разложения главной опоры самодержавия — войска. Дезорганизация эта замечается повсюду. Солдаты и офицеры участвуют в манифестациях, говорят на митингах, призывают к борьбе...» (Из редакционной статьи «Пролетария» в № 25, от 15 ноября, писанной В. В. Воровским).

Обращаемся к последнему — 26 номеру женеvского «Пролетария» от 25 того же ноября 1905 г., и в нем находим уже совершенно характерную для момента и позиций большевизма в отношении работы в армии редакционную статью,

автор которой Истпартом не выяснен. (Ленин к этому времени, если память нам не изменяет, из Женевы передвинулся ближе к границе России, и статья могла быть писана, вероятнее всего, т. Воровским).

Большое сражение, которое дал пролетариат царизму, окончилось: всероссийская политическая стачка прекратилась почти везде. Россия снова «меж двух битв». Стороны спешат пополнить свой урон, сплотить свои ряды, сорганизоваться и вооружиться, как можно лучше, для следующего сражения. Восстание народа против царской черной сотни продолжается. Как же обстоит дело с войском?

Большевизм дает на этот вопрос ясный ответ:

«На красную и черную армию распадается и войско. Всего две недели тому назад указывали мы на то, как быстро втягивается оно в борьбу за свободу. Пример Кронштадта показал это наглядно. Пусть правительство негодяя Витте победило восстание в Кронштадте, пусть расстреливает оно теперь сотни матросов, еще раз поднявших красный флаг, — этот флаг взвоется еще выше, ибо это знамя есть знамя всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире. Пусть лакейская печать кричит о нейтралитете войска, — эта гнусная и лицемерная ложь разлетается, как дым, перед каждым новым подвигом черносотенцев. Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным. Оно распадается с громадной быстротой именно теперь на войско свободы и войско черной сотни. Мы ускорим это распадение. Мы предадим позору всех нерешительных и колеблющихся, всех чурающихся идеи немедленного образования народной милиции. Мы удесятим нашу агитацию в массах, нашу организационную деятельность по образованию революционных отрядов. Армия сознательного пролетариата сольется

тогда с красными отрядами российского войска, — и посмотрим, осияет ли полицейские черные сотни всю новую, всю молодую, всю свободную Россию!»

Время заграничного «Пролетария» истекает. Все большевистские революционные точки на вопросе о работе в армии поставлены для своего момента. Обратимся к новым документам и к свидетельству собственной памяти.

5. Севастопольское восстание

На переломе ноября-декабря — опять крупнейшее военное событие: ноябрьское восстание матросов черноморцев, с лейтенантом Шмидтом (Севастополь). О самом восстании сейчас уже имеется большая литература, и не оно нас в данную минуту занимает. Но совершенно почти нет или же очень мало имеется материалов о том, как протекала боевая подготовка восстания, и об участии в этой подготовительной, а потом и руководительской оргработе Севастопольской военной организации и отдельных наших работников-большевиков. Тем важнее ознакомиться с крайне интересным документом того времени, письмом-докладом одного из самых активных организаторов восстания т. Вороницына, посланным когда-то им на имя всероссийского совещания военных работников-большевиков, но широкого распространения, насколько помнится, не получившем. (Цитируем лишь те места доклада, которые относятся непосредственно к участию организации в восстании).

«Стихийность севастопольского восстания — свидетельствует тов. Вороницын — бросается в глаза при самом беглом обзоре событий. Для меня, как одного из главных участников событий, она особенно ясна. Только отсутствием планомерного руководства, политической неподготовлен-

ностью матросских масс и можно объяснить тот факт, что массы готовы были идти за первым попавшимся революционером, совершенно не отдавая себе отчета в том, чего хочет этот революционер. Только этим и можно объяснить ту роль, какую играл лейтенант Шмидт в ноябрьских событиях. Матросские массы отдали предпочтение руководству с.-д. только потому, что вся прежняя работа во флоте велась с.-д. и потому что под с.-д. флагом происходили все революционные выступления в Севастополе и июньское восстание на «Потемкине» и других судах. Но с.-д. организация в то время постоянной работы среди матросов не вела. Незадолго до октября был разбит последний военный комитет в Севастополе, — организованные матросы растеряли все связи с организацией. И только за несколько дней до ноябрьских событий мы начали восстанавливать разбитую организацию»...

«В первых числах ноября состоялись одно за другим два собрания бывших членов военной организации, на которых присутствовал и я, так-как должен был взять на себя организаторские функции в работе среди военных. На обоих собраниях перебивало приблизительно человек по двадцати матросов. Прежде всего был поставлен вопрос о настроении в массе, о возможности поддержки матросами выступления рабочих. Выяснилось, что только в некоторых частях настроение определенно революционное; в остальных же, хотя и существует брожение, настроение далеко не так определенно...» Но выяснилось, с другой стороны, и то, что «поведение военных властей крайне растерянное, уступчивость требованиям матросов небывалая. Рассказывая о той работе, которую каждый из собравшихся вел в своей части, каждый находил десятки примеров для иллюстрации отсутствия серьезного противодействия пропаганде среди матросов.

На одном из судов Сиротенко (впоследствии убитый) каждый вечер собирал митинги, на которых критиковал, не стесняясь присутствием начальства, действия правительства, разъясняя товарищам отдельные пункты с.-д. программы. В экипажах некоторые офицеры читали черносотенные лекции, и сознательные матросы открыто вступали в полемику с ними. Благодаря временному ослаблению дисциплины, матросы имели возможность воздействовать на солдат Брестского полка и были уверены, что этот полк против них не пойдет...»

«Кем-то из товарищей матросов был поднят вопрос о желательности активного выступления в ближайшие дни. На этот вопрос собрание ответило отрицательно, основываясь на том, что такое выступление в настоящий момент преждевременно, и, находя, что после сравнительно непродолжительной энергичной работы будет гораздо больше шансов на полный успех восстания...»

«Выработанный на этом собрании план подготовительной к восстанию работы и характер организации, могущей вести такую работу, сводился к следующему. Предварительно должно было создаться ядро военной организации из представителей по возможности всех частей севастопольского гарнизона. Это ядро должно быть выбрано всеми сознательными матросами и солдатами. Члены организации у себя в частях немедленно принимаются за агитацию среди массы на почве ближайших экономических нужд. Политическая агитация идет параллельно. Главной задачей собрания постановило создание полуполюгальной организации представителей матросов и солдат для заботы о насущных интересах массы. Поведение начальства, его растерянность и уступчивость говорили за то, что избранный путь — самый близкий для наиболее быстрого и прочного объеди-

нения всех частей. Как на средство достижения поставленной цели, указывалось на забастовку. Предполагалось, что на этом пути естественно создастся и настроение, необходимое для успеха восстания, и самая идея восстания естественно укрепитя в умах массы...

«В первые же дни после собраний работа пошла очень дружно. 6 ноября удалось устроить два матросских митинга, на которых уже говорили о необходимости организовать борьбу с начальством и предполагалось приступить к выбору депутатов. Предложенные социал-демократами лозунги встретили полное сочувствие. Уже тогда было заметно, что настроение нарастает. Однако, никто из нас не ожидал, что события вырастут сейчас же, как только массам будет указан практический выход — в виде выборов депутатов и забастовки в случае отказа начальства признать выборных. Такая неподготовленность с нашей стороны объясняется тем, что состав организации был новый, и связь организации с массами была непрочна, ее почти не было...»

А события нарастали. Были уже отдельные вспышки в частях.

«10-го вечером опять состоялся открытый самими матросами митинг»... «Прибывшие из города ораторы от комитета встретили уже необыкновенно возбужденную массу. В речах указывалось на необходимость организовать перед тем, как выступить с требованиями. Указывалось на несвоевременность восстания, на необходимость согласовать выступление в Севастополе с общероссийским выступлением»... «Никто не предполагал, что взрыв последует так скоро; наоборот, нам казалось, что должно пройти некоторое время, прежде чем в движение втянется значительная часть гарнизона. Решили вечером на митинге все силы

употребить на то, чтобы удержать особенно волнующихся матросов, находящихся на суше, и направить их энергию в сторону организационной работы...»

«12-го, с утра состоялось первое собрание флотских депутатов. Председателем был выбран я, как представитель организации»... Массы пришли уже в открытое движение, были убийства офицеров... «Все это делалось не по какому-нибудь заранее обдуманному плану. Ораторам приходилось предлагать такие действия, которые диктовались настроением массы, а часто и выдвигались самой массой»... «Всю почти ночь (делегатами) обсуждался план дальнейших действий. При обсуждении последнего особенно ярко сказалась неподготовленность поднявшихся к активным наступательным действиям. Депутаты не могли себе представить, как можно действовать иначе. «Мы сперва предложим наши требования, — говорили они, — а потом посмотрим, что делать дальше. Если на нас будут нападать, мы будем защищаться». Такой взгляд я объясняю тем, что идея вооруженного восстания массе была совершенно чужда. Они еще не представляли себе несоответствия между выставленными ими требованиями и занятой оборонительной позицией. Эта нерешительность дала возможность начальству оправиться. Была пущена в ход провокация, и через два дня брестцы уже умиряли своих союзников матросов...» Но — энергия восстания еще далеко не иссякла...

Положение открытой войны обязывало. «Ораторы употребляли все усилия, чтобы вызвать массу на активные действия». «Прибывали все новые депутаты с судов. Мы особенно остро почувствовали отсутствие у нас достаточного

количества ораторов. Всю работу приходилось нести двум-трем человекам»...

С 13-го ноября — на сцене Шмидт. К вечеру он прибыл в экипаж.

«Шмидт произнес обширную речь — против социал-демократов, против самого движения матросов. Он не верит в успех движения и, желая блага матросам, предлагает ликвидировать забастовку. У него есть свой план, который он приведет в исполнение тогда, когда найдет это нужным, а до тех пор все должно быть спокойно в его флоте. Скоро, на-днях, будет восстание в Москве, — в союзе союзов все готовятся к нему. И он, Шмидт, уже обещал поднять Черноморский флот. Речь Шмидта не встретила сочувствия делегатов. Кроме меня, ему возражали некоторые матросы.

Шмидта, все же, удалось склонить к активным действиям. Но не надолго. Энергия его, под влиянием частичных неудач, быстро иссякла. Он проявил большую нерешительность, и благоприятный момент был упущен. «Активные нападения начались в ночь с 14-го на 15-е, но было уже поздно. Мы не успели подготовиться к обороне, не успели обеспечить за собой превосходство сил». «Результаты умирения известны...»

«Причины неудачи — констатирует тов. Вороницын — ясны. Движение выросло стихийно. Не было достаточной организационной и агитационной подготовки к нему. С.-д. организация не имела органической связи с массами, была слаба организаторскими и агитаторскими силами, а потому и не могла использовать движения так, как это было бы возможно при других условиях. Массы были двинуты в восстание общим революционным настроением всей России в те месяцы. Но отсутствие определенной политической цели восстания, неопределенность и относительная незначительность причин его обусловили

его медлительность и дряблость. На Севастополь слишком мало обращали внимания.»

«К сожалению, — кончает свое ценное письмо т. Вороницын, — мне пришлось писать наспех, имея в распоряжении всего несколько часов. Поэтому я не мог остановиться на той роли, которую сыграл Шмидт в ноябрьском восстании. Как офицер, Шмидт мог сделать очень много. Но он был одиночкой и «героем». Роль Шмидта могла бы быть громадной, если бы он входил в организацию и работал бы, несмотря (? — Н. Ч.) на свою буржуазность, под ее руководством (а как бы он, будучи «буржуазным», вошел в нее? — Н. Ч.). Но у нас слишком мало внимания обращают на привлечение в военные организации офицеров». Ну, если бы дело было только за этим!..

6. «Казарма» и «Солдатская Беседа»

В декабре 1905 года, закончив порученную мне ликвидацию материалов женевского «Пролетария» и выпустив его последний номер (редакция к этому времени уже разошлась), я нелегально перебрался в Петербург. Здесь я, в качестве все того же «военного» человека (отказавшегося от военной службы), получил назначение в Военную Организацию при Петербургском комитете РСДРП(б) и в орган ее — «Казарму». Последнюю мне поручено было редактировать, но предварительно предстояло еще деликатное дело «принять» ее от меньшевиков, очутившихся к тому времени в меньшинстве в организации. В Питере к исходу 1905 года мы уже были в большинстве и строили организацию по-боевому.

Основателем «Казармы» был известный Л. Г. Дейч; из других видных тогда меньшевиков помню в редакции Стрельского. Мне еще пришлось раз или два быть

на широких заседаниях старой редакции, но вскоре, после маленького саботажа со стороны секретаря ее (бедняга был осужден впоследствии по нашему же делу), я принял от меньшевиков газету, и в феврале 1906 года вышел первый большевистский номер. Всего с февраля по ноябрь я выпустил девять номеров, — листков и брошюр не считаю. Технику за все это время очень любезно предоставлял нам меньшевистский ЦК, и ведал ею тоже меньшевик — М и р о н. Явочной квартирой редакции было наше центральное издательство «Вперед» (Караванная, 9), где я параллельно работал, и весь аппарат издательства, с согласия главковерха его В. Д. Бонч-Бруевича, был полностью к нашим услугам. Из ближайших работников редакции за эти девять месяцев припоминаю товарищей: Б. В. Авилова (впоследствии новожиизненец), много писавшего под псевдонимом Б. Волков; Рождественского (ныне профессор музыки Евг. Браудо); Менжинского (ныне начальник ОГПУ); военного врача Ф. В. Гусарова (тогда — Боброва); инженера Малоземова; В. Северцева (В. В. Филатов) и других. Уже к концу работы мне удалось привлечь в редакцию М. С. Ольминского и В. В. Воровского. С самого начала были привлечены и работали за совесть два поэта — В. Г. Тан-Богораз и Дм. Цензор. В декабре 1906 года, после первой всероссийской конференции военно-боевых организаций в Финляндии, я в числе прочих питерцев был арестован, и редактировать «Казарму» стал тов. Ем. Ярославский (конец 1906 и начало 1907 г.); а с арестом и Ярославского редактором остался М. С. Ольминский.

В апреле 1906 г. состоялся так называемый объединительный (IV) съезд РСДРП, на котором меньшевики оказались в большинстве, и это не замедлило отразиться на темпе и характере военной работы. С одной стороны, большевизм явно активизировал агит-военные попытки меньшевиков,

и самые военные организации приобрели как бы некое право гражданства среди объединенной (формально) с.-д. С другой же — меньшевизм, с его боязнью твердых выводов, отчасти умерял размах и содержание нашей работы, а более всего загонял нас в подполье внутри самой объединенной партии. Декорум соблюдался тщательно, и цепи безрадостного брака сильно давали себя чувствовать. Меньшевики еще были, если можно так выразиться, в приговорительном классе нашей работы: они признали специфичность обращения к солдатам; признали общеполитическое содержание военной агитации, с призывами «поддерживать», «переходить на стоорну»; признали даже и военные организации. А мы уже в это время занимались военно-техническими организациями, военно-боевыми организациями и прочими конкретно-подготовительными вещами. Ясно, что это привело нас позднее почти к открытому столкновению.

Как-то в июле, помнится, я был вызван к секретарю тогдашнего объединенного ЦК, известному меньшевистскому деятелю Крохмалю. У ЦК, как оказалось, возникло намерение обратить «Казарму» в свой военный орган, приспособив к этому делу и часть своих работников. В редакцию предполагалось ввести старого рабочедельца, литератора О. Ерманского (ныне профессор одного из вузов). На каких правах — было неясно. Ерманский ознакомился с нашей работой, но, видимо, решил пойти своим путем. «Казарму» больше не трогали, но рядом с ней поставили другую солдатскую газету, под названием «Солдатская Беседа», на которой значилось: «Издание Центрального Комитета РСДРП». Газета повелась литературно, но живым, не-меньшевистским солдатом в ней не пахло. Печаталась она вместе с «Казармой». Номер первый вышел в августе 1906 года, сохранился в архиве и номер девятый от 28 марта

1907 г. Рядом с газетой было и цекистское издательство для солдат, — вышло с десятков неплохих брошюр.

7. Военные организации большевиков

Обратимся к некоторым отдельным военным организациям большевиков 1906 года, сведения о работе которых у нас имеются — по документам и в памяти.

Петербургская военная организация большевиков. О ней можно писать или очень много, или уж очень мало — только голые цифры, сохранившиеся в документах бывшего секретаря организации И. Х. Лалаянца (он же Инсаров). Ограничимся последними. Отметим только, что в сферу деятельности и организации входило 5 районов, включавших в себя 13 полков, 11 батальонов, 3 бригады, 15 команд, 2 экипажа, 4 госпиталя, 2 полигона, 2 склада, 2 роты, 12 батарей, 3 школы и писарей четырех военных учреждений. Работники, обслуживающие все эти части, в несколько приемов дефилировали в следующих 1907 и 1908 годах перед военными судами, и число их было довольно внушительно. Из отдельных листков среди солдат за одну только первую половину августа было пропущено до 40.000 экземпляров. Своя подпольная газета «Казарма» разошлась за это же время в количестве 8.230 экз., и различных брошюр (за то же время) было распространено 1.797, да «Пролетария» 1.003. А денежный бюджет за весь август выражался в скромной сумме... 256 рублей! Из листков того времени нами припоминаются: «Организуйтесь!» (ему мы придавали большое значение) писанный Б. Авиловым; «О присяге», имевший у солдат большой успех; «К кронштадтским солдатам и матросам»; «Ни одного рекрута врагам народа»; «К семеновцам» и другие.

О «Казарме». Две главных темы, помимо текущей агитработы, привлекли внимание редакции: борьба с путчиз-

мом и идея организации. В № 5, от 8 июля, напечатана статья Н. Чужака: «Военный заговор или переход на сторону восставшего народа», где отмечалась провокационная деятельность правительства, стремящегося вызвать преждевременные и легко подавляемые вспышки во флоте и армии. В № 6 уже описываются восстания, носящие такой именно характер, в Свеаборге, в Кронштадте и на «Памяти Азова» (с 18 по 21 июля). Там же помещена статья В. Северцева: «К восстанию в Свеаборге и Кронштадте», подробно излагающая военно-технические, стратегические и политические ошибки восстания. В № 7 — статья «Организуйтесь». В № 8: «Как действовать во время восстания».

Возобновившийся к августу 1906 года большевистский «Пролетарий», выходивший уже в Финляндии, как орган отдельных наших комитетов, в номере первом о «Казарме» писал: «12 августа вышел номер шестой газеты «Казарма», издаваемой ВО при Петербургском комитете партии. Весь номер посвящен событиям Свеаборгского и Кронштадтского восстаний, причины неудачи которых объясняются как с точки зрения несвоевременности момента для военных восстаний, так и техническими недостатками самой борьбы со стороны восставших. Подобное выяснение вопроса весьма важно для солдатских масс, переживших ужас кровавой расправы над побежденными борцами за землю и волю. К тому же, популярный язык газеты обеспечивает возможность широкой пропаганды в военной среде, что так важно для предстоящей решительной борьбы народа против царского правительства.»

Об остальных организациях.

Кронштадтская военная организация (по отчету Иды Сармус на ноябрьской конференции) рабо-

тала в контакте с питерской. Работа велась во всех частях. Руководящим коллективом являлся общегородской комитет, составившийся из выборных представителей всех частей гарнизона. Им выделялся исполнительный комитет. Главной функцией последнего в мирное время, помимо обще-организационной и агитационной работы, была подготовка к вооруженному восстанию. В момент восстания руководство должно было перейти исключительно к исполнительному комитету в расширенном его составе. Определенные организационные ячейки, опирающиеся на партийно-организованных солдат и матросов, имелись во всех ротах крепостной пехоты; в трех полках; в артиллерийских, минных и саперных ротах; в инженерной и учебной командах; на судах: «Адмирал Грейг», «Александр II», «Кронштадт», «Терек», «Диана», «Дон», «Громобой», «Герцог Эдинбургский», «Океан» и «Слава». Своей типографии не было; литература шла питерская. Систематически велись кружковые занятия; устраивались митинги даже в казармах.

Финляндская военная организация. Обширный доклад о ней сделал на финляндской конференции тов. М. Трилиссер (в то время — Анатолий). Условия работы организации здесь — особенные. В то время, как все другие военные организации работают бок-о-бок с пролетарскими, Финляндская военная организация — говорит т. Трилиссер — является единственной организацией нашей партии. Она действует на весь гарнизон, рассеянный в разных пунктах Финляндии. Это обстоятельство отразилось и на ее строении. ВО состоит из местных групп. Все местные группы, автономные в пределах своей работы, объединены в одну центральную группу, которая руководит работой всей организации, издает литературу, свой орган «Вестник Казармы» и т. д. и избирается на конференции работников Финляндской ВО. Местные группы состоят

из представителей полковых комитетов. Такова схема организации.

Своеобразной также формой работы ФВО являлись так называемые «явки». В Гельсингфорсе, например, ежедневно с известного часа являются на явку солдаты (матросы, по соображениям практики, отдельно), по 30-40 человек, по всей же Финляндии от 80 до 100 человек ежедневно. Первые два часа проходят в деловых разговорах на текущие местные темы и третий час — в беседе на темы общие. Разнообразие этих тем поразительно. Кроме явок, практиковались широко массовки и митинги. Последние были особенно популярны. Нередко — свидетельствует т. Трилиссер — казармы или лагерные палатки буквально пустовали, так как солдаты уходили на свои митинги. Патрули, которые снаряжались начальством для слежки за митингами, нередко направляли попадающихся им на дороге блуждающих солдат и матросов на митинги и часто сами со своими ружьями являлись на них. На ряду с агитпропагандистской работой, энергично велась и организационная. В большинстве частей были постоянные организационные ячейки: ротные, батареинные, эскадронные.

Расцвет Финляндской организации совпадает с моментом Свеабортского восстания, вспыхнувшего 18 июля 1906 года и закончившегося 19 июля. Организация широко использовала благоприятные внешние условия до восстания и — благодаря интенсивной деятельности ее в этот период — организации удалось охватить сферой своего влияния все находившиеся в пределах Финляндии войска. Недостаток работников («острая болезнь, особенно хорошо знакомая военным организациям!» — замечает т. Трилиссер) не позволял вести оформленную работу во всех частях, затронутых агитацией. Организационный упор был сделан на отдельные части. Тем не менее, влия-

ние организации было широко. Все происходившие раньше (до Свеаборга) выступления различных частей — как, например, в том же Свеаборге забастовка артиллеристов, а также выступления в Або, в Выборге — протекали под непосредственным влиянием и руководством организации.

Настроение у солдат и у матросов было великолепное, с заметной тенденцией к подъему по мере приближения к свеаборгским дням. Неоднократно приходилось организации напрягать все свои усилия и влияние, чтоб удержать солдат от выступления. Некоторый упадок, последовавший за Свеаборгом, можно считать почти изжитым. Организация, за исключением ее части в Свеаборге и во флотской казарме в Гельсингфорсе сохранилась повсюду. В Свеаборге (замечательная живучесть, характерная вообще для того времени и свидетельствующая более всего о том, что революция в те дни еще не шла на понижение.— Н. Ч.) опять возобновлены связи, и работа там может быть опять налажена. Положения эти констатировала и конференция ФВО, собравшаяся в сентябре. Но полное отсутствие средств, связанное с необходимостью отправки и содержания бежавших после восстания матросов и артиллеристов, не дает пока возможности развернуть работу. «Центральный комитет — жалуется тов. Трилиссер — свою поддержку организации исчерпал тремя паспортными бланками, которые он послал в ответ на просьбы о существенной поддержке.»

Далее:

Московская военная организация большевиков. О деятельности ее только отчасти можно судить по той полемике, которая возникла позднее (на конференции) между двумя видными тогдашними московскими работни-

ками — товарищами Гривой (Д. Д. Гимер) и Ильёном (Ем. Ярославский), — полемике, возгоревшейся вокруг специального доклада Гривы. Самый доклад, к сожалению, не сохранился. Оказывается, что уже летом 1905 года в лагерях московского гарнизона шла большая работа. Осенью того же года у Московского комитета были уже широкие связи во всех частях, и проводились летучки и массовки. Обслуживалось тогда и позднее 12 полков, 1 артиллерийская бригада, 3 батальона, 3 специальных роты и 2 команды, 2 управления, госпитали, склады и даже, кажется, жандармский дивизион. В большинстве — литературой, разумеется. Позднее же выходила специальная подпольная газета «Солдатская Жизнь». В ноябре возник Совет Солдатских Депутатов, большевистское влияние в котором было значительно. Известно, что в декабрьские дни московский гарнизон бездействовал: подавляли восстание привозные части.

Аресты в войсках после декабрьского восстания затормозили работу. «В начале 1906 года, — вспоминает т. Ильян — уцепившись за старые связи, мы образовали центр военной организации, организовали несколько районных групп, установили тесную связь с боевой организацией; были организованы в некоторых войсковых частях прочные ротные группы». «И в газете, и в листках мы использовали особенно тот материал, который был связан с поведением армии в Московском восстании. Так, по поводу отказа некоторых троиче-сergieвцев от наград за службу в декабре и передачи этих наградных денег в Московскую военную организацию мы выпустили листок». «Газета читалась с интересом; ее распространяла и меньшевистская группа». В марте 1906 года произошел провал значительной части центра ВО, и работа затруднилась. Один за другим — два крупных провала! Новая

ВО сделала сравнительно мало. Но работа к осени нала-
дилась. Проведены две специальных конференции. Так
обстояло дело к ноябрю 1906 г.

Рижская военная организация (по записям
товарища, фамилии которого установить не удалось). На-
чало работы среди войск в Риге относится еще к концу
1904 года, и основоположниками первых связей с солдатами
явились здесь... бундовцы. Осуществление же идеи воен-
ной организации происходит вскоре после восстания на
«Потемкине». За работу принимаются и РСДРП(б), и мест-
ный «Федеративный комитет». Создаются две параллельно
действующих военных организации. В октябре пятого года
деятельность организаций достигает уже значительных раз-
меров. Всюду открытые массовые митинги. В декабре уже
выходит газета «Голос Солдата». Под влиянием уси-
ленной агитации и московских событий в Усть-Двинске
происходит попытка открытого восстания, но,
благодаря преждевременному открытию пла-
на, подавляется в самом начале. В январе шестого года —
репрессии. В начале лагерного сбора обе организации сли-
ваются. К осени шестого года численность организованных
солдат достигает 800 человек, при общей численности гар-
низона в 10.000.

Либавская военная организация (автор
отчета не установлен). При гарнизоне в 12.000 человек
(конец 1906 г.) число организованных солдат и матросов
доходит до 800. Работа ведется в шести районах. В каждом
районе имеется «ответственный организатор с нужным ко-
личеством пропагандистов». Связи — решительно везде, за
исключением конвойной команды. С некоторыми из сол-
датских комитетов ведутся правильные занятия. Проводятся
также кружки, массовки и митинги. Издается подпольная
газета «Солдат». Вышло 25 номеров. 1.000 экземпляров
расходятся в либавском гарнизоне и 700 посылаются в Ми-

таву. Выпускается много листов. Раздается до 40 легаль-
ных газет, на каждую роту по одной газете ежедневно
(бесплатно). Каждый месяц распространяется не меньше
500 легальных брошюр. Для более же сознательных солдат
и матросов устроены научные библиотечки в каждом районе.
В чем причина столь наглядного благополучия Либавы?
«Содержит Либавскую ВО центральный ко-
митет Латышского края».

Севастопольская военная организация —
по докладу тов. Бустрем, он же Алексей. Организация
существует с середины пятого года (сравни с письмом Во-
роницына. — Н. Ч.). Больше половины севастьяпольского
гарнизона настроено (осень 1906 г.) революционно. Неодно-
кратные волнения во флоте и в сухопутных частях ха-
рактерны для Севастополя. Причины — экономические и по-
литические равным образом. «Сфера влияния ВО очень
велика, — связи имеются во всех частях». Выпускается
своя газета «Солдат» и много листовок. Легальной
литературы распространяется мало, за неимением
средств. Организация не имеет никаких определенных
поступлений, за исключением очень малой суммы от
Крымского Союза. «ЦК — малуется тов. Бустрем — ока-
зал за лето ничтожную поддержку, и это
ни в коем случае не поправило дел органи-
зации».

«В Севастополе — продолжает Бустрем — кроме с.-д.
военной организации, существует еще вольная организация
партии с.-р., довольно сильная; с ее влиянием прихо-
дится считаться, тем более, что с.-р. распространяют очень
много литературы и, очевидно, располагают
средствами, чего нет у с.-д. И все-таки — «автори-
тет Военного комитета с.-д.(б) стоит очень
высоко, — кончает т. Бустрем, — не только в Се-
вастополе, но и в Крыму.»

Екатеринославская военная организация (1906 год) по сведениям Ем. Ярославского). Довольно крупная организация и оформленная. Во всех частях (там квартируют три полка, кроме того казаки и драгуны), почти во всех ротах имеются связи и группы. Выходит орган — «Жизнь Солдата», тысячи 3—4, выпущено 12 номеров. С газетой очень считаются. Редакция завалена письмами солдат. Солдаты с нетерпением ждут выхода номера. Офицеры иногда дают объяснения солдатам по поводу заметок. За нахождение газеты особенно не наказывают, так как читают ее все. Фельдфебель иногда читает ее вслух, полемизируя.

Воронежская военная организация (за то же время — тов. Алиева). Возникла еще в ноябре пятого года. Остановиться на ней подробнее интересно потому, что организация эта типично «коалиционная», и обе коализующиеся в ней стороны влачат последствия друг друга. В ноябре пятого года существовавший в то время в Воронеже Федеративный комитет (большевики и меньшевики) постановил образовать военную группу, в состав которой вошли по два представителя — от комитета большевиков и группы меньшевиков. Работа не пошла успешно. А между тем состав гарнизона к февралю шестого года уже представлял крайне благодарную почву для этой работы (части, вернувшиеся с войны). Тогда Воронежский объединенный комитет, на основании организационного плана, одобренного всей местной организацией, решил организовать военную работу иначе: «создать из членов партии военную организацию на правах автономной группы. Создавшаяся в таком виде ВО поставила себе значительно более широкие задачи, чем существовавшая ранее военная группа». Новая ВО мечтает даже «приучить солдат смотреть на ВО, как на свое, близкое для них дело и, наконец, руководить всеми выступлениями

солдат, на какой бы почве они не вырастали». Большевистское начало как будто победило? Да, но положение совместного существования обязывает, — и большевиков. Алиев признается! «Характер агитации и дух всей работы ВО был не партийный, а революционно-демократический.» Зато — «бюджет ВО в этот период был равен 70—90 рублям в месяц.» ВО начинает выпускать свою газету «Жизнь Казармы», но — наряду с этим — распространяет среди солдат газету «Правда Божия» (?) и прочие, как пишет т. Алиев, «непартийные.»

Казанская военная организация. Казань, как мы знаем еще из старого «Пролетария», одна из первых откликнулась на наш призыв (номер 6) дать сведения о своей военной работе. Оказалось, что зародыши военной организации существовали еще ко времени III партсъезда, и что работа в войсках ведется «чрезвычайно успешно» (см. женевский «Пролетарий» № 13). Что же с тех пор изменилось? Зародыши ВО оформились в «правильно функционирующую при местном комитете РСДРП(б) военную организацию», но работа организации, хотя и стала «правильной», но в смысле успешности, видимо, вперед не сильно двинулась. Правда, тогда было организованных солдат 100 человек, а к осени 1906 года их уже насчитывается (по сведениям тогдашнего работника ВО тов. И. Лосева) до 150, но ведь учтите разницу в моментах и во времени! Правда, «работа ВО (по сообщению того же товарища) ведется среди всех частей казанского гарнизона» (а тогда — только в одном батальоне), «за исключением двух батальонов, где работают эсеры», — но тогда партийная литература читалась в казармах «нарасхват» и даже не велось списков, кому давать, а велись списки, кому не давать литературы, а вот к осени 1906 года... почти нет литературы, техника

плохая, ограничено число работников, — о средствах тов. Лосев совсем умалчивает. В чем же дело?

Сам т. Лосев откровенно заявляет: «Работа могла бы идти лучше, чем теперь, если бы была подходящая партийная литература. С центрами наша организация до сих пор не связана (!!!), и нет возможности воспользоваться текущей литературой, издаваемой в центрах. Своя же техника настолько плоха, что не обслуживает даже нужд комитета (?). На книжном рынке, нужно заметить, нашей партийной литературы нет, и, иногда, скрепя сердце, приходится пользоваться брошюрами эсеров. В заключение т. Лосев высказывает одно «благое пожелание» — скорее побороть те препятствия, которые мешают местным ВО объединяться в Центральную ВО, и вот тогда-то — надеется Лосев — будет возможность иметь текущую литературу и время от времени пополнять отсутствующих работников.»

Саратовская военная организация в 1906 году (автор сообщения не выяснен). Оказывается, что возникла организация еще в конце 1904 года, во время мобилизации! Состояла из небольшой группы интеллигентов, потом расширилась. Местный партийный комитет относился к ней «индифферентно». Но имела связи всюду, даже представители солдатских частей входили в ВО. Были кружки, массовки, — даже митинги в казармах. Ходила литература — военная и всякая. Выпустили один номер газеты «Солдатский Листок». Больших солдатских выступлений не было, но были две солдатских забастовки из-за пищи и одна из-за караульной службы; кроме того, большой группой солдат были выставлены политические требования.

«В настоящее время — читаем в сообщении — ВО представлена более, чем плохо. Связи имеются только в двух частях. Литература распространяется в небольшом

количестве, и только в двух частях. Причины: отсутствие работников; отсутствие средств абсолютно; отказ местного комитета печатать «Солдатский Листок», якобы за неимением средств». Есть (т.-е. были в 1906 году) кое-какие и внешние причины, но причины внутренние воистину поражают... Все-таки, ведь, это было в год чуть не сплошных военных восстаний!..

Нижегородская военная организация (по сообщению тов. Виктора — Урысона). Основана ВО в конце пятого года, но сколько-нибудь прочно стала на ноги лишь в марте шестого. Все же, работа протекает очень средне. Бюджет организации исчисляется копейками. Литературы мало, работников также. Получается из Питера «Казарма» и листовки из Москвы. Работа, можно сказать, ведется героически. Выступления были такие: в июне (1906 г.) Окский батальон пред'явил чисто экономические требования, которые и были почти немедленно удовлетворены. Требования были выработаны и пред'явлены под влиянием агитационных массовок при участии с.-д. партийных работников. В июле Клязьминский батальон забастовал на почве столкновения с полицией, — опять-таки благодаря массовочной агитации, и забастовка вылилась в пред'явление требований политических. Были волнения и в казачьей сотне; требования смешанные. Работники с.-д. — солдаты есть во всех частях гарнизона, но число их определяется единицами.

Ярославская военная организация (сообщил тов. Е.м. Ярославский). В Ярославле никогда не было вполне оформленной военной организации. Там уже много лет квартирует (1906) знаменитый усмирением ярославских рабочих в 1895 году Фанагорийский полк. За последние годы, вместе с наплывом свежих рекрут из охваченных движением губерний, настроение фанагорийцев

изменилось в лучшую сторону. Это уже не были послушные когда-то «молодцы-фанагорийцы». Были отдельные случаи протеста. Крамола заражает и артиллерийскую бригаду. К осени пятого года крепнет организация. Связи с казармой растут. Письмо одного казака-денщика, отпечатанное в партийной «Борьбе», вызвало и со стороны казаков попытку сорганизоваться. Очень интересные эпизоды вспоминает тов. Ярославский.

«6-го декабря (1905) в Ярославле ожидался черносотенный погром. Военные работники-большевики собрали фанагорийцев, человек 30 самых надежных, и выработали с ними заявление, которое было опубликовано в местной газете «Северный Край», за подписью «Нижние чины Фанагорийского полка». Заявление это предупреждает черносотенцев, что «фанагорийцы никакого насилия над честью, жизнью и личностью рабочих и граждан Ярославля не допустят и выйдут с оружием в руках против черносотенцев, даже если бы начальство им этого не позволило». 6-го, с утра были расставлены патрули из фанагорийцев, по инициативе их самих, резолюция прочитана была повсюду и почти всюду принята, караул был свой, и малейшая попытка погрома была бы моментально прекращена. Погрома не было, черносотенцы трусливо разошлись с молебствия по домам, отменив предполагавшуюся патристическую манифестацию. Ярославский комитет выпустил листок, озаглавленный «Спасибо, молодцы-фанагорийцы». Листок был такого содержания: 10 лет тому назад царь благодарил фанагорийцев за убийство рабочих, — теперь рабочие за защиту их говорят братьям-солдатам: — спасибо, молодцы-фанагорийцы! — Пусть солдаты судят, чья благодарность для них выше, ценнее. Листок имел большой успех».

«Когда наступила реакция, — свидетельствует т. Ярославский, — солдаты все же поддерживали связи с организа-

цией, и только в январе провалился кружок солдат, вместе с организаторами. Теперь (т.-е. к осени 1906 г.) работа в Ярославле прекратилась, так-как разбита совершенно пролетарская организация. С восстановлением организации, военная работа должна восстановиться».

Ростовская (Ярославской губернии) ВО (по записям тов. Ярославского). Неутомимый когда-то агитатор в армии, сделавший не один тур по царской России, тов. Ярославский сообщает о Ростове ярославском следующее. В местной артиллерийской бригаде агитация велась давно, а в пятом и шестом годах работа повелась с.-д. организованно. К дням свободы в бригаде была организация. Все оргячейки были выборные, был военный комитет. Вся организация охватывала около 250 чел. артиллеристов. Всю работу, агитацию и пропаганду вели сами же артиллеристы. Устраивались в самых казармах митинги, где выступали главным образом солдаты, а равно и представители местной с.-д. Эсеры доступа не имели. Начальство только присматривалось, но никаких арестов не производило. Организованы были, по инициативе командира батареи, собеседования офицеров с нижними чинами на политические темы. Офицеры принялись за изучение Эрфуртской программы, так как солдаты ставили их в неловкое положение вопросами по части программной. Когда в Ростове однажды черносотенцы пытались разгромить здание уездной земской управы, где происходил митинг приказчиков и учащихся, артиллеристы сами направились к зданию и шашками разогнали громил.

В дни реакции работа в Ростове продолжалась. Только позднее, с разгромом Ярославля, Рыбинска, Владимира и Москвы, откуда Ростов обслуживался литературой, листками и людьми, сношения с Ростовом прекратились. Любо-

пытен, между прочим, эпизод: во время декабрьского восстания в Москве часть ростовской бригады отправлена была на усмирение в Москву, под конвоем казаков. Около Мытищ их вернули обратно, так как казаки передали начальству разговоры батарейцев. Батарейцы, оказывается, поговаривали всю дорогу о переходе на сторону народа...

Смоленская военная организация (из письменного отчета ВО от 1906 года). Это — одна из самых любопытных военных организаций того времени, характерная именно тем, что предмет воздействия ее, смоленский гарнизон — один из самых серых гарнизонов России. Отсталость и неразвитость этого гарнизона, конечно, обязывали наших товарищей к употреблению упрощенных приемов агитации, равно и к лозунгам борьбы, мы бы сказали, первичным. Все это совершенно понятно, и никто бы за отсталость гарнизона не назвал отсталой самую организацию. Но вот — смоленские товарищи сбиваются в своем отчете на тон как бы полемики, считая, видимо, свои методы абсолютными, а содержание своей работы обязательным для всей России. Это уже — определенное недоразумение... Но обратимся к самому отчету.

Общий тон его таков, что сделано не очень много. Оформилась организация только в мае шестого года, а до тех пор велась работа посредством конспиративных летучек и индивидуальной обработки солдат. Впрочем, этот же метод работы практикуется и ВО. Чувствуется (по отчету) некоторая робость подхода к солдату и как бы боязнь пошире развернуть работу. Всюду ссылки на слабую восприимчивость гарнизона: пехота — подчеркивается — «серая»; казаки — «страшно косная среда, среди них можно действовать только литературным способом» (!); артиллеристы — «масса не такая серая», но... в чем же дело? Лучше других — нестроевые. Почему? «В нестроевых ротах со-

знательный элемент преобладает, что объясняется, конечно (?) тем, что нестроевые части вербуются из ремесленников, по положению революционеров (!), так что эти части являются наиболее передовыми». «Связи существуют во всех нестроевых частях».

«Агитация велась исключительно на летучках». По местным условиям, это, вероятно, так было и нужно, но рекомендовать этот почти перво-стадийный и свидетельствующий об исключительной сырости материала прием — рекомендовать такой прием, как правило, было нельзя, конечно, для всего военного движения 1906 года в России. Равным образом, как и прием индивидуальной обработки. А между тем: «мы предлагаем товарищам следующие практические советы!». В числе таких практических, — но к сожалению, непрактичных, ибо абсолютных — советов значится предложение отказаться от «организации регулярных кружков по типу пролетарских», так как «солдатам трудно отлучаться из казарм, и потому (!) их нельзя объединить в районные кружки». Опыт других тогдашних городов, однако, превосходно опроверг этот смоленский «абсолютизм». Второй совет: «принимая во внимание, что, вследствие сурового режима, главная работа ведется самими же солдатами, а не агитаторами извне, мы советуем обратить особое внимание на выработку работников внутри армии, ротных представителей и на организацию их в батальонные и полковые комитеты». Опять-таки, не возражаем — для Смоленска; но, кажется, и для Смоленска это — прием скорее 1904 года (трудность проникнуть «вольному» в казарму), нежели 1906 г.

Ново-Маргеланская ВО — сведения скудны. Работа среди войск началась с весны 1906 года группой социал-демократов (б). Техника поставлена плохо — гектограф. Ведутся кружковые занятия и массовки. Настрое-

ние среди солдат приподнятое. «Не раз приходилось удерживать от частичных выступлений».

Калужская ВО — сведений не сохранилось...

Красноярская ВО — сведений нет...

Не сохранилось сведений о целом ряде и крупных, и мелких партийных ВО ни в письмах, ни в докладах, ни в отчетах, ни в печати. Но и то, что сохранилось, представляет крайне ценный материал, как запись опыта, положительного и отрицательного одновременно.

8. Тяжелый опыт

(Свеаборгское восстание)

Нам остается еще задержаться на одном характернейшем — может быть, самом характерном в 1906 году — военно-повстанческом событии царской России — Свеаборгском восстании 18—19 июля 1906 года, — критическому описанию которого был посвящен, можно сказать, единственный по обилию организационно-политического материала, очерк-доклад участника восстания, тов. М. Трилиссера, появившийся в печати уже в 1907 году и тотчас же конфискованный. Вот этот очерк — в пересказе и в важнейших выдержках.

«Я должен начать с того, — говорит тов. Трилиссер, — чтобы рассеять неправильное представление о восстании в Свеаборге, как о выступлении организованном и заранее предрешенном. Свеаборгское восстание началось совершенно стихийно. Свеаборгское восстание, как и все почти бывшие у нас, застало организацию совершенно врасплох. Незадолго до него, недели за две, организация приступила к практической работе в сфере непосредственной подготовки к восстанию. Центральной группой Финляндской партийной организации был образован Военно-боевой центр. В этот

ВБЦ входили: представители красной гвардии и специалисты члены ФО (среди них и т. Емельянов, артиллерийский офицер Свеаборгского гарнизона). Задачей ВБЦ являлась выработка плана действий в момент восстания — объединение действий армии и финского пролетариата. Была выделена разведочная комиссия, которая должна была собирать материал и сведения, изучать те условия, при которых восстание должно будет протекать. Центральная группа пыталась разрешить другую задачу: объединение военных организаций, хотя бы соседних».

(Замечательно, что эту всероссийского масштаба задачу должна была брать на себя первая попавшаяся местная организация, и — брать в последнюю минуту, пред открытием военных действий, — в то время, как «объединенный» наш ЦК пальцем о палец не двинул для решения этой задачи. На запрос Ц. К-ту об обещанном им созыве конференции военных организаций, ФВО поучила ответ, что такая конференция «вероятно скоро соберется»! — Н. Ч.).

В конце июня 1906 года финляндская организация получила от ЦК этот ответ, а тем временем эсеровская военная организация предложила нашим товарищам из ФВО вступить в соглашение. После переговоров (эсеры начали тогда работать недавно и большого влияния не имели) стороны договорились на создании только комиссии информационного свойства. Последняя была образована.

«И вот, — пишет т. Трилиссер, — недели через две после этих разговоров с эсерами, последние приглашают нас на экстренное собрание. Выясняется, что приехал от с.-р'овской организации в Кронштадте представитель, который от имени Кронштадта заявил: «Так как Кронштадт поднимается на-днях, то предлагаем Свеаборгу поддержать нас». Эсеры поддерживали это

предложение. Представители (нашей) ФО, однако, отвергли его, указав, что такое выступление должно быть санкционировано партией, которая, учитывая его возможность, должна выработать общий план действий. Что же касается Свеаборга, то подготовительные работы только начались, и если возможно вызвать там восстание, то нет никаких данных для планомерного его проведения».

(Трудно сказать на расстоянии, какой точный смысл вкладывался тогда нашими товарищами в их ссылку на «санкцию партии», — т.-е. ЦК, — которая, «учитывая возможность такого выступления, должна выработать общий план действий». Трудно сказать потому, что ожидать от тогдашнего нашего меньшевистского ЦК подобных «планов действий» было занятием определенно несерьезным. Думается просто, что товарищи остерегались по-эсеровски форсировать события и дали им ответ в стиле отписки. — Н. Ч.).

«После долгих и острых дебатов, была принята предложенная нашей ФО резолюция, которая говорила о том, что и та, и другая сторона энергично готовятся к выступлению, и Кронштадт во всяком случае не выступает раньше извещения о готовности Свеаборга поддержать это выступление». (Впоследствии так, примерно, и вышло, с той только разницей, что... первым выступил спровоцированный Свеаборг, но Кронштадт выступил немедленно следом. — Н. Ч.). «Такое же решение — не выступать сейчас — должны были принять и свеаборжцы как нашей организации, так и с.-р., или вернее группы капитана Циона» (анархист, исключенный из ФО с.-д. и связавшийся с эсерами в Гельсингфорсе).

Как видно из дальнейшего изложения тов. Трилиссера, дело налаживалось очень не плохо, и даже после уже первой попытки военных властей устроить провокацию (арест минеров), «представители разных частей артиллерии (под руководством ФВО) имели свое собрание, на котором решили не выступать раньше определенной ситуации в России в пользу широкого восстания». Но не успели еще артиллеристы разнести это решение по частям, как спешно по приказу коменданта была открыта по группе делегатов стрельба, слышались крики революционных солдат о переброске на Михайловский, и минут через 20—30 уже ни одного артиллериста не осталось на Лагерном острове. Все, что можно было увезти с собой, артиллеристы утащили: орудия, пулеметы, все почти шлюпки. «Вся солдатская организация быстро вмешалась и скоро стала во главе повстанцев. С этого же момента связывают свою судьбу с судьбою Свеаборгского восстания т.т. Емельянов и Коханский». И все дальнейшие события проходят с этого момента при непосредственном участии ВО.

Укрепившись на Михайловском острове, восставшие артиллеристы сделали несколько выстрелов из орудий, возвещавших о выступлении Свеаборга. События развиваются с необыкновенной быстротой, и нужно отдать справедливость финляндской организации нашей партии: она не потеряла головы. В ту же ночь удается принять все предварительные меры к тому, чтоб привести суда («Эмир Бухарский» и «Финн»), а также флотскую казарму на Скатудене в состояние боевой готовности (связаться с флотским комитетом). После этого центральная группа (наша) устроила совещание с представителями Финской партии, входившими в группу, и решено было прокламировать пока

забастовку рабочих в Гельсингфорсе и на железной дороге. Часам к 4 утра (на 18 июля) на квартиру штаба явились т. Емельянов и артиллерист с Михайловского. На совещании, тут же устроенном, были приняты следующие решения: «Так как в восстании Свеаборга активное участие приняли 7 артиллерийских рот (из 10 — остальные 3 пассивно), и об отступлении думать поздно, развить энергичные наступательные действия, парализуя ближайшие к Михайловскому островные пункты, которые могли бы помешать плановости действий; затем, поставив ультиматум, сосредоточить огонь на Комендантском острове, где засели правительственные войска с комендантом. Флоту, если б он появился в водах Гельсингфорса, раз нет определенных, от организации полученных сведений о его переходе на сторону восстания, дать приблизиться на расстояние обстрела и открыть огонь, стараясь нанести повреждения, и затем уже предложить присоединиться». (К такому решению, оказывается, побуждало полное отсутствие проведенных сведений относительно поведения флота, и последствия блестяще оправдали осторожные шаги ВО. — Н. Ч.). «Затем, были распределены функции между членами ВО».

«В 8 часов утра 18 июля на флотской казарме был спущен правительственный флаг, и поднято красное знамя. Произошло это так. Когда приближалось 8 часов, барабанщик, по приказанию одного из членов флотского комитета, забил тревогу. Матросы стали просыпаться. В это же время члены финского флоткомитета, рассеявшись по казарме, призывали к оружию. Больше половины матросов, с криками «Да здравствует революция», высыпало на двор. «Кто не с нами, тот изменник! Смерть изменникам!» — призывали това-

рищи, и выстрелы в воздух из браунингов, сопровождавшие их слова, заставили и остальных матросов примкнуть к ним. Когда в 8 часов в скатуденской казарме пришли члены организации, казарма была уже в руках восставших матросов».

«Выстроившись, матросы дали три залпа из винтовок. Это матросы приветствовали восставший Свеаборг и давали сигналы к выступлению товарищам на судах. И действительно, на «Эмире Бухарском» и «Финне» можно было заметить появившиеся на палубе кучки матросов, оживленно о чем-то совещающихся. Но вслед за ними появились офицеры, которые с револьверами в руках заставили матросов сойти в трюм, где их заперли. Офицеры стали у пулеметов и открыли огонь по Скатудену. Затем к пулеметам были приставлены матросы, которые под наведенными на них револьверами стреляли».

Между тем, один из немногих уроков старого «Потемкина» был хорошо учтен юным Свеаборгом. Свеаборжцы, руководимые организацией, имели полное представление о перспективах революции и о рабочем движении в стране. Им не нужно было наскоро искать связей с рабочими, как старому «Потемкину» чуть ли не с внешним миром вообще: связь эта была у них прочной, поскольку одна и та же приведшая себя в боевую готовность большевистская организация руководила обоими. Восставшим оставалось только вооружить рабочих. И это было немедленно сделано.

«В то же время, — как бы иллюстрирует эту мысль своим рассказом тов. Трилиссер, — из города извещенные рабочие пришли на Скатуден вооружаться. Матросам была доставлена вольная одежда, в которую они сейчас же переоделись. Началось братание рабочих и матросов. Пока рабочие воору-

жались винтовками и револьверами из арсенала. Скатуден был отрезан от города солдатами и казаками. Но, несмотря на то, что солдаты держали ружья на-перевес, в проходивших матросов и рабочих со стороны солдат не раздалось ни одного выстрела»...

«Присоединение к восстанию флотской казармы ободряюще подействовало на артиллеристов. Вообще же, настроение у солдат финляндского гарнизона было в большинстве случаев благоприятное для восставших и для распространения восстания. 1-й батальон 4 полка, прибывший в Гельсингфорс из Вильманстранда, узнавши, что его посылают на усмирение, вернулся к пристани, в казармы. В Выборге товарищам из организации с большим трудом удалось удержать от выступления минеров и некоторые части крепостной пехоты. ВО ждала директив со стороны партии (ЦК — Н. Ч.), без которых она не решалась распространять восстание на остальной гарнизон Финляндии. Директивы отсутствовали»...

«Положение в России оставалось для организации в высшей степени туманным. Ежедневно приходившие газеты служили единственным показателем положения дел за пределами Финляндии. При таких условиях движение финляндского гарнизона являлось изолированным и потому заранее обреченным на поражение».

«Между тем, действия артиллеристов носили успешный характер. Взят был Инженерный остров, половина Лагерного. 18-го с пароходом, отвезшим Емельянова в город, артиллеристы захватили с собой провиант на один день»... «На третий день восстания (20 июля 1906 г.) артиллеристы послали утром коменданту ультиматум: сдать крепость восставшим, или последние открывают бомбардировку

Комендатского острова. Срок для ответа был дан до обеда. Ответа не последовало. Тогда артиллеристы, построивши линиями скорострельные орудия (шестидюймовки) и пулеметы, открыли непрерывный огонь по Комендантскому острову. Когда заряжались скорострелки, действовали пулеметы, и наоборот. Солдаты потом рассказывали, что никогда такого ада не видывали. «Жужжат пули, разрываются снаряды, и все время — хоть бы дали передохнуть!». Пехотинцы дрогнули. Приведенные из города части стали требовать от коменданта немедленного их возвращения; среди черносотенной крепостной пехоты стали раздаваться голоса о сдаче крепости. Около 4 часов сряду продолжалась эта бомбардировка. Еще полчаса, и — комендант готов был поднять белый флаг».

«Но вот на горизонте показались три военных судна. Вот они приблизились и стали на виду у Михайловского острова. Единственный момент, когда суда находились на расстоянии обстрела со стороны Михайловского острова! Среди артиллеристов почему-то разнесся слух, что это революционный флот пришел. Этому слуху способствовали уверения эсеров об их влиянии на флот, и особенно сильном влиянии на «Цесаревича», «Богатыря» и «Славу». Эти суда и явились. Товарищ Коханский (офицер Свеаборга, с.-д.) отправился на шлюпке с несколькими артиллеристами к судам — предложить им присоединиться. На «Цесаревиче» его приняли и арестовали. Затем броненосцы, ориентируясь в положении дел, ушли на расстояние 18 километров и из 12-дюймовых дальнобойных орудий открыли огонь по Михайловскому острову. Прицелу помогали с Комендатского. Удачно брошенным снарядом был взорван пороховой погреб, и унесено около ста человек артиллеристов, матросов и рабочих. Был ранен Емельянов»...

Дело шло к развязке...

«Изолированные, без провианта, потерявшие двух любимых руководителей — офицеров Коханского и Емельянова, — бессильные против дальнобойных орудий судов, артиллеристы после героического сопротивления сдались. Так пал Свеаборг!»...

В это самое время было еще в разгаре Кронштадтское восстание, начавшееся следом за Свеаборгом. И только-только началось восстание на «Памяти Азова». (О других молчим).

Изолированные, лишённые какой-либо ясной, охватывающей массу конкретной цели, кроме цели корпоративной поддержки, неопытные в военно-техническом смысле, а главное, лишённые какого-либо центрального руководства и единой ведущей воли, — восстания эти, продержавшись по два, по три дня, были разбиты, как Свеаборг, в бою, или же просто-на-просто рассосались самотеком точно так же, как самотеком и возникли. Свеаборг среди них — наиболее организованный.

В. Плесков

В ОДЕССЕ — ПОСЛЕ ПОТЕМКИНА

После ухода красного броненосца

Кончалась первая половина 1905 года, когда я — в качестве «профессионального революционера» — был переброшен из Донбасса в Одессу на партийную работу.

В Одессе только что отошли «Потемкинские дни». Только что отсюда ушел броненосец «Потемкин», на котором веяло красное знамя революции. Только что буржуазия и пролетариат огромного портового города пережили — каждый по-своему — необычайные дни: буржуазия — с трепетом и ужасом ожидала бомбардировки, пролетариат — ожидал революционного выступления моряков с величайшими надеждами, к сожалению, не сбывшимися.

Здесь надо сказать, что потемкинские события в Одессе, составляющие яркий эпизод в истории, могли бы принять совершенно другой оборот, если бы было твердое руководство со стороны партийной организации и если бы удалось быстро спаять моряков и гарнизон. По крайней мере, были очень серьезные сведения — и затем они подтвердились, — что гарнизон только ожидал начала обстрела города, чтобы перейти на сторону рабочих. Но этого не случилось. Са-

модержавие сумело расколоть гарнизон и направить его на моряков и на рабочих.

Во всяком случае, события в Одессе всколыхнули город сверху до низу и в особенности они отразились на рабочих массах. Началось забастовочное движение, и хотя жандармы и военная власть с уходом «Потемкина» почувствовали себя опять хозяевами положения и стали применять очень широко репрессии, но массы настолько были уже приподняты, что революционное движение сразу трудно было погасить. Достаточно указать на один факт. Когда политических ссыльных высылали из города целыми вагонами, то рабочие ближайшей к Одессе станции Товарной остановили поезд и устроили огромную демонстрацию на вокзале. Для первой половины 1905 года это были очень грозные признаки, — грозные, конечно, для самодержавия.

В эти дни в партийной организации началась, так сказать, переоценка ценностей: делая учет событий, искали причины поражения, причины неудач огромного исторического события. Для всех стало ясно, что ближайшей причиной неуспеха было отсутствие организации в войсках гарнизона. Тогда же решено было в партийном комитете — приступить к созданию военной организации для систематической работы в войсковых частях.

Писаря из интендантства. Печатная агитация

Порученная мне работа началась с передачи мне «связей» с интендантскими писарями. Это были, так сказать, хранители революционных связей со всеми воинскими частями гарнизона.

Спаянная группа из 15—20 писарей, довольно грамотных, во главе со старшим унтер-офицером Четвериковым, имела возможность вылавливать, по роду своей работы, лучшие элементы из войсковых частей и служить необхо-

димым посредником с ними до тех пор, пока из этих частей не выделялись представители в «центр». Предварительную «обработку» делали интенданты, а затем намеченную и испытанную «связь» передавали мне или выделенному для этого лицу.

В этом отношении услуги интендантов делу организации были особенно ценны, и потому мы берегли этих писарей, как зеницу ока: на практическую работу мы их не пускали и всячески соблюдали их инкогнито.

Очень важна была роль интендантов и в качестве наших «осведомителей». Работая в штабе, писаря доставляли нам любопытные «секретные» циркуляры и распоряжения военных властей по гарнизону. Мы давали этому материалу двойное употребление: он печатался в выдержках в местной легальной марксистской газете «Коммерческая Россия»¹⁾, вызывая грозные запросы властей — кто автор этих материалов; с другой стороны, в более важных случаях, организация откликалась на эти секретные документы разоблачительными листовками для распространения в казармах.

Помнится, один случай разоблачения вызвал большой фурор. В Одессе был специальный морской батальон. Его солдаты рекрутировались главным образом из рабочих-слесарей и механиков. Однажды наш представитель из батальона тов. Пав. Ареповский сообщил мне любопытный факт. При приемке продовольствия здесь была забракована партия белых сухарей, и для кормежки солдат они были заменены черными. Спустя некоторое время солдаты увидели, что хорошими белыми сухарями в батальоне кормят... генеральских поросят.

Факт этот был в юмористическом виде напечатан в «Коммерческой России», и газета пошла гулять по батальону. Грозное начальство пыталось «прижать» редак-

¹⁾ Под редакцией литераторов Ст. Ивановича, П. Юшкевича и др.

цию, но свиней все-таки убрали и солдатам выдали белые сухари.

Спустя месяца полтора вокруг интендантов создалась в каждой части небольшая ячейка. Тогда такие ячейки назывались полковыми и ротными кружками. Таким образом в каждой воинской части удалось сколотить небольшой центр, и тотчас же началась широкая политическая агитация. При одесском комитете была хорошая типография, конечно подпольная, тайная, которая выпустила для солдат громадное количество прокламаций. Но, ведь, с прокламацией надо было уметь подойти к широким массам. Как это делалось? Там, где была ячейка в воинской части, она, по возможности, втягивала от роты по одному представителю, а то по представителю на две-три роты. Через них на заседании ячейки узнавали основные недостатки данной казармы. Мы же обобщали эти недостатки, выбирали из них наиболее характерные и выступали потом на собрании перед солдатами с подобранными фактами из жизни их же казармы. Собрав сведения по нескольким казармам, мы обобщали эти сведения и выпускали листовки. Таким образом, при распространении листовок подпольной типографии солдаты находили в прокламациях свои конкретные фактические нужды, которые больно били их самих, например: мыла не было, грязь в казармах, мало денег платили, издевательства над солдатами и отдельные случаи этих издевательств, суровые наказания, борьба за допущение знакомых в казарму. Одним словом, мы подбирали целый ряд моментов, которые больнее всего задевали тогдашнего солдата, и этим пытались поднять их революционный дух. Конечно, такие листовки производили громадное впечатление: после каждого распространения листовок в казармах поднималось волнение, настоящий «шухер», как солдаты выражались тогда на тюремном жаргоне. Иногда некоторые из революционеров попадались при этом,

но это не мешало продолжать работу, и она шла своим чередом.

Тем легче было вести эту работу, что настроение в казармах было все время приподнятое. Войска были преимущественно из запаса, рвались домой и все время волновались. А их удерживали для подавления внутренней «смуты». Позорная война с Японией тоже сделала свое дело: она раскрывала солдатам гниль самодержавия и давно уже выветрила у них «патриотический» дух.

Листовок и прокламаций было выпущено для солдат довольно много. Помню из них две. Одна называлась «Слушай, солдат!». В очень популярной и яркой форме солдатам разъяснялась позорная роль войска при усмирении волнений среди рабочих и крестьян, и пункт за пунктом разбиралось правовое положение солдата. Каждый абзац листовки начинался словами: «Слушай, солдат!» и заканчивался практическим указанием, как отвечать на действия и приказы помещиков. Прокламация эта была затем перепечатана в столичных революционных газетах, как образец печатной агитации в войсках. Другая листовка была выпущена в ответ на попытку военных властей начать агитацию в войсках за черносотенную «партию правового порядка». Листок наш по этому поводу был издан совместно с социальными революционерами и имел большой успех.

Привожу этот листок, как образец тогдашней подпольной литературы:

«Братья и товарищи солдаты!

Берегитесь хулиганов. Берегитесь листов «Правового порядка». Подколотной змеей вползают они к вам в душу. Подлым вором подкрадываются они, чтобы затуманить вам голову и одурачить вас.

Солдат! Ты был рабочим или крестьянином. Кончишь службу, опять будешь работать на хозяина или пахать землю. Кто твой враг?

Твой враг — помещик, который забрал всю землю, а тебя заставляет околевать с голоду. Враг твой — хозяин, который выжимает из тебя последние силы.

Враг твой — те, кто защищает помещиков и хозяев против тебя, рабочего; враг твой — командиры, начальство и все теперешнее правительство.

А в «Правовом порядке» только враги твои и всего рабочего народа: помещики, домовладельцы, хозяева, богачи, начальство.

Якунин, Сухомлинов, Казаринов, Эрдели — помещики, Волчанецкий — земский начальник и живодер, Шимановский — помещик, домовладелец и содержатель публичных домов, полковник Микулин — издатель хулиганской газеты «Русская Речь», начальник юнкерского училища.

Они все — той партии. Они защищают правительство и действуют заодно с ним. Они враги народа, они и твои враги, солдат.

Теперь рабочий, крестьянин, солдат — все заговорили. Все не хотят больше жить, как собаки. А помещикам и начальству это не на руку. Они хотят, чтобы все было, как прежде, чтобы было тихо, чтобы им можно было спокойно воровать, грабить и душить народ. Да еще хотят они, чтобы солдат помогал им в этом, чтобы солдат стрелял в своих братьев.

Вот и раздают они разные хулиганские листки солдатам, уговаривают их идти против народа. Хотят, чтобы солдат своими руками себя в цепи заковал.

А правительство? Оно, как всегда, было против народа и заодно с помещиками. Всем частным газетам оно заткнуло глотку военным положением; типографии газет запечатало, арестовало всех лучших писателей. Нельзя сказать правое слово, нельзя собраться, нельзя обсудить свои дела.

А хулиганам «Правового порядка» разрешают и собираться, и говорить, и писать. Больше того, правительство помогает им всем, чем можно: отпускает пособия из народных денег, печатает в казенных типографиях их листки и газеты. Значит, правительство заодно с помещиками и хозяевами против народа.

Помни же, солдат, когда читаешь такие листки «Правового порядка», кто их пишет и раздает? Помещики, хозяева, богачи и начальники. Против кого они? Против рабочего народа, против крестьянина, против тебя, солдата. Что нужно хулиганам «Правового порядка»? Чтобы все было попрежнему, шито-крыто, чтобы рабочий работал и умирал с голоду, а богачи бездельничали и с жиру бесились.

Кто с ними заодно? Правительство, которое, как и они, до сих пор грабило народ и хочет дальше грабить.

Что делает народ?

Он хочет лучшей доли, хочет свободы, хлеба и земли. Он встает против своих грабителей.

Что должен делать солдат?

Не стрелять в народ, в своих товарищей, а помогать им добиться свободы, присоединиться к народу и действовать с народом против врагов своих.

Братья и товарищи-солдаты! Когда правительство хотело расстрелять кронштадтских солдат и матросов, весь рабочий народ Петербурга восстал на защиту солдат и спас их. Рабочие и солдаты — это дети одного народа. Это братья, а брат должен защищать родного брата.

Так помогайте же друг другу: солдаты и рабочие — братья. Вместе и дружно мы одолеем, наконец, наших проклятых врагов — правительство, помещиков и хозяев. Тогда настанет для народа новая, честная и счастливая жизнь, где все будут равны, где не будет ни хозяев, ни слуг.

Долой хулиганов «Правового порядка»!

Долой правительство — защитников хулиганов!

Да здравствует народовластие!

Да здравствует союз солдат и восставшего народа!

Военная организация одесск. комитета партии с.-р.

Военная организация при одесск. объединенном комитете РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Соц.-Дем. Раб. Партия».

Солдатские сходки

Одной печатной агитации было, конечно, недостаточно: приходилось устраивать и тайные собрания солдат. Это оказалось гораздо труднее.

Казарма в те годы была отрезана от внешней жизни настоящей китайской стеной. Проникнуть к солдатам было чрезвычайно трудно, нелегко было и собрать их на тайную сходку.

Тем не менее, тайных собраний было у нас довольно много. Излюбленным местом для них было подгородное дачное место «Ланжерон» и «Фонтаны».

Нередко приходилось ставить здесь своих невооруженных часовых-солдат, которые караулили на случай нашествия казаков или жандармов. Происходили и кружковые собрания в закрытых помещениях, например, в аудиториях Пушкинской библиотеки, где персонал был «свой». Очевидно, слежка за солдатами была все же плохая, и за 8 месяцев работы не было ни одного «провала» большой солдатской массовки.

Чтобы проникнуть в иных случаях в казарму, приходилось пускаться на сложный маневр. Возле казармы с сильной «связью» мы старались заводить чайную, где заведующим был «свой» человек из штатных «сочувствующих». Таких тогда было много. Сюда мы завлекали солдат для бесед, сюда приходили и «представители» из кружка для информации. Здесь же происходило и переодевание агита-

тора из вольных, если солдаты брались его доставить в казарму для беседы. Раздетый солдат оставался на это время в чайной, так как его шинель и шапку забирали. Конечно, для него это тоже был большой риск.

Переодетый агитатор с товарищами-солдатами легко проходил ворота, когда на дежурстве стоял «свой». Но тут пройден только первый шаг. Ведь в казарме бывают обходы офицеров, фельдфебеля. В большинстве случаев фельдфебелей называли на солдатском языке «шкурами». Таким образом в казарме приходилось как-то изворачиваться. Если рота попадалась хорошая, распропагандированная, то это не стоило труда. Люди становились у дверей и не пропускали, кого не надо, или давали сигнал.

Лично со мной произошел такой случай: офицер застукал меня в казарме на обходе.

На мне была солдатская форма и я, стоя на скамейке, ораторствовал во-всю! Кругом стояли солдаты и с увлечением слушали беседу. Солдат, который стоял у дверей, прозевал, и офицер подошел ко мне: «Кто такой?». Я не растерялся и ответил, что я представитель одесского комитета социал-демократической партии. Это огорошило офицера, он оцепенел и не знал, что сказать. Наконец, он заявил, что я должен немедленно уйти вместе с ним. Я ответил ему, что обращусь к собранию: как собрание решит, так я и поступлю. Конечно, тут нужно было найти, это был единственно правильный выход, и этим я его срезал. Я обратился к собранию, солдаты загладели со всех сторон: долой, долой офицера! и он моментально должен был скрыться.

Долго мне оставаться все же нельзя было: меня вывели из казармы, и я счастливо избег ареста.

„Зазнобушки“

Была и еще одна форма связи и тайной агитации среди солдат, — и довольно таки любопытная форма: мы посы-

ляли в казармы своих агитаторш-женщин, работниц и интеллигенток. Дело в том, что в казармы никого не пропускали, но «заснобушку» часовой всегда должен был пропустить. Если он сегодня не пропустит «заснобушку» к Иванову, завтра на часах будет стоять Иванов и он не пропустит к Петрову. На это дело надо было смотреть сквозь пальцы. Этим мы и пользовались.

Под видом заснобушки проходили девушки-агитаторши, которые специально шли на эту работу. Это была очень тяжелая, ответственная работа. Понятное дело, что в казарме они не играли роли «заснобушки», а вели пропаганду и агитацию. На такую работу приходилось направлять специально подобранный штат.

На таких ролях в нашей организации, кроме нескольких фабричных работниц, с успехом работали две девушки: В. И. Горовиц и Татьяна Михайлова — «профессионалки», целиком отдававшие свое время военной организации. С ними мы еще встретимся, когда речь будет идти о суде над военной организацией.

Состав актива

К осени наша военная организация имела уже довольно оформленный вид. Во главе ее был руководящий «центр», в состав которого входили военные от частей и партийцы — руководители работы. Имена их заслуживают быть отмеченными в истории. Лучшими работниками из военных были, помимо интендантов: Иван Алексеевич Демиденко — активный и интеллигентный солдат 205 пехотн. Измайловского полка; затем Тимофей Абрамович Зарницкий — вольноопределяющийся 273 пех. Дунайского полка; Роман Романович Политовский — от Ставучанского полка; Георгий Коваленко — старый унтер-офицер 53 пех. зап. батальона и Павел Юлианович Арповский — от морского батальона.

По Измайловскому полку активным помощником Демиденко был стрелок Я. Смелянский. Вольноопределяющийся Г. Зусман оказывал услуги своей квартирой для собраний «центра». Вокруг этого военного актива группировались групповые кружки и ячейки сочувствующих солдат, обслуживаемые нашими агитаторами и пропагандистами.

Из числа этих последних выделялись особенно 2 чел.: «Лука» — Паперно и старый подпольщик А. П. Станчинский.

«Луку» я знал еще в молодости, когда в начале 1900 годов вместе с ним приходилось налаживать подпольные ученические организации «южно-русской группы» в городах Приазовья. Он был в Одессе незаменимым для нас работником: «кацапская» наружность, борода — лопатой, хорошее произношение и умелый подход к солдату обеспечивали тов. Паперно постоянный спрос в качестве пропагандиста в казармах. На Паперно выпала трудная задача — вести организацию после нашего ареста в начале 1906 г.

Ценнейшим работником, хотя и не очень долговременным был и А. П. Станчинский. Этот был, что называется, «стреляной птицей». Крупный подпольщик с Поволжья и Дона, он имел огромный опыт в рабочих массах, был членом прославленного в те годы Донского комитета РСДРП, сидел в тюрьмах, бегал оттуда и ко всему этому — живой человек и отличный пропагандист.

Преданными техническому делу организации людьми были два товарища — юноша С. Легин и «вездесущий» Л. Френк. Они выносили на своих плечах всю технику: явки, собрания, распространение и хранение литературы и т. д. Военный суд недаром «припаял» им: одному — поселение, другому — каторгу.

Нет возможности перечислять здесь большую группу лиц из рабочих и интеллигентских слоев нашей организа-

ции, которые оказывали работе незаменимые услуги: здесь были и рабочие с фабрик, ремесленники из мастерских, студенты и студентки, врачи и служащие.

Время было горячее, порывистое, насыщенное дыханием революции, и на службу к ней шли все честные силы из «попутчиков», забывая опасность, семью и свои бытовые заботы. В такой атмосфере работалось легко, с подъемом и энтузиазмом. Верилось в победу, отовсюду шла помощь.

„Свобода“ и погромы

Приближались октябрьские дни. Одесса, как и другие рабочие районы России, жила, как на вулкане. В ней открыто шла мобилизация пролетарских и общественных сил. Прокатывались волной забастовки на фабриках и в ремесленных районах города, останавливались железные дороги, нарастало аграрное движение среди крестьян района.

С сентября широко распахнулись двери одесского университета, и туда волной повалили рабочие массы. Жадно впитывали они в себя проповедь массовой борьбы с самодержавием и капиталом. Студенчество широко отдало себя на обслуживание этой огромной революционной деятельности в стенах аудиторий.

Между тем в казармах становилось работать все труднее. По мере того, как росло недовольство в войсках затяжкой отпуска по домам, и усиливалась на этой почве наша агитация, росла и активность темных сил революции. Военное начальство вместе с черносотенцами засыпало казармы листовками, где шла открытая погромная агитация: солдат-де задерживают смуты, а сеют их революционеры и «жиды». Усилился сыск по казармам, труднее стало проникать туда. Как только начиналось легкое волнение среди солдат какой-нибудь части, начальство старалось итти на уступки, чтобы подорвать волнения в корне: начали от-

пускать по домам некоторые годы запаса, пошли в ход долгосрочные отпуска, улучшалось довольствие в казармах, широко шла в ход «чарка водки». Организация едва успевала откликаться на эти события печатной литературой и редкими выступлениями в казармах.

Были между прочим сделаны попытки — установить контакт с соц.-революционерами, которые тоже работали в войсках. Время было такое, что надо было учитывать каждую силу. Но при ближайшем ознакомлении с ними обнаружилось, что соц.-революционеры могут «козырнуть» только 2-3 «своими» офицерами. Массовой организации в войсках у них не было. Результатом этого кратковременного «романа» с соц.-рев. был, кажется, единственный листок к солдатам, приводившийся выше.

17 октября город был взбудоражен царским «манифестом» о свободах. Пошли непрерывные митинги возле университета и городской думы. Улицы были залиты рабочими демонстрациями. Алым цветом знамен запестрели шествия.

«Подполье» вышло наружу и подвергло ожесточенной критике «манифест», правильно расценивая его, как вынужденную уступку царизма под натиском революции.

«Добить самодержавие!» — таков был лозунг революции.

Но силы реакции не думали сдаваться. Манифест был ловким шагом врага: в общие ряды демократии был вбит клин, от революции оторвалась буржуазия, — для «неистовых» еще были штыки. «Смуту» решено было задавить всероссийским погромом евреев и интеллигенции.

Дорогой ценой расплатилась и Одесса: такого погрома, как в этом городе, кажется, нигде не было. Уже вечером в день объявления манифеста, по городу поползли слухи — на окраинах неспокойно. В участках началась какая-то подозрительная «мобилизация» босяков. Все полицейские

посты в городе оказались снятыми. Жуткие угрозы по адресу евреев отравляли сознание. Нарастал страх в домах, население к вечеру попряталось. «Бунд» и другие организации с первого же дня созвали свои дружины и держали их наготове.

В нашей организации была несомненно допущена крупная ошибка. Все партийные силы, в том числе и по военной линии, оказались брошенными на улицу — на митинги и для использования многотысячных шествий и демонстраций.

Казарму мы оставили на 1-2 дня в покое, — и враг сумел это использовать с лихвой. Как раз в эти дни, как позже выяснилось, в казармах рекой лилась водка, и шла открытая подготовка воинских частей к «стыку» с полицией в дни погрома.

Черная сотня завладела солдатами, в пьяном угаре тонули усилия ячеек и отдельных солдат — противодействовать замыслам реакции. Казарма была отрезана от нас тройным кольцом надзора и прекращением отпусков.

Утром 18 толпы озверевшего люда начали громить еврейские кварталы на окраинах. Первое же противодействие дружин самообороны встретилось с открытым выступлением полиции, которая залпами расстреливала дружинников. А под прикрытием полицейских наганов громили творили ужасы в домах и на улицах. В тот же день было опубликовано «обращение» командующего войсками генерала Каульбарса к населению города. Указывалось, что из домов стреляют в полицию и по войскам, что такие дома будут обстреляны артиллерией. Становилось ясно, что город умышленно предается организованному «поток и разграблению», что погром проводится обдуманно и систематически.

Город застыл в ужасе. Ружейные залпы подвигались к центру, толпы громил под защитой полиции и войсковых отрядов разгромили уже десятки кварталов на окраинах и расхаживали по центральным улицам, разыскивая еврейские вывески и дома.

Три дня весь город был во власти диких разбушевавшихся сил. Закрылись наглухо все магазины, остановилось трамвайное движение, фабрики и заводы охранялись рабочими. Улицы вымерли. Только кучки пьяных громил перебегали с угла на угол, звенели разбитые стекла, слышались вопли и стоны избиваемых, из домов летела мебель на мостовую, и шныряли грабители с тюками товаров из магазинов.

От времени до времени по мостовой цокали копыта лошадей: это казачьи части поддерживали «порядок». На их глазах шли грабежи и насилия, а казаки, посмеиваясь, проезжали мимо и выслеживали... только дружинников из самообороны. Толпы громил охранялись полицейскими с наганами в руках, кое-где полицию подкрепляли солдатские винтовки. Все было пьяным-пьяно, лица поражали краснотой и воспаленными глазами.

Три дня центром общественного напряжения всех сил был университет. Здесь сосредоточились все партийные группировки, передовая студенческая молодежь и дружины самообороны.

Отсюда в первый день погрома двинулись первые дружины на борьбу с громилами. Сюда же возвращались дружины, иногда с потерями от натиска полиции и войск. Против наганов и винтовок что могли сделать игрушечные «бульдоги» и другое попадавшееся под руки оружие?

Дружинников расстреливали издалика, не подпуская их к месту действия громил.

Два раза выходил и я с дружиной самообороны в город. Первый раз мы продефилировали два раза по нескольким

улицам, избегая встреч с раз'ездами казаков. Погромщиков мы не встретили. Второй раз дело кончилось иначе. При первой же встрече с толпой громил, шедшие впереди них городовые и несколько пьяных солдат ружейными обстрелами загнали нас с нашими жалкими «бульдозжками» в ворота какого-то дома. Железные ворота мы заперли, а сами заняли позицию в верхнем этаже дома, в квартире перепутанной на смерть еврейской семьи. Внизу уже громили какую-то лавку, а снаружи дом обстреливался «пачками». Когда несколько затихло, сделала попытку выйти из ворот группа студентов дружины с флагом «Красного Креста». Первый из вышедших был тотчас же сражен солдатской пулей. Только через несколько часов нам удалось добраться обратно в штаб, сдав убитого вызванной карете скорой помощи.

Мне помнится, что очень скоро было решено отрядов в город не посылать: нельзя было отправлять актив на верную бойню. Пришлось ограничиться помощью тем, кто спасался от погрома в университетскую «крепость»: вокруг всего квартала мы несли дежурство по охране, внутри было налажено походное питание еврейской бедноты и молодежи. Университет несколько дней переживал грозные минуты: иногда разведчики доносили, что толпы громил и полицейских направляются сюда. Но, видимо, слухи о складах динамита и бомб, якобы хранящихся в университете, удерживали громил на почтительном расстоянии. Кроме того, каким-то путем (вероятно, действовала профессура) добились охраны университета воинскими отрядами. Хорошо помню четкий абрис двух пулеметов, стоявших посреди улицы с обеих сторон университета, и случайные «связи» с караульными офицерами, которые заходили в университет и не очень лестные вещи рассказывали нам о «подвигах» высших властей. Со всех сторон доносилась

ружейная трескотня, а по ночам слышно было, как явственно ухали где-то пушки.

В эти дни, когда над городом реял ужас открытого насилия, все организации, в том числе и военная, оказались отрезанными от своей периферии. Отрезанной была на несколько дней и казарма. Ни с кем нельзя было сноситься, доступа никуда не было. Все жили в университете, здесь питались и спали.

Нам удалось, однако, несколько раз устанавливать связь с ротами, стоявшими на охране в разных частях города, в том числе и вокруг университета. Одна из таких рот во главе с знакомым офицером энергично очищала от громил сперва рабочий квартал на Пересыпи, а затем район вокруг университета. Этим была создана возможность вести организационную работу в университете, кормить сбежавшую сюда еврейскую бедноту, сгонять под арест захваченные группы пьяных громил и даже вести предварительное дознание о виновниках погрома.

Как по сигналу, погром сразу окончился, как и начался.

Вчерашние защитники громил сегодня начали энергично разгонять их, и в несколько часов порядок по городу был восстановлен. Беднота потянулась на окраины, в свои разрушенные и разграбленные дома. Тысячи трупов, обезображенных и неузнаваемых, заполнили все мертвецкие в больницах, прозекторские в университетах и еврейское кладбище.

Несколько дней город был в трауре. У братских могил собирались тысячи людей, и здесь разыгрывались необычайные сцены при опознании трупов. Повсюду бродили обезумевшие люди, ища и не узнавая своих близких...

Новая волна

Ноябрь принес Одессе огромное нарастание революционного настроения масс.

Широкой кампанией прошли выборы в Совет рабочих депутатов. Обе разрозненные до сих пор социал-демократические организации (большевиков и меньшевиков) объединили на время свои ряды и силы, готовясь к новому бою с царизмом и группировавшейся уже вокруг него буржуазией, для которой достаточно было и «куцой конституции» по манифесту. Все взоры были обращены на Петербургский совет рабочих депутатов.

Огромным скачком ринулось вперед профессиональное движение. Мне пришлось только урывками участвовать в нем. Один яркий момент запечатлелся в памяти. В огромной аудитории собралась масса почтенных пожилых бородачей-рабочих. Здесь закладывался фундамент какого-то профсоюза — обсуждался пункт за пунктом «нормальный» устав союза, разработанный мною и еще кем-то в комиссии, а «тяжелая артиллерия» в лице Д. Рязанова выступает с замечательно интересными экскурсиями в область истории западно-европейского рабочего движения каждый раз, когда какой-нибудь с.-р. или анархист пытается пожать лавры в нашей аудитории.

В эти дни приходилось выступать по 5—6 раз за день на собраниях в университете. Для меня лично это кончилось временной потерей голоса и лечением в больнице, где-то на лимане.

В казармах, между тем, шли волнения. Запасные солдаты рвались домой, их под разными предлогами удерживали, проводя демобилизацию очень медленным темпом. Военная организация укомплектовалась новыми силами объединенного комитета, и мы осмелели. Митинги бывали уже в самих казармах, солдаты охотно слушали политиче-

ские речи, офицеры благоразумно не видели, что делается у них на дежурстве в ротах. Из этих времен сохранился в памяти большой митинг солдат в университетской аудитории, созванный при помощи уже упоминавшихся выше писарей интендантства. Выступали здесь Четвериков, я и какой-то оратор, кажется, из «Спилки»¹⁾, во всяком случае из крестьянской организации. Говорил он простым, но очень образным языком, по-хохлацки, о «дворнике», которого жильцы наняли, чтоб за хозяйством дома смотрел, а он стал дубиной жильцов лупить и житья никому не дает. И когда оратор задал вопрос — не пора ли этому «дворнику» дать метлой по шее, вся солдатская масса не дала ему закончить, огласив зал единодушными криками «долой самодержавие». Уже смеркалось, и мы наговорились досыта, когда нам сообщили студенты из университетской охраны, что к воротам идет вооруженный отряд казаков и жандармов для ареста митинга. Без всякой паники мы закончили собрание, и студенты вывели всех присутствующих задними воротами в какой-то проулок. Никто не пострадал. Шума этот митинг наделал в казармах много. Начальство пробовало выведать, кто из солдат был в университете, но толка из этого не вышло.

К этому же времени относится и новый рост печатной агитации. Буквально ни одного выступления в казармах не оставляли мы без внимания в своих «летучих» листках и воззваниях.

Волна спадает

Между тем, и враг не дремал. Когда Москва перешла уже к баррикадам, наш молодой Совет рабочих депутатов доживал свои последние дни — под влиянием упадка общего настроения в массах и под постепенными ударами охраны,

¹⁾ Соц.-дем. крестьянская организация на Украине. *Ред.*

отсекавшей от партийных организаций и от Совета кусок за куском отдельные их части. В начале января Совет тихо почил в одиночках одесских «крестов». К этому времени и в рядах военной организации завелась предательская червоточина.

Военная организация была довольно большим бельмом на глазу командующего войсками, погромщика Каульбарса. За все время работы мы не вылезали из подполья, и хотя агентурная слежка на периферии, очевидно, была, — однако, добраться до «головки» без «своего» человека охранке было не так-то легко. Но на волка и зверь бежит. Случай «слопать» нас скоро представился.

В конце ноября или в начале декабря канонир артиллерийского склада Василий Колесниченко встретился на улице с сестрой милосердия Полиной Аржанской (с.-д., член одесской организации), с которой он познакомился, будучи на излечении в каком-то из одесских госпиталей. Аржанская пригласила солдата в молочную на Б. Арнаутской ул., где я встречался иногда с Френком и другими товарищами. Артиллеристу тут же всучили листки и брошюры, которые он, придя в казарму, прочел и даже другим роздал, а потом, испугавшись, стал их жечь. Это увидел его ближайший начальник, фейерверкер Василий Фотенко. Страха ради иудейска, малограмотный солдат выложил Фотенко, как было дело. Фотенко оказался «шкурой» и доложил обо всем капитану Парамонову, начальнику артсклада.

Тут-то и попал бычек на веревочку. В следующий раз в молочную явился уже и Фотенко и еще один солдат, Аггей Марфутин. Братия наша увидела, что «клюнула» новая «связь», и давай ее обхаживать, благо фейерверкер оказался словоохотливым и начальство свое хаял во-всю. Попал скоро Фотенко и на сходку солдат в Пушкинской аудитории на 3 станции Ср. Фонтана, где выступали я и Татьяна Михайлова.

Нам обоим Фотенко не понравился. Мне помнится даже, что мы решили его проверить следующим образом: Фотенко все время упирал на то, что командира своего солдаты-артиллеристы хотят убить, и просил бомбу. Ему назначили «свидание» в чьей-то квартире, и Татьяна Михайлова решила притти сюда, открыто неся пакет, вроде снаряда. Если будет слежка за квартирой или арестуют, стало быть, нарвались на провокатора. Так как все обошлось благополучно, — Фотенко поверили.

13 декабря арестовали доктора Соловья, на явке у которого бывал Фотенко. Мы аресту не придали особого значения, так как Соловей был связан и с соц.-дем. организацией и с Советом депутатов. 4 января взяли еще одного члена организации. Это заставило нас насторожиться, но, видимо, не очень. На 17 января я созвал «центр» на квартире т. Зарницкого, чтобы наметить план дальнейших действий в присутствии представителя одесского комитета А. Горнштейна.

Как вышло, что пригласили сюда и Фотенко (если верить его показаниям в судебном «деле») и с моего ли ведома — не помню. Фотенко не пришел, а вместо себя прислал Марфутину.

Через полчаса после начала заседания нас «застукали» жандармы, а поздней ночью прямо от Зарницкого нас доставили в тюрьму. Чтобы замести следы и для лучшего «освещения» дела, Марфутину продержали с нами около месяца. Мы расстались с ним, кажется, в полной уверенности, что это тоже «жертва» Фотенко.

Л. Френка арестовали несколько позже, в феврале.

Месяцев через 8 нас судили военно-окружным судом. Защитников собралось не менее, чем обвиняемых, душ 10-11. Среди них был В. Беренштам из Питера, Кальманович, Вакар из Киева, лучшие адвокаты Одессы: Пергамент, Цвиллинг, Гросман, Тиктин, Шапиро и др.

Очень хотелось и нам, и защите, чтобы дело попало в сессию, когда председательствовал генерал Станиславский — большой по тому времени либерал, ставший впоследствии защитником. Он давал очень мягкие приговоры, чуть ли не по соглашению с защитой; судившийся после или до нас состав объединенного комитета РСДРП (среди них Лева Шейнфинкель — покойный М. Владимиров) отделался сущими пустяками, и большинство вышло на «волю».

Нам не повезло — состав суда оказался иным. Но так как Фотенко и Марфутин — главные свидетели — провокаторы — на суд не явились «по обстоятельствам военной службы», то удалось в первый раз дело сорвать.

Через 2 или 3 месяца повторилась та же история с неявкой свидетелей. Только атмосфера была уже иная: на «верхах» военщины было решено дело прикончить обязательно, и снова отложить его суд отказался¹⁾.

Уже по тому, как нас рассадили, был ясен приговор: выделили в отдельную группу меня, Френка и Горнштейна, нас посадили на какое-то возвышение. Другую группу составили: Станчинский, Горовиц и Леонтьев (Татьяне Михайловой удалось, благодаря каким-то военным «связям», выйти из тюрьмы под залог и эмигрировать). В третьей группе оказались прочие штатские — Шапиро и д-р Левенсон. Отделили от нас всех военных в 4 группу. Мы, подпольщики, на отказ суда отложить дело ответили демонстрацией, шумом и политической бранью по адресу суда, и нас вывели. Ушла и защита. С нашего согласия остались все солдаты, Шапиро и Левенсон.

Как рассадили, так и осудили. I группа получила 8 лет каторги, II — 6 лет и 4 года (В. Горовиц); Шапиро, Левенсона и двух солдат — Ареповского и Коваленко — оправдали.

¹⁾ В. Беренштам предлагает нам принести «лошадиное» рвотное — какое-то масло в пилюлях, чтобы срочно захворать, но мы отказались — надоело тянуть «волюнку». В. П.

Демиденко и Политовский получили ссылку на поселение. То же самое дали позже и отдельно С. Левину.

Вечером, в день суда над нами, мы собрались в одиночке у Станчинского и с увлечением, взасос читали вслух американскую поэму Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Хорошее это было время.

Мы были молоды и бодры, верили в революцию, шли на борьбу с восторгом, с величайшим подъемом сил. В таком настроении мы были и в тюрьме. Свободный режим здесь уже доживал свои последние дни. Когда нас отправляли на каторгу, товарищам удалось открыть камеры на всех коридорах, и нам устроили торжественные проводы с «Интернационалом».

Товарищи из основного ядра военной организации пережили каторгу и поселение и состоят теперь членами Общества Политкаторжан. При случае они выступают на собраниях рабочих, крестьян, молодежи и красноармейцев — с воспоминаниями о прошлых годах славной русской революции.

В. Ульянинский

МЯТЕЖ ГРЕНАДЕР

Вооруженная забастовка Ростовского полка „Полк верен присяге“

В ноябре 1905 года командир Ростовского полка, полковник Симанский, телеграфировал из Москвы шефу: «Счастлив донести вашему императорскому высочеству, что среди общей разрухи Ростовский полк верен присяге и по-прежнему служит царю». Не прошло и двух недель, как полковнику Симанскому пришлось послать тому же шефу — в. к. Михаилу Александровичу, уже другую телеграмму — о своей отставке: Ростовский полк взбунтовался и не подчинился его приказаниям.

Восстание Ростовского полка, бывшее между 2 и 4 декабря, не отличается особыми драматическими моментами, но в общем ходе декабрьских событий в Москве оно сыграло свою немаловажную роль.

Начиная с восстания броненосца «Потемкина» в июне 1905 года, в разных местах России происходили тогда бунты матросов и солдат. Все они были разрознены, не организованы и в большинстве случаев кончались неудачей, массами жертв и как-будто не приносили революционному движению существенных побед. Но, рассматривая теперь эти проявления революционной энергии рабочих и крестьян в войсках и во флоте, можно определенно утверждать, что

эти разрозненные вспышки сделали свое большое дело и в значительной степени расшатали власть самодержавия.

Только гвардия и гренадеры, расквартированные в столицах, оставались еще верными присяге и царю. И вдруг, неожиданно для царского правительства, в начале декабря вспыхивает восстание Ростовского полка. Восстание это замыкается в своих узких казарменных пределах, восставшие солдаты выбирают революционное начальство — полковой комитет, вырабатывают ряд политических и экономических требований и объявляют забастовку до полного удовлетворения этих требований, но активно, как воинская сила, не выступают на улицу. Однако, несмотря на эту кажущуюся пассивность, влияние восстания ростовцев на настроение других полков гарнизона Москвы было велико и отразилось весьма значительно на поведении властей. Власти Москвы неожиданно оказались без той вооруженной руки, которая так нужна была царскому правительству в декабрьские дни, — дни, отмеченные вооруженной борьбой в Москве, по великому Сибирскому пути и другим местам России. Когда вспыхнуло восстание в Москве, власти не могли противопоставить восставшим рабочим, кроме незначительной силы полицейских, никакой вооруженной воинской части. Революционные события в Москве смогли развернуться так пышно только потому, что в этот момент Москва была внутренне обезоружена: московский гарнизон был ненадежен, и во всех полках его происходили волнения, — правда, менее значительные, чем в Ростовском полку. Для усмирения восстания в Москве потребовалось прибытие гвардейских полков, и только верные семеновцы смогли «мечем и огнем» покорить восставшую Москву.

Командиры и солдаты-гренадеры

Гренадерские полки, как и полки гвардии, комплектовались особым порядком: в них набирали наиболее рослую

и сильную молодежь из лиц призывного возраста, при чем самые красивые шли в гвардию, менее же красивые лицом и фигурой наполняли гренадерские полки. По своему социальному происхождению, солдаты гренадерских полков были преимущественно крестьяне разных губерний: жителей городов, ремесленников и рабочих среди гренадер было очень мало. Грамотных в гренадерских полках было немного, 25—30%. Среди этой преимущественно крестьянской массы были вкраплены одиночки-интеллигенты, призванные на военную службу по жребию или отбывавшие воинскую повинность в качестве вольноопределяющихся. Они большого влияния на солдатскую массу не имели и с ней не сливались. Солдаты относились к ним, как к господам, доверия особенного не чувствовали, а те, с своей стороны, старались как можно меньше времени проводить в казармах среди солдат, и если была возможность, отбыв свои служебные часы, уходили в город. Со стороны же начальства были приняты меры к тому, чтобы между вольноопределяющимися и обычной рядовой массой не завязывалось тесных связей. Таким образом, солдатская масса была предоставлена самой себе и своему ближайшему начальству. Последнее, как известно, делилось на две резко обозначенных группы: начальство из нижних чинов и «господ офицеров». Начальство из нижних чинов — ефрейторы, унтер-офицеры и фельдфебеля — обычно представляли собой наиболее развитую, умную и талантливую часть солдатской массы, сумевшую во время службы путем личных усилий выделиться из общей серой массы солдат. Эта публика смотрела на свое новое начальственное положение, как на возможность более легко нести службу, при случае слегка обогатиться и прижать своего же брата, рядового гренадера. Все обучение солдата, вся тренировка казармы были построены на постоянном и неуклонном участии этого маленького начальства из нижних чинов. Они обучали серого молодого солдата, когда он при-

ходил в полк. Являясь теми дядьками, которые насаждали в головах крестьянских парней премудрости военной науки, они же являлись его ближайшим начальством во все время остального срока службы, верными передатчиками и исполнителями всех указаний высшего начальства. Это низшее начальство, конечно, очень хорошо знало и понимало душу той рядовой солдатской массы, с которой ему ежедневно приходилось сталкиваться, и здесь не было того обычного разрыва в понимании и той разницы быта, которые существовали между рядовой солдатской массой и офицерством. Особое значение в жизни солдата имел его взводный унтер-офицер, от которого зависела вся жизнь солдата, и фельдфебель той роты, в которой он числился. Эти лица, если хотели, могли превратить жизнь молодого солдата в подлинную каторгу. Поэтому каждый молодой солдат, попав на службу, прежде всего, старался установить так или иначе добрые отношения со своим взводным и своим фельдфебелем — обычно путем маленьких взяток, разных мелких услуг и т. п.

Офицерство стояло от солдат несравненно дальше и появлялось в их жизни и быту только в более или менее торжественные моменты, вся же воспитательная работа в ротах, а значит и во всем полку, лежала на начальстве из нижних чинов. Господа офицеры появлялись в казармах обычно на недолгое время, в ротах непосредственно с солдатами занимались мало и вообще прямого соприкосновения с ними почти не имели. Офицерство в гренадерских полках можно разграничить на две крупных группы: младшее офицерство — поручики, подпоручики и штабс-капитаны по чинам, а по обязанностям — взводные и полуротные командиры — это, с одной стороны, и капитаны, подполковники и полковники — ротные, батальонные и полковые командиры — с другой. Младшее офицерство смотрело на свою службу, как на скучное времяпровождение и старалось бывать в казармах как можно меньше времени, а, приходя туда, занималось разго-

ворами о весело проведенных вечерах и ночах, и меньше всего служебными занятиями. Ротные командиры, являвшиеся хозяевами роты, в действительности больше всего внимания уделяли не солдатам, а лишь вопросам довольствия роты, интересовались переключением одежды из срока в срок, подысканием для роты в месяц, отведенный для хозяйственных работ, подходящих занятий и т. п., — вот, что являлось главной заботой ротного командира. В большинстве случаев это были старые капитаны, долгие годы носившие свои капитанские погоны и все время тщетно мечтавшие о получении подполковничьего чина и о переходе на высшую должность. Вне служебного времени эта публика играла в карты, пьянствовала или, обремененная семьей, занималась своими личными делами. Из таких хозяев роты за выслугой лет создавались командиры батальонов, люди, долгие годы проведенные на военной службе и, благодаря необычайной узости интересов, превратившиеся в странных типов, с различными причудами (далее я приведу в качестве образца характеристику одного такого батальонного командира).

Возглавлял полк и являлся ответственным за все, что в нем происходило, полковой командир. В те времена, о которых идет речь, Ростовским полком командовал полковник Симанский, — офицер, окончивший академию генерального штаба, любивший книги и собравший большую библиотеку, ко всему этому военный писатель — он писал статьи по военным вопросам в известных черносотенных «Московских Ведомостях». Это был несомненно неглупый и достаточно культурный офицер, но все его знания и вся его культурность ушли на показную сторону, на внешний лоск. Он очень любил выдавать себя за знатока солдата, и часто, показывая полк какому-нибудь высшему начальнику, полковник Симанский, обращаясь к встречному или стоявшему на вытяжку солдату, говорил: «Ну, что, Семенов, как у тебя в семье, — ладно идет хозяйство? Ты давно письма получал?».

С этой графярной фразой полковник Симанский обращался к любому солдату, при чем Семенова называл Ивановым, Иванова — Петровым, а солдаты, боявшиеся поправить командира, всегда отвечали односложно, обычным «так точно» или «никак нет». У присутствовавших создавалось впечатление, что полковник Симанский знает каждого своего солдата в отдельности.

Батальонные командиры, как я указывал выше, были людьми со странностями. Особенно отличался странностями подполковник Повало-Швейковский. Его странности заставляли иногда предполагать, что имеешь дело с человеком не вполне нормальным. Это был старый служака, как передавали, начавший свою военную карьеру в войну 1877 г. Он был необычайно требователен, криклив и для своего возраста очень подвижен. Когда он появлялся в своем батальоне, то по рядам солдат пробегал шопот: «Повала идет», и все бросались врассыпную от глаз грозного начальства. Незастегнутая пуговица, слегка раздвинутые ноги, беспорядок в прическе — все это служило предметом строгого распекаания, криков и угроз — отправить под арест. Во время ученья Повало, не стесняясь присутствием посторонней публики, ругал солдат самыми площадными словами, при чем от долгой привычки он ругался мастерски и служил предметом подражания среди солдат. При такой строгости и требовательности к исполнению службы, подполковник Повало-Швейковский существа военной службы не затрагивал, а придирался и разносил за мелочи. Мелочность крайне характерна для Повало-Швейковского. Он мог допустить или, вернее, проглядеть какое-нибудь крупное проявление беспорядка, но то, что крючок не был «утоплен» (пришит поглубже), могло вывести его из себя, заставляло неистово кричать и применять к виновному самые суровые меры наказания. Как утверждали в батальоне, его стремление построить свою жизнь по установленному военному образцу было настолько велико, что

даже дома для себя и своей жены он ввел раскладку продуктов для обеда так же, как это делалось в казармах для солдат.

Дисциплина в Ростовском полку, как и в других гренадерских полках, была очень сурова: за малейшие отступления от порядка казарменной жизни или за невыполнение приказаний начальства следовали строгие кары — наряд не в очередь на службу, оставление без отпуска, аресты на различные сроки. При мне в полку физических методов воздействия, т.е. битья солдат, почти не применяли. Было, правда, несколько случаев, когда офицеры били солдат, но это были исключения, о которых долго говорили в полку, — мордобой, как бытовое явление, в мое время в Ростовском полку не имел места. Солдата больше всего старались оглушить суровой дисциплиной, неуклонным исполнением малейших требований службы: все обучение солдата было направлено на то, чтобы из деревенского парня в возможно более короткий срок сделать машину, вполне послушную воле начальства. Для достижения такого результата был очень точно разработан план занятий с молодым солдатом, и к моменту присяги, которая обычно происходила через 4-5 месяцев после прихода солдата на службу, каждый рядовой становился совершенно послушным орудием в руках своего начальства.

Война и улица проникают в казармы

Проникновение всякого постороннего влияния было пресечено. Казармы были ограждены от всего мира, действительно, почти неприступной стеной, и долгое время солдаты жили изолированно, своей солдатской казарменной жизнью. Только русо-японская война сначала незаметно, а потом все больше и больше нарушила привычный строй жизни в наших казармах. Началось с того, что солдаты, сначала твердо уверенные в наших победах над маленьким «макакой», были

необычайно удивлены тем, что даже официальные известия не говорят о победах. Всякий раз, как наши войска сталкивались с японской армией, мы оказывались битыми — официально это называлось: «отошли на заранее приготовленные позиции». Этот отход, систематический и неуклонный, невольно вызывал вопросы: а почему же мы не наступаем? Почему русская армия, доселе такая победоносная, как учили солдата, в эту войну не одерживает побед? Это пробуждение критической мысли, это стремление понять то, что делается за пределами казармы — было чревато большими и грозными последствиями. Невольно, в силу интереса к военным событиям, солдаты начали читать разрешенные (читай черносотенные) газеты, но даже и они не могли утаить того, что война ведется крайне позорно. На указанную тему постоянно возникали разговоры между солдатами, вопросы начальству, и в результате — недоуменная мысль: почему же мы начали эту войну с надеждой на скорый и быстрый победный конец, а сами до сих пор все отступаем и отступаем? Это была еще не «политика», но и с ней солдатам за 1904—1905 гг. приходилось соприкасаться вплотную довольно часто и тесно.

Войска московского гарнизона не один раз за это время вызывались на так называемые «усмирения». Это значило — забастовал какой-нибудь завод. Начальство встревожено, полиция заявляет, что одна она справиться не может, и вот дается наряд на вызов воинской части. Приходилось и мне в числе солдат нашего полка бывать на таких усмирениях. Обычно отношение солдат к таким вызовам было глубоко неприязненное. Вызов на усмирение для солдата значил, что его неожиданно выведут из казармы, из привычного образа жизни и посадят на неопределенное время в депо, если это ж.-д. забастовка, или какое-нибудь другое помещение, если это забастовка рабочих. Сидят солдаты без дела, одетые, с винтовкой в руках, и такое состояние караульного безделья

нервировало и утомляло больше всякой работы. Разговоров на тему, кто бунтует, зачем бунтует, справедливо ли бунтуют и нужно ли усмирять — обычно почти не велось. Солдаты смотрели на вызовы, как на тяжелую караульную службу, и старались от таких нарядов отделаться, но так было только вначале. По мере того, как вызовы на усмирение учащались, солдаты начали интересоваться — зачем их вызывают, кто бунтует, но вопросы эти ставились пока очень неопределенно и нерезко.

Одним из фактов, глубоко всколыхнувших солдатскую массу, было убийство великого князя Сергея Александровича террористом Каляевым. Тут солдат поразило следующее: они знали, что великий князь Сергей — дядя царя, что он командовал войсками, и вдруг — этот всемогущий в Москве человек неожиданно падает мертвым от руки «неизвестного злоумышленника», как писали в газетах. Подробности убийства глубоко взволновали солдатскую массу.

Попадала к нам в то время, — я говорю о начале 1905 года, — и партийная литература. Она обычно кем-то разбрасывалась по коридору, в уборной, на дворе казармы. Солдаты ее поднимали, прочитывали, если были грамотны, а если неграмотны, то выкуривали, но результаты и в том, и другом случае были одинаковы: как грамотные, так и неграмотные весьма мало усваивали из этой литературы. Она была обычно написана таким языком и говорила о таких явлениях жизни, которые были еще совершенно недоступны пониманию рядового солдата. Связь с революционными организациями у отдельных солдат, возможно, и была, но это были личные связи, оставшиеся от прежней воли, и для распространения революционных взглядов среди солдат такие знакомства большого значения не имели. Мне вспоминается один или два случая ареста солдат нашего полка по политическим причинам. Когда один из таких арестованных вернулся в полк (прокурор не нашел против него никаких уличающих

обстоятельств) и был отдан под надзор в роту, то он буквально был белой вороной — на него все чрезвычайно подозрительно смотрели и говорили с ним с опаской.

Итак, несмотря на влияние войны, которая продолжалась все с большим неуспехом, несмотря на нарастание революционных явлений в стране, в полку, в общем настроение было прежнее, царила муштра, царило подчинение своему начальству, и о каких-либо новых веяниях, новом духе и речи не могло быть. Так продолжалось, примерно, до начала лагерного сбора весной 1905 года. В это время к нам в полк были присланы мобилизованные запасные солдаты, большей частью крестьяне центральных губерний, бородатые, давно забывшие военную службу, пропитанные запахами земли и труда; они принесли в казарму совершенно иное, свое отношение к военной службе, свою оценку происходящих событий. Если для действительного солдата строй был «священным местом», где нельзя было даже глубоко дышать и надо «глазами есть начальство», то запасные к такому рвению на службе относились с некоторой иронией. Их больше занимало то, скоро ли отпустят домой, как идет уборка сена дома, не упадет ли их крестьянское хозяйство за это время, пока они будут служить царю и родине. И вот этот новый дух, принесенный запасными в наш полк, в скором времени сказался на отношении солдат к службе и к войне, к происходившим вокруг них революционным событиям. Запасные солдаты оказались несомненно более сильными и более убедительными агитаторами, чем кто-либо другой. Их крестьянский разговор и трудовое отношение к жизни сразу вернуло молодых гренадер к их прежнему крестьянскому лику, и от былой казармы, пропитанной фельдфебельским духом, уставом внутренней и гарнизонной службы, почти не осталось и следа. Правда, ученье шло обычным порядком, караулы тоже неслись исправно, так же отчетливо отбивали шаг во время маршировки, но это была только

внешняя муштра, под которой уже не было серьезного казарменного отношения: солдаты распустились, как говорило начальство, солдаты начали терять воинский дух.

Под гром революции

А в стране в то время все ярче и сильнее вспыхивали и разгорались революционные события: в июне 1905 года прогремели первые выстрелы с «Потемкина». Восстание матросов на «Потемкине» оказало на солдатские массы огромное влияние. До сей поры они знали, что бунтуют студенты, бастуют рабочие, иногда происходят аграрные беспорядки в деревнях, но войско было спокойно, войско подчинялось воле начальства, а тут ярко вспыхнул матросский бунт. Матросы побросали своих офицеров в море, подняли красные флаги и ушли неизвестно куда. Вспоминается один любопытный, услышанный мною разговор. Образцовый унтер-офицер, обучавший солдат в учебной команде, с восторгом рассказывал другому: «Потемкинцы-то, слышал, какие молодцы — всех своих офицеров побросали за борт. Так им (за этим следовало непечатное выражение) и надо!». Меня несколько не поразило бы, если бы это говорил рядовой гренадер: мало ли что может зародиться в солдатской голове... Но это говорил образцовый унтер-офицер, для которого войсковая дисциплина и всякое начальство, казалось, были священны. Стало совершенно ясно, что даже в самом образцовом, вымуштрованном солдате скрыто много глубокой ненависти к своим начальникам — офицерам. Дальнейшие события, разыгравшиеся в стране, не внесли, конечно, успокоения в солдатскую массу, а когда разразилась октябрьская забастовка, то смущение солдатских умов достигло своего апогея.

В октябре жизнь в Москве приостановилась: забастовали заводы, перестали работать железные дороги, не было освещения, конка не действовала, и уверяли, что скоро остановится и вода. В наших казармах настроение было крайне

ошущенное и подавленное. Так растерянно чувствовали себя не только мы, нижние чины, но и наше начальство. Оно усиленно сносилось по телефону, запрашивая инструкций и указаний у высших властей, но, повидимому, ничего оттуда не получало. Единственной мерой, проведенной в то время, было запрещение солдатам выходить из казарм и формирование особой роты «на случай тревоги». В такой неизвестности мы прожили день или два. 18 октября к нам в учебную команду вбегают офицер с сияющим лицом и объявляет нам, что России дарована конституция, что отныне мы все — свободные граждане, имеем право высказывать свои политические взгляды, собираться на открытые собрания, и что в скором времени будет созвана Государственная дума. Поздравив нас с этим радостным событием, он сейчас же распорядился отпустить всех нас по домам. А на улицах в это время творилось нечто совсем необычное. До того пустынные улицы Москвы наполнились огромными толпами людей, которые несли красные флаги и пели разные революционные песни. Никто им в этом не препятствовал, полиция почти отсутствовала, везде и всюду виднелись кучки спорящих по поводу манифеста 17 октября. Как известно, не все было радостно в эти дни. На ряду с митингами и манифестациями, вскоре по всей России прокатилась волна черносотенных погромов. Но казарма больше и сильнее всего реагировала на открытые проявления революционной энергии.

Особенно значительна и памятна для всех москвичей была манифестация в день похорон убитого революционера Баумана. Солдаты в то время свободно пользовались выходом из казарм и невольно втягивались в манифестировавшие толпы, невольно попадали на митинги и слышали речи и слова, которых доселе им никогда не приходилось слышать. Ко всем этим впечатлениям, поражающим внимание солдат, прибавилось еще воздействие революционных газет,

начавших в то время свободно выходить в Москве. Мне вспоминается, что особенно читались солдатами две социалистические газеты: «Борьба» и «Вперед». В них смело и необычным для солдата языком говорилось о тех новых явлениях в нашей жизни, которые предстояло пережить всей России. В этих газетах, помимо обычных разделов, был еще один особый отдел, весьма важный и интересный для солдат; отдел этот назывался «В казарме». Там сообщалось о случаях неподчинения начальству, о волнениях, о предъявленных в разных полках требованиях. Там солдаты или лица, близкие к полковой жизни, писали о разных явлениях солдатской жизни. Этот интерес к солдатским казармам и стремление открыть солдатам глаза на происходящие события захлестнули даже и несоциалистическую прессу. Почти во всех газетах уделялось много внимания солдатской жизни. В одной из московских газет, в «Вечерней Почте», несколько раз появлялись заметки о жизни в нашем полку. Я помню, одна из таких заметок произвела особенно сильное впечатление на наших солдат. Корреспондент, повидимому, солдат, рассказывал о том, как денщик командира 14 роты, капитана Андреева, почтительно водит командирских собачек на прогулку и проявляет к ним величайшее внимание. Об этом, таком обычном в солдатской жизни явлении, было рассказано так весело и ядовито, что солдаты читая эту заметку, покатывались от смеха, а отец-командир рвал и метал, разыскивая автора. Все подобные заметки, указывавшие на различные ненормальности в жизни нашего полка, с восторгом читались и перечитывались и потом долго служили темой для разговоров.

Большие события в стране не могли не отразиться хотя бы малыми событиями и в нашей жизни. Вскоре после октябрьских дней в 7 роте нашего полка произошли недоразумения, правда, носившие чисто экономический характер — столкновение с командиром из-за заработанных на воль-

ной работе денег. Эта забастовка и проявившийся в ней дух недовольства ярко показывали, что солдатская масса уже не та, что она готова защищать свои интересы и что прежнего послушного орудия, прежней «серой скотины» уже нет. В казарму стали свободно проникать газеты даже социалистические, на солдат обратили усиленное внимание революционные партии.

Крамола в полку

К этому времени, т.-е. к началу ноября 1905 года, относится начало более или менее систематических сношений революционных организаций, соц.-демократич. и соц.-революц., с солдатами нашего полка. Как та, так и другая партия, имея в полку своих членов, постарались воспользоваться относительной свободой казарменной жизни для того, чтобы проникнуть в недоступную до той поры область. Начали образовываться отдельные революционные кружки, которые весьма поспешно повели свою работу. Слегка распропагандированные солдаты рьяно старались привлечь в свою среду новых членов, кружки росли, революционно-пропагандистская работа велась спешно, лихорадочным темпом. Старались количественно увеличить кружки, считаясь с тем, что наступающие события могут потребовать со стороны солдат выявления их революционной энергии. И в нашем полку в скором времени проявилось то новое, что вошло в эти дни в русскую жизнь.

В 20 числах ноября командир учебной команды объявил нам, что мы, вольноопределяющиеся, по наряду должны отправиться на усмирение. Мы, почти не сговариваясь, заявили, что на усмирение не пойдем. Дружный отпор с нашей стороны пресек дальнейшие попытки начальства отправить нас по этому наряду, но командир полка, желая наказать нас, издал глупый приказ: «Вольноопределяющихся учебной команды на усмирение не назначать, а ежедневно одну треть

состава посылать в домашний караул». Это распоряжение нами было использовано, как возможность очень широкой агитации среди солдат полка. В домашний караул назначались солдаты всех рот. Находясь в карауле 24 часа, из них 16 часов в самом помещении, а 8 на постах, солдаты одинаково скучали как на посту, так и в караульном помещении. Мы решили использовать свою караульную службу для широкой агитации среди солдат. Каждый из нас обязывался приходить в караул с легальной и нелегальной литературой, и тут, в карауле, мы устраивали постоянные кружковые занятия, летучие митинги. Так было использовано «разумное» распоряжение полковника Симанского.

В конце ноября наш полк и пулеметная команда, сформированная из солдат полка, были неожиданно вызваны на усмирение сапер, которые отказались подчиниться своему начальству и заперлись в своих казармах. Когда сводная рота, отправлявшаяся на усмирение, была готова, к ней вышел командир полка и, поздоровавшись, произнес короткую речь, которую закончил словами: «я надеюсь, братцы, что вы постараетесь и послужите царю». На этот призыв храброго командира почти никто не ответил. Предназначение было нехорошее. Солдат Ростовского полка не повели к казармам сапер, находившимся в Сокольниках, а расположили на Каланчевской площади. Постояв там некоторое время, наши ростовцы начали проявлять признаки недовольства и потребовали горячего ужина и чая. Сначала тихо, а потом все громче по рядам солдат раздавались крики: «ужин, ужин, чаю, чаю!». Растерявшийся командир сводной роты побежал к телефону доложить начальству, и в результате переговоров ростовцы были возвращены в казарму. Чувствовалось, что прежней муштры, прежней дисциплины в полку уже нет.

К концу ноября между ростовцами и революционными организациями была уже вполне налаженная связь. Многие

солдаты нашего полка посещали революционные кружки, образовывали революционные ячейки, выбирали делегатов на революционные собрания и т. д. Почти ежедневно в казарму проникали прокламации и нелегальная литература. Особенно большую и яркую агитационную работу среди солдат нашего полка вел унтер-офицер Черных. Он несколько раз в неделю отправлялся в город за литературой и возвращался весь начиненный революционными листовками. Придя в роту, он распоясывался, и из-за пояса вылетали листки, снимал сапоги, и оттуда тоже сыпалась литература, затем начиналось совместное чтение и обсуждение принесенных бумажек. Революционная агитация в полку приняла открытые формы, и Черных после вечерней поверки, на которую собирались солдаты всей команды после прочтения приказа, просил товарищей не расходиться и сам продолжал чтение уже не приказа, а революционных листовок. В других ротах и частях нашего полка, правда, в меньшей степени, происходило то же самое. Наиболее распропагандированными были первый и второй батальоны и учебная команда. Что касается 3 и 4 батальонов и пулеметной роты, то у них революционного настроения не наблюдалось и связей с партийными организациями почти не было.

Плотина прорвалась

Первого декабря, накануне восстания Ростовского полка, в военной организации партии с.-р. происходило собрание так называемых гарнизонных представителей, явившихся для того, чтобы совместно с партийными представителями выработать план дальнейшей революционной работы среди гарнизона. От нашего полка случайно присутствовал молодой и очень восторженный, крайне нестойкий в своих революционных убеждениях, вольноопределяющийся Белоусов. Когда зашла речь о том, что дальше делать, как быть, кто-то из присутствующих предложил попытаться устроить заба-

стовку — восстание в одном из полков. Белоусов с жаром малоопытного революционера заявил, что Ростовский полк готов, что можно начать с него. После жарких, но недолгих дебатов было решено устроить на завтра — 2 декабря — забастовку в Ростовском полку. Получив соответствующие инструкции и литературу, Белоусов отправился в полк. Там он, написав на прокламации: «Завтра, в час дня, митинг, обязательно», разбросал их по двору и в разных помещениях полка. Большинство прокламаций было поднято солдатами, но часть из них попала в руки начальства и дошла до командира полка. Видя, что дело принимает определенно нежелательный оборот, он решил предупредить события и утром 2 декабря предпринял ряд мер, какие могли, по его мнению, обеспечить спокойствие в полку. Когда я пришел в учебную команду (я в то время жил у себя на квартире, вне казармы), я был поражен необычным, возбужденным видом солдат и волнением, царившим в казармах. Узнав, в чем дело, и посоветовавшись с товарищами, в частности с Черных, который больше других был знаком с настроением солдат, я пришел к заключению, что из затеи устроить забастовку ничего не выйдет. Поэтому я и Черных решили никаких действий не предпринимать и выждать, что будет дальше. Вдруг неожиданно появился командир полка и, остановившись против меня, повелительным тоном заявил: «арестовать его!». То же самое он сказал и относительно Черных. Мы спокойно, в силу уже указанного уговора, пошли сдавать свои вещи каптенармусу и надели шинели, чтобы следовать под арест. Когда мы пришли на гауптвахту в сопровождении дежурного, там царил большое волнение. Караульный начальник, подстрекаемый одним из наших вольноопределяющихся, тов. Серебряковым, не хотел нас принимать, в виду того, что в записке о нашем аресте не были указаны причины ареста, что было необходимо по уставу. Но мы заявили ему, чтобы он пока не упряился и отпра-

вил бы нас под замок. В то время как мы дали спокойно себя арестовать, командир полка прошел в 7 роту, чтобы арестовать рядового Агафонова-Мартовского. Но Сергей Агафонов-Мартовский не дал себя арестовать¹). Он крикнул солдатам: «в ружье!». Это приказание было исполнено, и командир был принужден поспешно удалиться из роты в силу создавшегося «неудобного положения». Желая наказать неподчинившихся солдат и все же арестовать Мартовского, командир отправился в учебную команду, и, приказав ей вооружиться, повел «учебников» в помещение 2 батальона, где находилась неподчинившаяся 7 рота. Когда учебная команда с командиром полка вошла в помещение 2 батальона, там царил громадное возбуждение. Солдаты, вооруженные винтовками, бегали из роты в роту и убеждали друг друга не давать арестовать Агафонова-Мартовского. Под влиянием их уговоров, вся масса солдат, перемешавшись с учебной командой, высыпала на двор. Здесь создалось такое положение: у дверей, ведущих во второй батальон, небольшая группа волнующихся солдат; около нее значительная группа офицеров наблюдает это волнение, ничего не предпринимая. Дальше, на расстоянии шагов ста, большая масса солдат 3 и 4 батальонов и пулеметной роты, в виде зрителей, наблюдает за происходящим. Несомненно, будь у нашего командира полка или у офицеров больше энергии и находчивости, они несколькими выстрелами смогли бы подчинить себе эту небольшую волновавшуюся группу солдат, но офицерство растерялось.

Сидя в своем карцере, я решил разузнать, что, собственно, происходит во дворе, и крикнул караульному начальнику, чтобы он меня выпустил оправиться. Когда я возвращался

¹ Тов. И. Шабров в своей статье „О восстании Ростовского полка в декабре 1925 г. („Кисс“, 1926. № 1122) пишет: „И мы решили поднять полк, предварительно заняв вход в казарму. Только после этого решения Агафонов и другие товарищи рассыпались по ротам с криками „к оружию!“ и начали вооружать полк“.

обратно в сопровождении вооруженного часового, меня увидели волновавшиеся солдаты и с криками бросились меня освобождать. Затем, очевидно, благоразумие взяло верх, и до меня добежало лишь несколько человек. Часовой, ведший меня, растерялся, но в это время подоспел бледный командир и объявил мне: «Я вас освобождаю!». Зная, какой ответственности подвергаются товарищи за насильственное освобождение арестованного, я заявил, что выйду из-под конвоя только по получении письменного приказа и что я требую одновременного освобождения со мной также и Черных. Командир тотчас же дал приказ об освобождении меня и Черных, и мы присоединились к товарищам, уже сумевшим организовать в более или менее правильный митинг. Председателем был избран вольноопределяющийся Шабров, который влез на какое-то возвышенное место — бочку или стол; среди солдат водворились некоторый порядок и успокоение. Нельзя не отметить, что первые шаги на революционном пути чуть было не обогрелись кровью: в то время, как мы обсуждали, где лучше устроить митинг — на дворе ли или в закрытом помещении, мы заметили проезжавший вдоль ограды Спасских казарм казачий отряд в одну-две сотни. Наиболее горячие товарищи, заподозрив, что они едут усмирять нас, тут же опустились на колени: защелкали затворы, и вот-вот раздались бы выстрелы. Насилу удалось некоторым товарищам, в том числе и мне, уговорить солдат выждать немного. Действительно, казаки ехали мимо наших казарм и даже не обратили внимания на то, что делалось у нас во дворе.

Митинг гренадер

В дальнейшем события развернулись так: командир полка, боясь, что наш открытый митинг привлечет слишком большое внимание «вольных», просил нас перейти в закрытое помещение одного из батальонов. Мы же, зная своего отца-командира, опасались с его стороны какого-нибудь подвоха

и объявили, что, только получив заложников, которые обеспечили бы нас на время митинга от нападения врасплох, мы перейдем в закрытое помещение. Заложниками были даны штабс-капитаны Устичев и Козловский, и мы перешли в помещении 2-го батальона.

Этот первый революционный митинг проходил с необычайным воодушевлением. Вот как описывает его один из участников восстания (Н. А. Снегульский — «Гренадерский бунт»):

«Эта картина сохранилась у меня в памяти так ярко и отчетливо, как немногие воспоминания из моей жизни. У ног моих был лес штыков, и зимнее, уже заходившее к тому часу солнце своими косыми лучами играло на них. Лица солдат, особенно ближайших к столику, ожившие, сделавшиеся осмысленными, были полны новыми выражениями: одни — смотрели гордо, решительно, точно решившись на огромное дело; другие — восторженно слушали речи ораторов, радостные, довольные; третьи — смотрели сурово, как мстители, как судьи, дождавшиеся дня возмездия.

Я встал на столик, когда еще не смолкли крики толпы, отвечавшей предыдущему оратору:

«Клянемся, все за одного, и один за всех...»

Несколько минут, мне кажется, я переживал почти счастье... Я видел на своем веку митинги рабочих, ожидавших со злобой казаков, против которых у них было десяток-другой бульдогов и два-три браунинга; видел студенческие демонстрации... Но нигде я не переживал ничего подобного, такого величественного, сильного. Быть может, меня поразило именно контраст действительности с представлением о ней. Мой голос дрогнул, когда я обратился к несколькими стам солдат, вооруженных штыками, и сказал:

«Товарищи...»

Я говорил о принципе политической свободы, о земле, о рабочих, — еще о чем-то, — теперь уже не помню... Сол-

даты делали замечания: «правда!», «это верно!»; аплодировали мне, как и всем остальным ораторам... Оратор смеялся оратором. Говорили о равенстве всех людей, об евреях, о «братьях-рабочих», о конституции, об японцах, о всеобщем обучении, о дележе земли... Всех ораторов награждали аплодисментами, обещали стойко держаться, обещали бороться за новые принципы.

«Клянемся... Все за одного, один за всех...» часто перекатывалось от угла до угла.

Казалось, что все эти речи, все принципы, провозглашаемые с трибуны столика, близки и дороги каждому присутствующему... Казалось, что с этого момента наступит какая-то новая жизнь, иной порядок. Верилось в это, хотелось верить...»

В результате долгих и горячих речей (выступали только солдаты полка, посторонних не было) было решено избрать полковой комитет, по одному представителю от каждой роты. Этот полковой комитет должен был явиться высшей властью для полка. Ему поручалось выработать ряд требований экономического и политического характера, какóвые отправить нашему начальству в лице командира полка, и до полного удовлетворения этих требований отказаться нести какую-либо службу и не пускать в казармы офицеров полка. Тут же, по моему предложению, был в дополнение к этим мерам выработан план обороны полка, так как было несомненно, что нас постараются усмирить при помощи какой-нибудь войсковой части. Решено было об'явить весь полк на военном положении. Солдатам запрещено было выходить из помещений полка без особого на то разрешения. Вокруг полка ставятся пикеты и посылаются патрули. Солдаты находятся все время в боевой готовности, имея при себе запас патронов и являясь все время одетыми в караульную форму. Пулеметы, имевшиеся в пулеметной роте, должны быть выставлены на балконах и при входах в полк, чтобы, в случае нападения,

можно было обстреливать наступающих. Оборона полка была поручена фельдфебелю 13 роты Годуну и мне. После митинга решено было забрать в цейхгаузе имевшиеся там патроны. Когда мы направились туда, командир полка в последний, или, вернее сказать, в первый раз попытался нас образумить, обратившись к солдатам с трогательной речью: «Братцы, что вы делаете? вы бунтуете против присяги и государя». Привычный голос командира и привычные слова «присяга» и «государь», видимо, подействовали на солдат, и часть из них приостановилась, но защелкали затворы винтовок, и командиру не пришлось продолжать свою речь. Он удалился, а мы, набрав патронов, спокойно отправились по своим помещениям.

Первая ночь мятежа

Полковой комитет, собравшись вечером, разработал требования, которые не вызвали больших споров; они к этому времени приобрели вполне определенный стиль и характер и много раз печатались в газетах. Мы их взяли за образец, прибавив то небольшое, что было особенностью нашего Ростовского полка. Тут же мы отправили политические требования в московские газеты, чтобы на утро видеть их уже напечатанными. Как раз в это время произошло одно событие, сильно отразившееся на поведении многих колебавшихся доселе солдат. Растерявшийся командир полка решил послать шефу полка в. к. Мих. Ал. телеграмму следующего содержания: «Ростовский полк взбунтовался, я не могу им больше командовать, прошу сложить с меня эту обязанность». Посланный, несший эту телеграмму, попался на глаза нашим представителям; телеграмма была отобрана, скопирована и распространена по казарме, а подлинник отправлен по назначению. Солдаты поняли эту телеграмму так, что командир отказался от командования и передал командование полковому комитету. Настроение колебавшихся наметилось

в сторону подчинения полковому комитету, являвшемуся в их глазах преемником власти командира. Эта привычка к тому, что над солдатом всегда стоит какая-то власть, очень ярко сказалась в следующем случае. Начальник дивизии, генерал-лейтенант Павловский, узнав, что творится в Ростовском полку, решил лично отправиться туда. «Когда я, — так он говорил на суде, — явился в полк, меня поразила тишина и образцовый порядок. Эти мерзавцы, то-есть я хочу сказать, — поправился генерал, — бунтовщики вели себя так же, как и в обычное время, ничего необычного в полку не замечалось». В помещение 1 батальона генерал был пропущен, — видимо, часовой растерялся при виде генерала и не посмел его задержать, — и генерал обошел помещение, при чем оказалось, что часть солдат спала, часть занималась своими делами, — все имело обычный вид. Когда же он, поднявшись по лестнице, захотел проникнуть в помещение 2 батальона, то здесь он наткнулся на часового, который заградил ему путь и на вопрос генерала ответил, что вход запрещен. «Кем?» — «Так что полковым комитетом». «А ты знаешь, что твой полковой комитет — бунтовщик?» — «Не могу знать, в. прев., так что не приказано...» Генерал, думая взять напором, пытался пройти, но часовой взял винтовку на изготовку... Об этом инциденте генерал докладывал на суде, куда его вызвали в качестве свидетеля. Как видно, полковой комитет для солдат был тем же начальством, каким до сих пор был командир полка.

Настроение солдат в эту первую ночь восстания было чрезвычайно бодрое, повышенное, многие переодевались в чистое белье, как это делается перед боем, для того, чтобы, если случится быть раненым, не произошло заражения крови. Все спали, не раздеваясь, имея возле себя винтовки. Везде стояли бдительные часовые; чувствовалось, что казармы настороже и ждут нападения.

И мы ждали недаром¹⁾. Как выяснилось на суде, была попытка задавить нас силой: был вызван 3 драгунский Сумский полк, который уже направился к нашим казармам, но узнал по пути к нам, что ростовцы вооружены пулеметами и что Спасские казармы не так-то легко будет взять. Эти сведения вызвали среди драгун замешательство, и начальство не решилось вести полк дальше. Драгуны остановились у манежа.

Требования полка

День 3 декабря начался в казармах Ростовского полка митингом, на котором полковой комитет сделал доклад о выработанных им требованиях; доклад был внимательно выслушан всеми собравшимися. Надо сказать, что митинг был чрезвычайно многолюден — на нем присутствовал почти весь полк. Требования без особых прений были приняты с некоторыми маленькими, почти анекдотическими поправками. Я помню, например, вопросы и недоразумения, которые вызвало одно требование, выработанное полковым комитетом, как улучшающее наш быт: требование отдельных приборов для каждого солдата — тарелки, ложки, вилки и ножа. Наши гренадеры возражали, что молодым солдатам, которые обычно следили за чистотой посуды, от этого требования придется очень плохо — столько посуды... Мы не настаивали, и после голосования требование это было отклонено. Затем требования были окончательно отредактированы и пред'явлены командиру полка.

¹⁾ Из напечатанной в № 52 „Красной Нивы“ за 1925 г. резолюции Николая II на донесении военного министра о восстании в Ростовском полку видно, какими мерами царское правительство предполагало расправиться с бунтовщиками. Вот, эта „собственной его величества рукой“ написанная резолюция: Переговорите с Вел. Кн. Николаем Николаевичем — возможно ли оказать помощь отсюда? Для примера, необходимо было бы арестовать зачинщиков-вольноопределяющихся, передать их военно-полевому суду и расстрелять. Действие будет потрясающее. Резолюция датирована 3 декабря 1905 г.

Наши требования были не оригинальны и являлись обычными для того времени: в них говорилось о созыве учредительного собрания и отобрании земли у помещиков, отмене смертной казни, освобождении политических заключенных, об отмене полицейской службы войск, сокращении срока службы до двух лет и отбывании воинской повинности у себя на родине, о возвращении армии с Дальнего Востока и, наконец, выставлялось требование амнистии для всех участников восстания в Ростовском полку. Как я уже говорил, эти требования, выработанные полковым комитетом 2 декабря, вечером были отправлены в редакции и уже 3 утром были напечатаны во всех московских газетах. Экономические, правовые и культурные требования отвечали тем главным, наиболее насущным запросам, которые имелись у солдат. Они касались увеличения солдатского жалованья, улучшения пищи, одежды, организации бани, стирки белья, — словом, улучшения материального положения солдата в казарме, которое было в то время чрезвычайно незавидно даже в полках московского и питерского гарнизонов. Среди правовых и культурных требований выставлялись прежде всего такие положения: вежливое обращение с солдатами, обращение на «вы», увольнение грубого начальства, ношение формы только в строю, на службе, выборность взводных командиров и фельдфебелей, свободный отпуск из казарм, отмена денщичества и принудительной присяги. В области повышения культурного уровня солдаты хотели, чтобы в полку была организована библиотека-читальня, и был разрешен свободный доступ в казармы книг и газет, а также допущено было посещение вольных библиотек и читален.

Для представления этих требований нашему полковому начальству были избраны след. товарищи: председатель полкового комитета Шабров — вольноопределяющийся, и члены комитета: рядовой Агафонов-Мартовский и унтер-офицер Черных. При выборе делегатов солдаты старались не

выбирать вольноопределяющихся, чтобы тем показать, что это — требования солдатской массы, а не измышления интеллигентского элемента полка. Наши делегаты отправились в собрание полка, где к этому времени собрались командир полка и офицерство.

Мы же остались на митинге и продолжали чтение наиболее интересных выдержек из газет, в коих описывались события 2 декабря в нашем полку. Здесь я упомяну о том, как обиделась пулеметная рота на газетного хроникера, написавшего что ростовцы захватили пулеметы и выставили их на позиции. Пулеметчики страшно возмущались этой заметкой и говорили, что они сами присоединились к нам, а иначе никогда бы не дали захватить пулеметов. В этом сказалось чисто солдатское отношение к своему делу: пушки, пулеметы, винтовки для каждого солдата в известном смысле были священные, и отдать их значило опозорить себя или ту часть, которая их защищала. Кроме изложения чисто фактических событий в нашем полку, во многих газетах помещались восторженные статьи о том, что, наконец-то ростовцы поняли, что они граждане, что они отказались нести полицейскую службу и что этот их поступок нельзя не приветствовать. Все такие заметки принимались солдатами, слушавшими чтение, восторженно.

К концу митинга начали появляться солдаты других полков, называвшие себя делегатами, но, надо думать, это были просто случайно зашедшие товарищи и земляки ростовцев. Они сообщили нам о том, что творится в других полках. Из их слов можно было вывести заключение, что почти во всех полках московского гарнизона происходит скрытое брожение, готовое вылиться в форму таких же событий, какие имели место в Ростовском полку. Некоторые определенно просили снять их, то есть помочь им устроить военную забастовку или восстание, как потом называли события в нашем полку. Но когда мы — представители полкового

комитета, более подробно расспрашивали пришедших и ставили им различные деловые вопросы, картина выяснилась несколько иная. Так, например, в первом полку одна часть солдат была настроена очень сочувственно к нам и готова была присоединиться, если бы мы появились в их казармах, другая же часть в это время, — главным образом это была шефская рота, — имея при себе винтовки и пулеметы, вместе с офицерами поджидала тех, кто вздумал бы появиться непрошенным гостем в их казармах. Конечно, при таких условиях, прежде, чем идти снимать кого-нибудь, надо было подумать, хватит ли у нас сил на это. Вообще в этот день перед нами не раз вставал вопрос о том, не нужно ли ростовцам выйти из пределов своих казарм (на этот счет было много проектов, в том числе проект освобождения политических из Бутырской тюрьмы). Дело в том, что сил у нас не было. Мы были сильны, только находясь в своих казармах — пассивно сильны. Если бы нам удалось организовать в нашем полку ударную революционную роту человек в полтораста, то можно с уверенностью сказать, что по выходе этой роты из казарм, последние тотчас были бы захвачены офицерством, и вышедшая революционная часть осталась бы на улице. Мы это прекрасно понимали и поэтому ни на какие выступления вне казармы не шли.

В то же время со стороны революционных организаций были попытки завязать с нами связь на предмет получения от нас оружия. Насколько я припоминаю, к нам явился представитель жел.-дорожн. союза и предложил нам (в очень неудачной форме) выдать ему для революционного жел.-дорожного союза оружие — имевшиеся у нас винтовки и патроны. Это предложение было сделано мне в помещении канцелярии 3 батальона, который был весьма мало распространягандирован и вообще относился крайне несимпатично ко всему, происходящему в полку. Поэтому предложение выдать оружие вызвало со стороны солдат определенный и

очень резкий ответ. Мне пришлось ответить пришедшему к нам представителю ж.-д. союза, что самостоятельно этого вопроса я решить не могу, а передам его предложение в полковой комитет. Когда же он ушел, мне стоило больших трудов успокоить солдат, уверив их, что никому нами оружие выдано не будет.

Перелом настроения

Уже на второй день восстания стало заметно, что боевое революционное настроение среди солдат стало падать. Солдаты были слишком сильно выведены из привычной обстановки и не могли приладиться к новому порядку. К тому же было видно, что чья-то искусная рука все время сеет различные слухи и старается создавать причины для недоразумений между полковым комитетом, революционно настроенными солдатами и остальной массой солдат. Полковой командир, не рискуя взять нас силой, решил действовать исподволь путем провокации — путем, если можно так выразиться, взрыва нас изнутри. Видимо, к этому времени он уже нащупал почву: какие части полка революционно настроены и какие сочувствуют ему. Самое главное свое внимание он обратил на пулеметную команду. Эта часть очень важна, как войсковая сила: ведь пулеметы являлись страшным оружием для всякого, на чьей стороне они находились. Кроме того, пулеметная команда была наиболее черносотенно настроенной; здесь же был особенно надежный, с точки зрения командира, фельдфебель. За день было несколько мелких и более крупных недоразумений у солдат с пулеметчиками, но пока их удавалось улаживать. Нельзя не отметить, что в этот день арестованные накануне сверхсрочно служившие унтер-офицеры и фельдфебеля, «кашицы», были по требованию солдат освобождены. В этом опять-таки чувствовалась какая-то рука, которая определенно старалась повлиять на настроение солдат.

Делегаты, отправившиеся пред'явить наши требования, долго оставались у командира полка. Там они перед ним и собравшимися офицерами шаг за шагом пытались доказать основательность каждого из требований. После долгих разговоров и препирательств командир полка заявил им, что часть требований, — он указал, какие именно, — он может удовлетворить сам, остальные же, выходящие за пределы его полномочий, он доложит своему начальству. Наши делегаты в ответ об'явили командиру, что до выполнения всех требований полк отказывается нести службу и не пустит офицеров в помещение казарм.

Для заслушания ответа командира был созван второй митинг, при чем всякое удовлетворение наших требований, даже самых скромных, встречалось солдатами с неподдельным восторгом. Когда эта часть митинга была закончена, наш председатель об'явил собравшимся, что на нашем митинге желают выступить представители рабочих и крестьян, пришедших к нам от различных революционных партий. Это были, если мне не изменяет память — с.-д. Седой¹⁾ и с.-р. Зарин. Они выступили перед солдатами с горячими пропагандными речами. Солдаты слушали их внимательно, и наши тт. революционеры решили, что солдаты их поняли и что речи их дошли до их сердец. В действительности же оказалось, как потом резко говорили об этом солдаты, эти речи произвели на слушавших крайне неприятное впечатление: вольные говорили языком, непонятным для солдат, преимущественно на общие революционные темы, несколько раз неосторожно затрагивали вопрос о царе. Все это чрезвычайно не нравилось солдатам. Кроме всего этого, среди выступавших была одна женщина. Это невиданное явление тоже неприятно поразило солдат:

¹⁾ В качестве представителя большевиков в казармы Ростовского полка являлся Станислав Вольский (Соколов).

«Баба тоже хочет нас учить!» И в тоне, каким это говорилось, чувствовалась глубокая обида. Даже небольшие погрешности в одежде имели значение больших ошибок. Например, у одного оратора висел за поясом револьвер, но он носил его не по-военному, а как вольный. Это незначительное обстоятельство было истолковано солдатами далеко не в пользу оратора. Словом, первое соприкосновение восставших солдат, бунтовщиков-ростовцев, с подлинными революционерами оказалось очень неудачным, и нашему председателю стоило большого труда во-время оборвать речи вольных и своим собственным выступлением и выступлениями других солдат хоть несколько сгладить впечатление. Но чувствовалось все-таки, что этот митинг не создал в душе солдат никакого под'ема и, наоборот, вызвал значительное падение настроения.

К вечеру, когда закончился второй митинг, настроение в казармах было невеселое. Полковой комитет чувствовал, что почва начала понемногу уползать из-под наших ног, доверие к полковому комитету в солдатской массе пошатнулось. К этому времени по казармам с необычайной быстротой распространилось известие, что в других полках при-ступлено к увольнению солдат службы 1901 года. Тут уместно будет сказать, что мобилизованные запасные, о которых выше была речь, были уволены уже давно и оставались на службе лишь солдаты 1901 г., задержанные дольше своего срока вследствие войны с Японией. Задержка тяжело отразилась на этих солдатах. Они только и мечтали о том, как бы их скорее вернули в их «первобытное состояние». И вот вдруг разнеслась эта радостная весть, что 1901 год распускают по домам. Но далеко не радостно встретили это известие солдаты нашего полка, так как, понятно, в нашем полку увольнений еще не происходило. Они собирались кучками и беседовали о том, что предпринять, стараясь найти выход из положения. Они предвидели, что если забастовка

будет продолжаться, то придется еще некоторое время остаться в казармах. Таким образом, остроумный шаг со стороны командующего московским округом сразу оказал большое влияние на настроение наиболее авторитетной части полка: солдаты 1901 г. были в большинстве случаев унтер-офицеры, ефрейторы, и приказ об увольнении сразу создал среди них кадр агитаторов за прекращение забастовки.

Полковой комитет, узнав об этом распоряжении, решил созвать экстренное заседание, на которое были приглашены наиболее надежные в революционном смысле товарищи. Здесь перед нами совершенно ясно встал вопрос о том, чтобы каким-то образом в спешном порядке удовлетворить солдат 1901 года, иначе они открыто выступят против нас. С другой стороны, мы знали, что отпускные бумаги, выданные только полковым комитетом, будут недействительны, и что ростовцев, имеющих на руках такие бумаги, будут задерживать везде, где им придется такие бумаги пред'являть. Положение было почти безвыходное, но мы все же решили не садваться до конца и постановили: уволить в отпуск наиболее реакционно настроенных солдат, а надежную публику оставить в казармах. Мы предполагали, что ушедшие в отпуск воспользуются непривычной для солдат свободой и, может быть, не вернутся скоро в казармы, а мы за это время сумеем окончательно захватить полк в свои руки, захватим все оружие, все наиболее важные места, и, когда вернутся отпущенные, они нам не будут уже особенно опасны. Таков был наш план. В таком смысле мы и выпустили наш приказ, что пора, де, нам воспользоваться завоеванной свободой, что пора всем уйти в отпуск, что до сих пор этой привилегией пользовались только вольноопределяющиеся и лишь некоторые солдаты, а что теперь будут отпущены и все остальные солдаты. «Итак, товарищи, все в отпуск завтра. Но помните, что

будучи отпущены, вы должны вести себя, как подобает солдату-революционеру».

Нельзя не отметить тут же одного очень характерного для поведения пулеметной роты случая, какой имел место вечером 3 декабря. Фельдфебель пулеметной роты Судьин, воспользовавшись каким-то маленьким предлогом, поссорился с председателем полкового комитета Шабровым, ударил его и, возбудив солдат, потребовал, чтобы пулеметы были сняты со своих позиций, на которых они были нами расставлены. Мотивировал он свое требование тем, что пулеметы, находясь долгое время под снегом и дождем, сильно портятся, ржавеют, что держать их подолгу на открытом воздухе нельзя. Выставив категорическое требование, пулеметчики начали в подтверждение своих слов вооружаться. В виду этого нам пришлось снять пулеметы, которые были возвращены в помещение пулеметной команды.

Ночь с 3 на 4 декабря прошла спокойно, но чувствовалось, что настроение солдат значительно упало. Часовые и патрули уже не так бдительно относились к своим обязанностям, и трудно было отыскать людей на смену уставшим товарищам. Налаженная, было, машина снова понемногу разлаживалась.

Утром 4 декабря полковым комитетом был объявлен митинг. Солдатами 3 и 4 батальонов было заявлено требование, чтобы митинг не был вооруженным, как было до сих пор. Мы уступили, и масса солдат явилась без винтовок. Начало митинга не предвещало ничего плохого. Наши представители прочитали приказ об увольнении в отпуск солдат. Затем выступили некоторые товарищи с речами, в которых говорили о том, как должны вести себя солдаты в отпуску: не пьянствовать, не хулиганить и вообще ничем не нарушать общественного порядка. У нас всех были свежи в памяти события Кронштадтского восстания. Нам хотелось избежать такого явления, и мы всеми силами старались доказать сол-

датам, что завоеванная свобода обязывает нас быть сугубо дисциплинированными: если мы знаем, что за нами не следят офицеры, то мы сами, каждый за собой, должны следить. Когда эта тема была исчерпана, раздались робкие, а потом все более настойчивые голоса солдат срока службы 1901 г.: «А когда же нас уволят в запас?»... На это представители комитета заявили, что комитет готов их увести хоть сейчас. Но такой ответ не удовлетворил солдат, и шум и волнение все нарастали, — чувствовалось, что прорвалось то, чего мы больше всего опасались все это время: среди солдатросло желание кончить это восстание, эту военную забастовку потому, что до конца забастовки их не отпустят домой.

«Мы уже достаточно натерпелись в казармах, — кричали они, — мы хотим домой, хотим к своим семьям». Представители полкового комитета, в том числе и я, пытались всеми силами уговорить солдат, и наши речи, наконец, как будто возымели свое действие. Со стороны солдат 1901 г. было выдвинуто предложение отправить делегатов к командиру полка с тем, чтобы он подписал отпускные документы увольняемым. Как ни странно было такое предложение, нам пришлось ему подчиниться — другого выхода не было. И вот я и Черных — оба мы были избраны делегатами — отправились с таким поручением к командиру полка. Втайне я надеялся, что, авось, и на этот раз полковник Симанский растеряется и сделает то, что нам нужно. Но полковник оказался хитрее, чем я предполагал, и на квартире мы его не застали — он куда-то исчез.

„Порядок“ восстановлен

Не добившись никакого результата, мы вернулись вновь в помещение второго батальона, где продолжался митинг. Но там мы застали совершенно иную картину, чем та, которую мы оставили. После нашего ухода, как нам пере-

давали, часть солдат, главным образом 3 и 4 батальонов, заявив, что они не хотят больше продолжать забастовку, ушли в помещение 3 батальона, и на митинге осталась только небольшая кучка наиболее революционно настроенных солдат. Видимо, наступила последняя решительная минута. Я отправился в 3 батальон еще раз попытаться уговорить солдат. Там стоял большой шум, и не сразу удалось добиться, чтобы меня выслушали. Наконец, шум улегся, и я начал говорить. Мне казалось, что я достиг некоторого успеха, что солдаты изменяют свое намерение и снова готовы слиться с нами воедино и продолжать забастовку. В то время, когда я с жаром убеждал их, вдруг произошло замешательство: появился плачущий командир полка и первому подбежавшему к нему солдату он объявил: «Произвожу тебя в унтер-офицеры». Этот красивый театральный жест возымел свое действие. Около командира собралась кучка солдат, и он, почувствовав вновь свою силу, будто бы только тут заметил меня и приказал солдатам: «Арестовать его!» Не сразу, видимо, не забыв еще, что я их начальник, хотя и революционный, солдаты выполнили приказ: я был арестован и отведен в помещение канцелярии 3 батальона. Скоро туда были приведены тоже арестованные фельдфебель Годун, Снегильский и другие.

Как потом передавали товарищи, во 2 батальоне и др. частях полка произошло следующее: кучка солдат, оставшихся еще на митинге, все уменьшалась и уменьшалась. Наконец, остались лишь те, которые принадлежали к роте, чье помещение было занято под митинг. Пользуясь этим, офицерство решило сделать попытку захватить полк снова в свои руки. Штабс-капитан Козловский направился в учебную команду, и там часовой вместе того, чтобы задержать его, отдал ему честь и пропустил в помещение команды. Там он скомандовал: «В ружье!», и учебная команда стала в строй, — снова стала орудием, послушным воле началь-

ства. После этого, захватывая одну роту за другой, начальство арестовывало «зачинщиков и главарей», которые в большинстве случаев не сопротивлялись. Их обезоруживали и отправляли в помещение 3 батальона, где находился и я, или на полковую гауптвахту. Тут же был пущен слух, что восстание в Ростовском полку «организовано японцами и жидами», что представители полкового комитета подкуплены и что при аресте у них найдены крупные суммы денег. Сидя под арестом, мы долго слышали, как лязгали винтовки, как по двору бегали солдаты и раздавались крики «ура».

Так кончилась военная забастовка во 2 Гренадерском полку.

В апреле 1906 г. нас судили. 27 апреля, в день открытия Государственной думы, нам был вынесен приговор. В каторгу без срока были осуждены: 1) фельдфебель Годун (убит в тюрьме в 1908 г.), 2) рядовой Агафонов-Мартовский, 3) молодой солдат Снегульский (сошел с ума и умер в тюрьме) и 4) вольноопределяющийся Ульянинский. На 20 лет — старший унтер-офицер Захаров, на 10 лет — ст. унтер-офицер Тверезовский (убит при побеге) и вольноопределяющийся Белоусов. На 4 года — ст. унтер-офицер Черных (умер в тюрьме) и старший унтер-офицер Фридман. В арестантские роты были осуждены на 3½ года: ст. унтер-офицеры Квач-Квачевский и Максим Селиванов и вольноопределяющийся Серебряков. В дисциплинарный батальон и военную тюрьму попали: Сазонов, Барабанов, Лебедев, Михель, Кондратьев, Львов, Первов, Сергеевы 1 и 2, Глушков, Шальнов и др. Всего было арестовано по делу 57 человек, судилось 36, осуждено — 31.

А. Петренко

КОГДА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ БЫЛО НЕСПОКОЙНО

(Из деятельности варшавской военно-революционной организации)

Накануне и во время январских дней

Варшавская военно-революционная организация возникла еще в конце 1904 года, в эпоху политической «весны» либерального министра внутренних дел Святополк-Мирского. Происхождение организации не чисто местное: она родилась при содействии Киевского комитета российской социал-демократической рабочей партии. Осенью 1904 года комитет послал в Варшаву члена своей организации, студента-медика (ныне врач, представитель Красного Креста СССР в Швейцарии) С. Ю. Багоцкого, снабдивши его кое-какими явками. Вместе с подпоручиком Антоновым-Овсеенко (ныне полпред в Чехо-Словакии), носившим кличку «Штык», они вдвоем и начали создавать в Варшаве сеть будущей военно-революционной организации. Вскоре к ним присоединился т. Дзержинский («Юзеф») и Мариан Стахурский. Не было опыта, и состав организации был малочисленным, оттого ее работа носила кустарнический характер. Наиболее тесные связи велись с Новой Александрией (Пулавы, по местному названию), где находился значительный воинский гарнизон.

Январская бойня 1905 г. в Петербурге всколыхнула солдатскую массу не только в Варшаве, но в еще большей степени в Новой Александрии. Здесь солдатские массы прямо рвались в бой: строились различные планы выступления в виде, например, захвата поезда и движения то на Варшаву, то на захват близлежащих городов, перебив предварительно сопротивлявшихся офицеров. Некоторые солдаты предлагали даже двинуться за чем-то пешим строем к австрийской границе, благо она находилась всего в 60 верстах.

Наибольшую энергию обнаруживали полки Белевский и Тульский. Сколько было можно, местный комитет сдерживал необузданные порывы пылких, но недостаточно сознательных солдат-революционеров, устраивая иногда весьма значительные по тому времени массовки (до 400 человек) и раз'яняя на них политическое положение. Под влиянием агитации, Белевский и Тульский полки отказались нести караульную службу в Радоме, Томашове и участвовать в умирении забастовщиков. Возвращаясь из этих городов в Новую Александрию, солдаты пели революционные песни. Офицеры чувствовали себя неважно, заискивали перед солдатами и, на всякий случай, ходили в полном боевом вооружении. Всюду были расставлены усиленные караулы. Все патроны из цейхгаузов перенесены в патронные склады.

Приведу один пример, каково было настроение в войсках того времени. Один ротный командир обратился к солдатам своей роты с речью, которую закончил обещанием награды за верную службу — по 3 копейки каждому солдату на папиросы. Надо заметить, что в ту пору и 3 копейки представляли для солдата некоторый соблазн: на них он мог купить себе десяток папирос, чего он никак не мог сделать на жалкие гроши своего «жалованья». Выслушав обещание ротного, один солдат вышел из строя и молча подал офицеру пятак. Поступок этот, возмутительный с точки зрения воен-

ной дисциплины, не вызвал, однако, никаких преследований со стороны напуганного начальства.

Видя такое настроение в своих частях, начальство решило части распропагандированных полков отослать на фронт — на Дальний Восток.

Первые попытки восстания

Солдаты на это решили ответить по-своему. Местным центром выработан был план открытого восстания. 21 апреля, в день когда офицерство должно было заседать в собрании, в назначенный час (сначала в 1 час ночи, потом в 11 часов вечера) наиболее революционная рота под руководством члена центра должна была с оружием в руках окружить собрание и арестовать офицеров, перебив лишь сопротивляющихся. В то же время другие роты захватывают патронный склад, полковые канцелярии, артиллерию и проч. Предполагалось двинуться на Люблин или Ивангород, либо укрепиться в Новой Александрии.

Такая многообразная, но непосредственная программа свидетельствовала не только об избытке революционной энергии, но и полном отсутствии хорошо организованного руководящего органа. Впрочем, в дальнейшем решили действовать в зависимости от обстоятельств.

К восьми часам вечера выяснилось, что солдаты выступать не будут, а, между тем, под влиянием агитации, которая распространялась и на соседние деревни, из окрестных деревень съехалось до 450 крестьян с подводами за получением оружия.

Сделали попытку еще раз назначить срок восстания, но тут струсили заговорщики-барабанщики, которые должны были ударить тревогу. Наконец еще раз попытались поднять восстание с наступлением вечерней темноты. Получилась только одна суматоха, и в разгаре ее показались, что против начавших восстание уже двигается усми-

рительный отряд. В действительности, усмирять тогда никто не торопился. В этой последней попытке принимал участие и наш варшавский товарищ «Штык».

Настроение солдат было высоко приподнятое, но использовать его было некому.

Чувствуя недоброе, начальство поторопилось, и в ночь на 2 мая отправило на Дальний Восток тысячу человек. Торопливость и поспешность в отправке были очевидны, так как последствия показали, что на месте остались, пожалуй, более революционно настроенные солдаты, чем те, которых отправили.

В начале июля, во время осмотра, начальство своими оскорбительными окриками вызвало солдат на резкие ответы. За это офицеры начали стрелять в солдат. Солдаты ответили тем же. Для усмирения солдат были вызваны казаки. Но, прежде чем усмирили солдат, оказались убитыми бригадный командир, два полковых командира и около трехсот казаков.

Начало организационной работы

И без того слабые силы военно-революционной организации пришлось сократить отправкой за границу тов. «Штыка», очень скомпрометированного ново-александрийскими попытками восстания.

Правда, тут вскоре прибыло существенное подкрепление из Киева: тт. Писаревские, Евгений Леонидович и Софья Ивановна (муж и жена), а затем на основании хлопот «Штыка» из-за границы в июне приехали сначала Петренко А. И., а затем Аусем О. Х., ныне генеральный консул в Милане (в Италии).

Составлялся комитет из Писаревских, Аусема, Богоцкого, меня и еще одного товарища, фамилии которого не помню, а звали его Моисей.

Как велась работа? Через товарищей, примыкавших к организации.

Делалось это так. Совершает, положим, т. Давид прогулку сознательно в определенном направлении и встречает на пути солдата. Если солдат курит, следует просьба: «позвольте закурить!», а если солдат не курит, то товарищ обращается с вопросом: «нет ли у вас спичек?». Предлагает папиросу и начинается разговор.

«Давно ли служите?». «Легко ли служится?» и проч. Из разговора обыкновенно выясняется, интересуется ли солдат общественными вопросами. Если да, то назначается место и время следующей встречи, на которую наш товарищ приходит уже с подходящей литературой. Так завязывается связь сначала с одним товарищем. А потом вновь приобретенный солдат поступает в распоряжение агитаторов-пропагандистов, которые продолжают дальнейшую обработку вновь завербованного члена организации.

Не все время работа шла гладко. Встречались и шероховатости. Таковым был случай с неким Ильей, который попал в организацию не вполне заслуженно. Было это в конце мая 1905 года.

Илья, бывший бундовец, т.-е. член Бунда — союза еврейских рабочих, — заявил себя сторонником Россической социал-демократической рабочей партии и потому был принят в организацию в период ее складывания, когда еще формировался комитет. Что, собственно, сделал Илья, видно из заметки, помещенной в № 27 газеты социал-демократии Польши и Литвы «Czerwony Sztandar» («Червоны Штандар») под заглавием «Злоупотребление именем Росс. с.-д. рабочей партии». В этой заметке сказано, что именуемый себя «официальным представителем Варшавского комитета военно-революционной организации» (т.-е. Илья, хотя в заметке он по имени не назван) выпустил воззвание, в котором возводил всякую клевету на социал-демократию Польши

и Литвы. Целью Ильи было посорить нашу военно-революционную организацию с с.-д. Польши и Литвы. И хотя Илья утверждал, что представители социал-демократии Польши и Литвы окончательно отделились от Варшавского комитета военно-революционной организации, на самом деле, «отделился» от военно-революционной организации сам Илья, т.-е., проще говоря, его выставили из организации. С представителями же социал-демократии Польши и Литвы продолжали оставаться наилучшие отношения. Выставленный за борт организации, Илья стал называть себя организацией, а остальных членов организации «отделившимися».

Илья со своей организацией представлял такую незначительную величину, что мы только первое время после его ухода из организации кое-что слышали о его деятельности. Потом он совершенно сошел на-нет. По крайней мере у нас о нем ничего не было слышно.

Договор с социал-демократией Польши и Литвы

Вскоре после ухода Ильи, мы уже прочно наладили официальные отношения с социал-демократией Польши и Литвы. Это выразилось особым соглашением, содержание которого, помещенное в № 106 «Искры»¹⁾, я расскажу вкратце.

В договоре говорилось, что должна быть тесная связь между деятельностью Военно-революционной организации Российской с.-д. рабочей партии и деятельностью местной с.-д. партии, что члены военной организации должны оставаться членами Российской с.-д. рабочей партии и, вместе с тем, работать в рядах социал-демократии Польши и Литвы. Для установления прочных отношений между обеими организациями и выработан настоящий «договор».

¹⁾ «Искра» — Центр. Орган РСДРП, издавался за границей. *Ред.*

Вот некоторые пункты договора в изложении:

«В Варшавский комитет военно-революционной организации, в качестве полноправного члена, входит представитель Варшавского комитета с.-д. Польши и Литвы.

Чтобы представитель социал-демократии Польши и Литвы своевременно мог быть осведомлен о выпускаемых Военно-революционной организацией листках, окончательное редактирование происходит в Комитете, где присутствует представитель социал-демократии Польши и Литвы.

Для принятия новых членов в Варшавский комитет военно-революционной организации требуется половина голосов его членов, при отсутствии обоснованных возражений.

Военно-революционная организация и социал-демократия Польши и Литвы взаимно обязуются распространять издания друг друга.

Только члены Российской с.-д. рабочей партии и социал-демократии Польши и Литвы могут быть членами Военно-революционной организации.

Вся техническая часть работы лежит на Варшавском комитете с.-д. Польши и Литвы.

Финансовая часть Военно-революционной организации передается в финансовую комиссию Варшавского комитета с.-д. Польши и Литвы, который обязуется покрывать все расходы Военно-революционной организации».

Первым представителем Варшавского комитета с.-д. Польши и Литвы, в качестве полноправного члена Варшавского комитета военно-революционной организации, был тов. Дзержинский, остававшийся в Комитете до самого своего ареста, вызванного его революционной деятельностью среди польского пролетариата.

До утверждения в звании члена Комитета военно-революционной организации, т. Дзержинский продолжал участвовать в работах Военно-революционной организации,

а со времени утверждения он стал исправно и регулярно посещать заседания Комитета.

Следует отметить удивительную исправность и точность в выполнении им обязанностей члена Комитета военно-революционной организации. На собрания он являлся минута в минуту, как-то незаметно. При своей большой способности к конспирации, он как-то вдруг появлялся там, где надо, и также незаметно исчезал, когда в нем миновала надобность.

Помимо собраний Комитета мы встречались с Дзержинским и в случаях, требовавших экстренного решения какого-либо вопроса.

Заседания Комитета происходили обыкновенно у кого-нибудь из сочувствующих из среды мелкой буржуазии, а занятия с солдатами за городом, по дороге к дер. Беяны, у рабочих-сапожников. Это были кустари-«потогонщики», т.-е. такие рабочие, которые, сохраняя видимость самостоятельности, на самом деле до поту работают на магазин, дающий заказы. Иногда собрания происходили в квартире одного из членов Военно-революционной организации тов. Ронжеса, рабочего, но не сапожника, жившего в городе.

Устав военно-революционной организации

Недели через три после заключения «договора» с социал-демократией Польши и Литвы мы выработали устав Военно-революционной организации. Остановлюсь только на двух его пунктах. § 1 устава гласил: «задача Варшавской военно-революционной организации — работать среди войск варшавского гарнизона и ближайших местностей». § 2 — «членами учреждений Военно-революционной организации могут быть только лица, непосредственно работающие среди войск или выполняющие технические функции для организации».

§ 1 интересен тем, что он расширяет поле деятельности Военно-революционной организации по сравнению с тем, что было, когда составлялся «договор»: в «договоре» имелся в виду только варшавский гарнизон, а в уставе уже стоит: «Варшавский гарнизон и ближайшие местности». Это значит, что рамки работы значительно расширились. § 2 достоин внимания потому, что он составлен в духе ленинской редакции § 1 устава Российской с.-д. рабочей партии (на II съезде партии в 1903 г.), где говорится, что членом партии может быть... «поддерживающий партию личным участием в одной из партийных организаций». Таким образом здесь была устранена всякая недоговоренность.

Работа Военно-революционной организации подвигалась успешно в значительной степени благодаря тому, что Комитет спелся, что каждый в своей области делал то, что полагалось, и потому в самом Комитете не было трений. Успешности нашей работы косвенно способствовало одно обстоятельство: пэпэсовцы, члены польской социалистической партии, часто устраивали террористические акты, т.-е. покушения с бомбами или револьверами. Им отчасти подражали и анархисты. Поэтому все внимание охраны было сосредоточено на членах ППС и анархистах, а на нас как будто вовсе не обращали внимания.

Эпизоды из прошлого

Так это тянулось бы, может быть, очень долго, если бы не появился предатель в лице некоего Мирзоева или Мирзоянца. Случайно он знал кое-кого из членов организации и меня в том числе. Он имел очень простую, почти глупую физиономию, носил звание студента, которое, кажется, выражалось только тем, что он ходил в студенческой фуражке. Мирзоев ни в ком не возбуждал подозрения, и на первых порах с ним поддерживалось знакомство. Когда работа наладилась, его избегали, но он нас не забывал. Он

вел веселый образ жизни, проводя время в карточной игре с чинами полиции (о чем мы узнали уже под конец) или развлекаясь с проститутками. Когда однажды у него случилась нехватка в деньгах, он прибег к такой штуке: написал письмо на имя одного из наших офицеров, т. Николая Фриауфа. В письме он прямо говорил, что «я де-знаю о ваших нелегальных сношениях с членами Военно-революционной организации. Внесите в почтовую контору 100 р. на имя такого-то (были указаны начальные буквы), а если этого не сделаете, вам будет плохо.»

Фриауф не пошел на шантаж, и дело затихло.

Слежки за нами пока, несомненно, не было, в противном случае не случилось бы со мной того, о чем я сейчас скажу. Мирзоев знал меня и о моих сношениях с Фриауфом и, тем не менее, вскоре после провала комбинации с его письмом, за мной не следили. Донос свой Мирзоев сделал значительно позже.

Однажды, в воскресенье, я отправился на конспиративную квартиру, куда был доставлен свежий транспорт нелегальной литературы из-за границы. Отобрав для себя толстенную пачку брошюр, я направился домой, через Саксонский сад. По праздникам сад, обыкновенно, переполнен публикой. Подхожу к воротам сада со стороны Жабьей улицы. У ворот стоит городской. Я решил, что это для поддержания порядка и пошел дальше. Приближаюсь к воротам, выходящим на Маршалковскую улицу, и вижу, что у ворот производится какой-то отбор. Я заметил, что одним позволяют уходить из сада, а других задерживают. Из задержанных уже образовалась группа человек в десять. Думаю, дело не ладно. Попался! Но сдаваться не хочется, и надо придумать выход. Не доходя до ворот, сворачиваю в сторону, где помещается платная уборная. Там можно запереться и сделать, что нужно, так чтобы никто не видел.

Дело в том, что у меня долгое время не было вида на жительство, и только накануне я получил, наконец, долгожданный вполне легальный (законный) паспорт. Но я не успел его еще хорошенько прочесть и потому знал только, что я — Якубовский, а как меня зовут, где я прописан, этого я не помнил. Вот я и воспользовался уборной, чтобы там прочесть все, что нужно было, а также чтобы избавиться от литературы, которая могла обратить на себя внимание: карман, в котором она лежала, заметно оттопыривался. С сожалением я расстался с литературой и пошел к третьим воротам. Здесь бойко ответил на вопросы полицейского чина и, не торопясь, вышел из сада.

По дороге я встретил Николая Фриауфа и попросил его сходить в уборную за извлечением литературы. Он зашел, но ничего уже там не нашел.

Безусловно, если бы за мной следили, то не дали бы выйти из Саксонского сада, так как знали бы, что моя фамилия не Якубовский и что я живу в центре города, тогда как паспорт был прописан на отдаленной окраине.

Интересно отметить, что некоторые солдаты уже при первой встрече обращались с просьбой: «а нельзя ли бомбочку получить? Вот хорошо бы бросить такую штучку нашему...» (и называли обычно фамилию ненавистного офицера).

Такие просьбы исходили от солдат, которые в дальнейшем не проявляли особенной любознательности и склонности к общественным вопросам. Поэтому надо думать, что это происходило не от избытка революционности. Если бы действительно был так велик пыл к террористическим актам, то социалисты-революционеры хорошо развили бы свою работу. На самом же деле, по крайней мере в 1905 г., они ровно ничего не успели сделать, если не считать их совместных с ППС'овцами упражнений в агитационных листовках к солдатам. Один плод такого сожительства этих

двух партий — листок к солдатам — был подписан «За русский народ партия социалистов-революционеров и за польский народ — Польская социалистическая партия». Листок заключал в себе «угрозу солдатам бомбой, которая поразит их, как гнев божий!!!» («Искра», № 108, 1905 г.)

В конце июля нами было написано письмо к товарищам с указанием на обстоятельства, побуждающие вести революционную работу в войсках, и с подчеркиванием необходимости столкнуться о деталях данной работы на военной конференции, которую надо созвать поскорее. Письмо заканчивалось предложением «при помощи центральных учреждений созвать конференцию военных организаций для рассмотрения намеченных в прилагаемом «порядке дня» вопросов». Конференция не была созвана.

Для привлечения солдатской массы к общественным интересам и к вопросам общественной жизни, мы стали издавать «Солдатский Листок». До своего ареста мы успели выпустить его в количестве 5—6 номеров. Материала накопилось так много, что его хватило еще на два следующих номера, в редактировании которых Комитет военно-революционной организации, сидевший в тюрьме «Павиак», принимал кое-какое участие.

На основании одного из пунктов «договора», «Варшавский комитет с.-д. Польши и Литвы обязался покрывать расходы Военно-революционной организации». Но мы не довольствовались этим и сами принимали меры к увеличению своих материальных средств. В собирании пожертвований принимали участие почти все члены Комитета, но, главным образом, т. Багоцкий, который вел все финансовые операции Комитета. В дни, близкие к 17 октября, сборщики становились все развязнее. Дело дошло до того, что член Комитета Писаревский отправился в Варшавское индентантское управление и там повел такую беседу:

«Я хочу поговорить с главным интендантом». Его направляют к главному интенданту. Ему он говорит:

«Я член Военно-революционной организации. Нам известно, что у вас при поставке таких-то предметов (и называет именно каких) получилась «экономия». — сбережение. Соболаговолите пожертвовать нам 25 руб.»

Главный интендант так был смущен столь смелым заявлением, что не догадался крикнуть:

«Эй! кто там!? арестовать этого человека!» Ему это и в голову не пришло. Он только сказал:

«Ой! много просите!».

Тогда Писаревский дал ему точную справку в цифрах, какую именно «экономия» он получил, т.-е. попросту сколько он себе положил в карман. Такая осведомленность Писаревского еще более смутила главного интенданта, и он уже без спора достал бумажник, вынул 25-рублевую бумажку и подал ее Писаревскому. Вежливо раскланившись, Писаревский спокойно удалился.

Литература того времени

Приближалась Октябрьская буря, и местная печать становилась все более смелой. В еврейских кварталах (Налевки, Новолипье, и проч.) появился книжный магазин с изданиями «Донской Речи», с новейшими книгами по общественным вопросам, с марксистской литературой, которая раскупалась в большом количестве.

Среди юмористических изданий особенно памятно «Dzwoniec Polski» («Дзвонец Польский») — издание, выпущенное польскими социал-демократами в противовес издававшемуся эндеками (народными демократами) «Goniec Polski» («Гонец Польский»). Однажды в «Дзвонец Польский» появилась статья «Национальная демократия в 2000 году». В этой статье с пророческой тонкостью описывался государственный строй Польши и быт в ту пору, когда народ-

ные демократы (эндеки) станут у власти. Номер с этой статьей за резко антинационалистические выражения вызвал бешеное возмущение народных демократов: они на улицах ожесточенно разрывали это издание на мелкие куски и бросали его на землю.

14 сентября (ст. ст.) Комитет военно-революционной организации обратился к «Военно-революционным организациям Российской с.-д. рабочей партии» с воззванием, в котором предлагал созвать съезд для объединения деятельности военных организаций и выработки единого плана организации.

Был предложен порядок дня: как надо строить военную организацию, должны ли быть военные организации партийными, каковы отношения между этими организациями, как надо создать «Военный Союз» и проч. В порядке дня указывалось также о планах пропаганды и агитации среди солдат, об образовании солдатских кружков, о распространении литературы, как проводить солдатские выступления, о праве участия войск в выборах, например, в Государственную думу, каким должно быть войско в политически свободном государстве, и какова тогда будет роль Военного союза.

События пошли таким быстрым темпом, что созвать съезд удалось только в 1906 году в Финляндии.

Митинг в зале Филармонии

Наступили октябрьские дни. Опубликование манифеста 17(30) октября произвело колоссальное впечатление. Пользуясь изменившимися обстоятельствами, наша Военно-революционная организация решила действовать открыто. Мы приняли участие в огромном митинге в зале Филармонии, вмещавшем до 2.000 слушателей. В качестве ораторов мы выпустили своего офицера Николая Фриауфа и солдата Золотухина. Аудитория приняла их очень сочув-

ственно. Чтобы не дать возможности опознать по погонам, к каким частям они принадлежали, их погоны мы покрыли черным крепом, а как только ораторы окончили свои речи, мы немедленно и благополучно вывели их черным ходом. Кроме этих двух ораторов, выступала еще Писаревская, которую публика приняла тоже очень хорошо. Выступавшие заявляли, что они говорят от имени Военно-революционной организации.

Во время митинга сделали сбор пожертвований. Получилась довольно крупная сумма.

На митинге сидели представители полицейской власти, но ни во что не вмешивались. Таков был тогда момент.

Это наше выступление возмутило власть своей бесцеремонностью, и за ними стали охотиться. А тут произошел еще и такой случай: в Новогеоргиевске какой-то солдат, несомненно, не затронутый нашей пропагандой, положил пироксилиновую шашку на окно квартиры саперного полковника и произвел взрыв. Был слегка ранен сам полковник, и немного оцарапана его жена. Полковник впоследствии выступал на суде в качестве свидетеля. Взрыв произошел числа 22 октября (ст. ст.), и за нами стали усиленно следить. За мной, в частности, как обнаружилось на суде, слежка была начата еще до 17 октября. Наконец, в ночь с 1 на 2 ноября (с 14 на 15) нас арестовали.

Арест и суд

Меня взяли при таких условиях: тогда по городу ходили слухи о готовящемся еврейском погроме. Чтобы не дать захватить себя врасплох, Бунд (с.-д. союз еврейских рабочих) вместе с другими революционными организациями организовал охрану. С 8 час. вечера и до 6 час. утра в каждом дворе у ворот дежурило по два гражданина. В смену с 12 до 2 ч. ночи я и был арестован.

Арестов тогда было произведена такая масса, что некоторые тюрьмы были переполнены до отказа. Когда меня подвезли к тюрьме на улице Длутой, там все места оказались уже занятыми, и меня не приняли. Тогда мы поехали к тюрьме «Павиак»; здесь оказалось место, и меня выпустили.

На другой день утром я узнал, что моими соседями по камере оказались члены Комитета, гг. Писаревский и Багоцкий. При существовавшей тогда свободе сношений, мы скоро имели возможность не только переписываться друг с другом, но даже переговариваться из камеры в камеру, а затем и видаться.

С помощью уголовного коридорного старосты мы, за скромное ему вознаграждение, немедленно завязали переписку с оставшимися на воле товарищами. Переписывались широко, даже с лицами, находившимися в других городах. Так, я, например, успел обменяться письмом с товарищем, жившим в Москве.

С жандармами мы вели себя довольно развязно и не давали им показаний, заявляя, что при конституционном строе к нам должны обращаться гражданские следователи. Такое поведение мы рекомендовали только членам Комитета и тем из членов организации, которые в состоянии были стойко держать себя на допросах.

По постановлению варшавского генерал-губернатора Скалона, мы были преданы суду Военно-окружного суда. В обвинительном акте у нас была выставлена 279 статья свода военных постановлений, грозившая смертной казнью, так что обвинительный акт не внушал ничего веселого. Но мы верили в развивающуюся революцию и не падали духом.

Суду было предано 19 человек. Вот фамилии их: Багоцкий С. Ю., Писаревский Е. Л., Писаревская С. И., Петренко А. И., Комарова Е. Т., Аренкова, Гершгорн, Фриауф Николай (офицер), Фриауф Александр (офицер), Аветисянц

(Аветисов) Амбарцум (офицер), Золотухин, Пирязев, Ронжес, Длуголенская, Княжинский, Чепкевич, Соколов, Галамей (офицер) и Ратнер. Защитников явилось 18 человек. В числе их был теперешний посланник Польской республики в СССР Патек, виленский адвокат Врублевский, защитник лейтенанта Шмидта. Собирались из Питера приехать Грузенберг, Соколов и, кажется, Беренштам, но не смогли, так как на те же числа был назначен суд, — впрочем не состоявшийся, — над членами Петербургского совета рабочих депутатов.

Суд происходил в помещении варшавской цитадели, недалеко от 9 павильона, в котором мы были заключены. Без больших усилий защите удалось отбросить 279 ст., и нас стали судить только в пределах 102 ст. Уголовного уложения.

На суде произошел маленький инцидент (случай) с экспертом каллиграфии (чистописания). В качестве эксперта был приглашен учитель чистописания из какой-то гимназии. Едва его вызвал суд, как он сразу заявил, что по совести он не может выступать экспертом.

«Помилуйте, — говорил он, — здесь военный суд. Может быть кому-нибудь грозит смертная казнь, а я без подготовки, вдруг, должен дать свое заключение. Мне тяжело сознавать, что я могу ошибиться, и в результате моей ошибки может погибнуть человек. Увольте меня!»

Так как вопрос касался рукописи моей статьи, которую я предполагал поместить в «Солдатском Листке», но не успел сдать ее, то я попросил своего защитника передать суду, что рукопись писана мною. После этого заявления суд немедленно отпустил побледневшего эксперта.

Приговор

По 102 ст. были признаны виновными только двое, Багоцкий да я: мы оба получили каторгу. Писаревский же, фактически бывший у нас самым главным работником, отделался

сравнительно пустяками. Ему и его жене дана была ссылка на поселение. Такое слабое наказание Писаревский понес благодаря тому, что у него при обыске ничего не было найдено, кроме шифра на подкладке брюк. Но шифр был составлен так удачно, что его не разгадали даже питерские спецы, которым для расшифровки посылалась записка Писаревского.

Один офицер и трое солдат получили ссылку на поселение, двое офицеров были присуждены к крепости на 2½ года каждый, без зачета предварительного заключения. Остальные понесли еще более легкое наказание, и пять человек было оправдано, в том числе один офицер.

Работа в войсках, прерванная на некоторое время нашим арестом, снова возобновилась и продолжалась до тех пор, пока участники не попали в лапы жандармерии.

Начатая нами революционная работа в войсках пустила уже такие глубокие корни, вырвать которые было не по силам царской охране.

П. Фабричный

ИЗ КАЗАРМЫ — НА КАТОРГУ

На положении „поднадзорного“

В 1904 г., не окончив из-за волнений учительской семинарии, я был принят на военную службу и 1 мая прибыл в Вятку к воинскому начальнику. Здесь дали мне сопровождающего конвойного и повели в канцелярию батальона. Ко мне вышел полковник, на вид довольно строгий и седой. Он спросил: кто, откуда, образование, почему так поздно. Я сказал, что я поднадзорный и опоздал потому, что обо мне делался особый запрос. Опять вопрос — почему попал под надзор. Я ответил — издание нелегального журнала. Полковник грозно посмотрел на меня и внушительно заявил:

«Смотри, здесь не вздумай у меня издавать».

Я получил назначение в четвертую роту. Командир роты, капитан Ясницкий, был человек службистый и требовательный. Итак, я сделался рядовым под номером 100, последним на левом фланге.

Из канцелярии тот же конвойный привел меня в роту и сдал. Я очутился в казарменной обстановке, один, без всяких друзей и знакомых. Это была суббота или вообще канун праздника. Казарма была помыта, на полу опилки; в одном углу слышна была какая-то музыка. Поляк Ивановский, как я потом узнал, великолепно играл на губах при помощи

гребенки, а поляки плясали. Они большие любители покружиться в польку и танцевать без усталости.

На другой день, в праздник, пришел ротный и самолично произвел в моем сундуке обыск. Мне он сказал, что я не могу один ходить в город, а если нужно, то вот с Ломаевым, кажется, так была фамилия моего первого «ад'ютанта», как я потом называл мою охрану.

В первое время пребывания в роте произошел случай, крайне обрадовавший меня и скрасивший мою казарменную жизнь. Сажу я однажды в обед у окна; идет по двору тот самый человек, который ехал со мной на пароходе по Волге. Я выбежал во двор, подбежал к проходившему и заговорил. Это был Иван Георгиевич Пеливан. Родом молдаванин, он окончил университет по юридическому факультету, но попал в ссылку в Архангельскую губ., потом был взят в солдаты и зачислен в тот же батальон, что и я, только в первую роту, к штабс-капитану Энгельману, человеку образованному, внимательному, справедливому к солдатам и либерально настроенному. До самого конца пребывания Пеливана в роте у нас остались самые дружеские отношения. Ему жилось лучше, он жил вместе с фельдфебелем в отдельной комнате. К нему хорошо относились ротный, фельдфебель и солдаты. Часто я бывал у него и отдыхал душой в разговорах.

Первые месяцы службы была большая скука. В город не всегда и с «ад'ютантом» пускали, да там и знакомых никого не было. Я иногда нарочно ходил на «толкучку» и рылся в книгах. Думал, не обратит ли кто внимание, не скажет ли теплое слово. Пеливан вначале не знакомил меня на воле ни с кем: то ли мое положение в роте мешало, то ли он еще не ознакомился со мной хорошо. А мое положение в роте было вроде неустойчивого равновесия. Официально все время я имел охрану, то из одного, то из двух человек. Бывали времена, что за каждым моим шагом буквально следили: иду в столовую, в уборную, в фельдфебельскую, туда же идет

мой «ад'ютант». В такое время о выходе в город не приходилось говорить: бывало, что по месяцу и больше я сидел в казарме. Положение мое часто ухудшалось разными причинами: то выйдет у солдат история с фельдфебелем, то жалуются на ротного командира батальона за задержку по несколько месяцев хлебных и заработанных денег, то, наконец, бывало так, что ротный в городе увидит меня без «ад'ютанта». Все это вело к репрессиям по моему адресу. Иногда положение улучшалось: раз я выполнял обязанности ротного писаря, — писал разные бумаги, рапортчики. Из-за какой-то истории меня отсюда вышибли.

Зимой 1904—1905 г. одно время я занимался в ротной, с позволения сказать, школе. Абсолютно никаких пособий не полагалось. Помню, кто-то дал пятак, и удалось купить азбуку Некрасова. Не было чернил, бумаги, карандаша. В противоположность этому, я всегда сравнивал потом школу для каторжан в тюрьме, она во много раз была лучше. Таково уже, видно, было отношение к «почетному званию» солдата, «защитника престола и отечества». Впоследствии отстранили меня и от ротной школы, и это было в порядке вещей, хотя я ограничивался вопросами только элементарной грамотности.

Иногда ротный замечал меня в городе без «ад'ютанта». Из всех моих «ад'ютантов» я не помню ни одного, кроме унтер-офицера, про которого я мог бы отозваться плохо. Некоторые из них даже помогали мне и не раз носили прокламации из города, например, Куликов и Ломаев. Благодаря очень скоро установившемуся хорошему отношению с солдатами, все наблюдения за мной парализовались. Шли с охраной вместе в город из роты, потом расходились каждый по своим делам, а обратно в условленном пункте сходились и шли вместе в роту.

Часто я задавал себе вопрос, — зачем меня держали в солдатах? В караул меня почти не назначали, иногда изредка

ставили к денежному ящику в караульном помещении, под общим наблюдением караульного начальника. На других постах я был раза 4—5, не больше, и за мной всегда следили.

Прибыл я в батальон первого мая 1904 года, следовательно, я не мог сразу стать в общий строй. Мне дали обучающего Ломаева, который должен был со мной заниматься строем и словесностью. Парень он был хороший. Ружейными и другими приемами он меня не мучил, а насчет словесности со мной не нужно было много заниматься: я был грамотен и мог сам прочесть. Да и сам мой учитель к некоторым положениям словесности относился скептически. Правда, потом пришлось приналечь на занятия, когда ротный Ясницкий пробрал фельдфебеля, увидев однажды, что занятия идут не в надлежащем порядке.

В июне я первый раз был поставлен в общий строй. Ну, и досталось же мне! Ротный был не в настроении и вообще он любил строй и хорошую выправку. В этот раз досталось мне — и бегом, и шагом, и ружейными приемами.

Потом начались практические занятия. Я не отличался крепостью и особой силой, — вообще было тяжело. Иногда зимой делали прогулки верст за 8—10, со значительной выкладкой обмундирования. Приходилось тянуться в хвосте.

Летом — в лагерях. Здесь дождь мочит, грязь, спишь скученно, на общих нарах. Правда, в хорошую погоду есть преимущества. Вечером часто после занятий часа полтора-два пели песни.

Некоторые моменты занятий были крайне тяжелы и раздражали. Я часто жаловался фельдфебелю или говорил одному вольноопределяющемуся, чтобы он перетолковал с фельдфебелем, с ротным или полуротным командиром. Издевательства над солдатами происходили по всякому поводу, например, за то, что солдат не вычистил сапог. Однажды весной унтер-офицер хохол мучил свой взвод за то, что не почистили ему сапог. С утра в какой-то праздник, часа 2 он дер-

жал взвод «на изготовку»; в натянутом положении надо держать ружье минут по 5 «к ноге» и опять «на изготовку», и так без конца. Буквально все солдаты вспотели. Иногда обучающие кое-кого из солдат били.

Наконец, полевая гимнастика. В роте у нас был Голубинский — поляк и Гольдблат — еврей. Гимнастика была сплошным мучительством для них: и тот и другой были крайне слабы, а у Гольдבלата были к тому же очень слабые ноги.

Вообще говоря, вся эта военная служба, солдатчина, чрезвычайно надоедала и заставляла протестовать против ее основ.

Правовое положение солдата

Едва ли этих прав было много. Нельзя было ходить даже в загородный сад, несмотря на то, что солдаты там пели военные песни. Только в этом случае нас туда и пускали. Могли ходить в этот сад все, кому угодно, а солдату было нельзя. В театр ходить не разрешалось.

Книгу можно было читать, да какие же книги были в ротных библиотеках? А покупать — редко кто мог. Помимо этого, надо было иметь на книге подпись ротного.

В город идешь — не столько ты гуляешь, думаешь и занимаешься собой, сколько должен смотреть, не идет ли офицер. Если же идет командир батальона, то солдат должен был бежать с панели и становиться во фронт. Внешнее чинопочитание доходило буквально до абсурда. В лагере ротный сидит, пьет чай, по каким-либо причинам приходится проходить мимо несколько раз, и каждый раз «kozyрянье». Отношение офицеров и некоторых младших начальников было крайне придирчивое вообще, и на занятиях. Правда, были братья Кадомцевы, Эразм и Мефодий, они хорошо относились к солдатам. Потом они сделались революционерами. Было и еще несколько хороших офицеров, но вообще-то

говоря, многие из офицеров относились пренебрежительно к солдату. Только в моменты инспекторских смотров и ревизий было лучшее обращение и лучшая пища: все чистили, убирали, прятали, лучше одевали солдат. Тут был общий фронт. Когда приезжал бригадный генерал-майор Асеев, обязательно в каждой роте зажигали лампадку, чистили иконы, а их в казармах был целый иконостас. Очевидно, старик был с причудами. Но смотры проходили, генерал уезжал, проходила и эта короткая спайка.

Пропаганда и агитация

В начале моего пребывания в роте не приходилось думать о какой-либо работе: я не ознакомился хорошо с солдатами, и положение в роте было до невозможности пакостное. Постоянные обыски лично у меня днем и ночью. Сколько их было, не помню, но знаю, что очень много.

Начинается, пожалуй, дело с осени 1904 года. С Пеливаном мы сошлись ближе. Я видел, что он ходит в город, имеет знакомства. Я просил у него книг и газет. Разного рода литературу, издания «Донской речи», мелкие рассказы Станюковича, Гусева-Оренбургского и др. мы стали давать солдатам читать. Обычно, когда они шли в караул, просили: «Дайте что-нибудь почитать!»

Вначале я пользовался исключительно легальной литературой и не раз им читал статью Пешехонова: «Война и отечество», журнал «Право» за 1904 или же 1905 г.; затем там же С. Трубецкого: «Цусима». Не раз читал я им отрывки из «Поединка» Куприна. Правда, это были вещи легальные, но, конечно, не подписанные ротным. Понятно, все это пряталось, учитывалось, кто с тобой в карауле. Наконец, когда пошли газеты: «Сын отечества», «Наши дни», я читал их сам и давал читать другим. Подчас у меня этой литературы бывали целые пачки. Фискалов среди солдат было мало. Потом все это обставлялось до некоторой степени легально.

И доноительства на себя я не помню ни одного, кроме доноса последнего унтер-офицера «ад'ютанта».

С осени 1904 года через И. Г. Пеливана я стал получать лично для себя нелегальную литературу. То была «Революционная Россия» и «Искра», а также и нелегальные книги. Иногда в казарме или на своей койке, или в фельдфебельской (когда там никого не было), либо на кладбище, за казармами я садился и читал запоем эту литературу.

В России уже начиналась революция: убийство Плеве, а в начале 1905 г. убийство великого князя Сергея. Как теперь помню, с каким напряжением и захватывающим интересом читал я дело об убийстве Сергея.

Переход к нелегальщине

Первый нелегальный поступок был — разброска прокламаций в связи с событиями 9 января 1905 года. Как-то вечером, уже было темновато, я, по поручению Пеливана, сбегал в город и получил пачку прокламаций. Все это было несколько необычно и казалось рискованным. Тут же готовились шаги для широкого распространения. Распространялись в этот вечер прокламации и в городе. Это были знаменитые письма Галона. Идя из бани с Пеливаном, мы разбросали прокламации по дворам батальона. Это вызвало переполох, массу толков и разговоров среди солдат, но практических результатов дало очень мало.

Дело было поздно вечером, когда в казармах все солдаты спят, или же должны спать. Бодрствуют лишь караульные и постовые. В скором времени один солдат из караула нашел прокламацию, — сейчас же к дежурному офицеру по батальону, начался сбор прокламаций. Были и еще раз вскоре после этого распространены прокламации, и результат оказался тот же. После этого в батальоне, во дворе казарм, прокламации не разбрасывались.

В общем, уже в ноябре и декабре я стал заводить связи не только среди своей роты, но и среди всех остальных рот и учебной команды. Эти связи, знакомства, в дальнейшем стали расширяться. Были хорошие и надежные товарищи, как Захарович, тоже ссыльный, затем весьма симпатичный и хороший Марьясин. Недостаток этих связей был тот, что оба они потом были в музыкальной команде, т.-е. нестроевой. Но в общем круг этих знакомств расширился. Рост вообще революционных событий в 1905 г. поднимал дух и придавал бодрости настроения и нашей работе. Как-то само собой образовался кружок, в который и входили по 1 — 2 солдата почти из всех рот.

К весне 1905 года произошло одно событие, с момента которого работа пошла как-то шире и быстрее. Приблизительно в марте Пеливан освободился от военной службы и вскоре переехал в другой город. С его уходом из роты, пропаганда пошла смелее, так как Пеливан был крайне осторожен и в этом духе действовал и на нас.

Круг товарищей расширился, нелегальную литературу начали читать уже многие. Я давал определенным товарищам, а они в каждой роте своим, кто интересовался, на кого можно было положиться. Когда кто уж очень рисковал, приходилось сдерживать. Наконец, сформировался кружок из солдат для слушания лекций. Нам читал кто-то из штатских, фамилии я не знаю. Собирались мы раз, а может быть два на кладбище, а потом на какой-то квартире. Читали нам лекции о государственном строе Западной Европы, конечно, сравнивая с нашим. Читал лектор, по-моему, не плохо, и видно, что он был человек образованный, но, мне кажется, что это было не для солдат — длинно и не просто. Говорить о хорошей солидной подготовке нам не приходилось; события развивались, надо было придерживаться правила: «бери быка за рога». В России шла революция. Как-то тревожно было в городе, в особенности зимой 1904—1905 г. Часто рота

оставалась на целые сутки одетой и обутой на случай экстренного вызова. Все это давало основание иногда выступать на тему, кто враги и друзья народа.

В мае или же июне 1905 года наша 4 рота должна была ехать в Пермь или Екатеринбург. Говорили определенно, что вызываемся для умирения рабочих. Солдаты были в полном военном обмундировании, не ходили в караул, сидели в казармах. Кажется, дня 3—4 вся рота была в боевой готовности, но вызова не последовало.

Солдаты начали задумываться. Книги, прокламации, газеты читались больше, круг читающих доходил до 30—40 человек. Правда, у прокламаций иногда приходилось обрезать обычные лозунги и надписи. Может быть, это не совсем хорошо выходило, но зато давало возможность более широко и свободно действовать.

Однажды чуть было дело не обнаружилось: нелегальная литература хранилась в отхожих местах и там подкалывалась внизу, в местах сидений. В одном из них распуталась веревочка, и нелегальщина повисла, но не упала. Нашли. Переполох — кто, что? Но не сообразили поискать в других местах и не уразумели, в чем дело. Последствий никаких не было.

Революционные события нарастали и в Вятке: весной 1905 года было произведено покушение на начальника почтово-телеграфной конторы, затем летом покушение на губернатора; беспокойное состояние наблюдалось у рабочих.

В особенности широко пошла пропаганда в лагерях. Там как-то солдаты чувствуют себя свободнее. Нет казарм, стен, ограды, из лагеря без всякого разрешения уйти легко; иногда мы группой, человек 8—10 уходили с задней линейки куда-либо в лес, обсуждали то или иное политическое событие, читали какую-либо книжку. 1 мая 1905 года я был на эсеровской массовке, а затем в течение этого лета еще на

трех, и не один, а с несколькими товарищами, — человек 8—10. Про одну из массовок как-то дошло даже до ротного, что были солдаты; по крайней мере, так говорил фельдфебель.

Попытки к протестам

Летом 1905 года очень взбудоражило солдат событие на броненосце «Потемкине». Здесь были практические шаги, а не разговоры.

Солдаты батальона были недовольны частью офицеров, режимом, им нравились такие поступки матросов. Иногда приходилось слышать: «И нам бы также». Конечно, получили соответствующую, ознакомляющую с этим событием литературу.

Чувствовалось, что настроение солдат поднималось, казарма не так давила. Вскоре после практической стрельбы рота вернулась в лагеря, потом кончили стрельбу и др. роты. И вот мне вспоминается один факт — намерение очень многих солдат убить командира батальона. Это был уже не Юркевич, а полковник Нестеренко. Человек он был, безусловно, жестокий, постоянно наказывал солдат карцером и под суд отдавал очень многих. Солдаты очень не любили его. Однажды, когда он ехал вечером из бани, в него было брошено солдатами полено или кирпич. После стрельбища у многих солдат остались боевые патроны. И вот однажды на практических занятиях стреляли в командира из боевых. Это было, приблизительно, в июле месяце; та и другая сторона наступали. Командир батальона сам командовал на одной стороне, был на лошади впереди наступающего отряда. Шла стрельба. Вдруг командуют: «Отбой», т.-е. приостановку действий, что было как-то необычно. Говорят, что в это время просвистела пуля. Потом упорно говорили, что была пущена пуля в командира батальона. Однако дознания, обследования винтовок не было.

Октябрьские дни

Октябрьские события дали большую почву для работы. Но надо сказать, что царь в глазах солдат не был еще развенчан. Можно было говорить: «долой самодержавие», но «долой царя», — приходилось подождать. После объявления манифеста, конечно, пошли объяснения его значения, трактовка. А затем сразу же после издания манифеста пошли еврейские погромы. Приходилось указывать, что министры и губернаторы, вообще власти — против издания манифеста, против проведения его в жизнь. Около этого времени появилась масса популярных изданий, газет, листовок изд. Пармонова: «Куда идут народные деньги», «Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право», «О свободах» и т. д. Все это широко потекло к нам в казарму. Конечно, я и товарищи стали более свободно говорить обо всем.

22 октября у нас в батальоне разносится слух, что в городе избивают евреев. Наша рота должна была идти в город наводить порядок. Я встал в строй; ведь тут я бы защищал граждан от громил, но меня вывели из строя и оставили дома в роте. Каково же было мое удивление, досада и стыд, когда я услышал, что солдаты в городе не столько умирляли громил, сколько подбирали убитых, раненых, побитых и водили в полицию. Уже к вечеру, когда хулиганы натешились, было проявлено несколько иное отношение. Конечно, достаточно было и двух выстрелов, чтобы всех разогнать. Когда пришли солдаты в казармы и на другой день начали рассказывать об этом, то я видел точно какую-то насмешку, что вот, дескать, жидков поколотили. Это крайне меня раздражало, волновало, я со многими из них поругался, указывал, что обязанность была защищать избиваемых и умирять громил, говорил, что солдаты пачкают этим погоны.

Тут я воочию увидел, а все дальнейшее укрепило меня: недостаточно человеку говорить, недостаточно ему разяс-

Нять, всего этого мало — нужен определенный промежуток времени, когда все это осядет, перебурлит, найдет свое место. Времени же было для работы в части крайне мало. Конечно, не все так со смешком иронически относились.

Приезд генерала

Дальше пошли события как-то быстрее. Наша 4 рота была вызвана в скором времени после 17 октября в Великий Устюг. Говорили, что там были беспорядки. Когда приехали, выяснилось, что очевидно был еврейский погром или вообще обычного рода беспорядки, которые прошли тогда по России. Я не был взят в Устюг. Вообще в последние месяцы меня ни на какого рода вызовы для умирения не брали. Я остался и временно был прикомандирован ко 2 роте, там занимался и жил. За это время произошел со мной крайне любопытный случай. В скором времени после моего прикомандирования, это, вероятно, было в конце октября 1905 г., приехал бригадный генерал, как передавали, с целью выяснить поведение гарнизона во время беспорядков. Надо сказать, что в это время, перед 17 октября, командир батальона в то же время был и начальником гарнизона. Так вот командующий посетил и роты. 2 рота была в карауле; меня в караул не назначали, и нас, несколько лиц, приодели почище и усадили за столы. Занимаемся как бы словесностью. Входит командир батальона, генерал Асеев. Конечно, все, как полагается, «встать смирно!», «здравия желаем, ваше превосходительство!». Встаем на вытяжку за столами. Подходит к одному, другому, расспрашивает, кто, откуда, сколько служит. Наконец, подходит и ко мне: откуда, сколько лет, удивляется, что на вид очень молодой (верно, меня до последнего времени часто называли «музыкантом», «музыкантиком» в лавках или на улице). Вообще генерал производит на меня впечатление добродушного старика. спрашивает, сколько времени служу, как фамилия и т. п. И потом в скором

времени обращается к адъютанту с вопросом, тот что-то подтверждает. Моментально генерал выходит из себя, топает ногами: «А, это тот самый, смотри! — у меня костей не соберешь, пошлю, куда Макар телят не гоняет! А лицо какое располагающее!». Наконец, как-то немного успокаивается, спрашивает у командира, как я себя теперь веду, и, получив удовлетворительный ответ, приходит в себя и говорит: «Вот ты не делом занимаешься с ними (солдатами), а они темные, не знают отчего дождь, снег». Я отвечаю генералу: «Я, мол, занимался с ними в школе грамоты». Генерал добродушно хлопает меня по плечу и говорит: «Служи, братец, хорошо, от меня первого спасибо получишь».

Протест 4 ой роты

Рота вскоре вернулась из В. Устюга, но она приехала несколько возбужденная, протестующая. Солдаты были недовольны командиром, что задерживает хлебные деньги; что-то было уже в Устюге. Слышу: из солдат один говорит — не вставать на занятия. Я, пожалуй, здесь был инициатором. Указал некоторым, ближе стоящим, что надо отказаться приветствовать ротного.

Приходит ротный в одно воскресенье. Рота выстроена. Кричит: «Здорово, братцы!» — ни звука в ответ. Опять «Здорово, братцы!» — опять то же молчание. Наконец, он ругается по-матерно: «Фу, ты...» и идет в помещение фельдфебеля. Это сразу разнеслось по всем ротам. Едва ли не узнал об этом и командир батальона. Ротный был вскоре переведен в другую роту. Вскоре после этого, вечером приходит ротный и вызывает меня в фельдфебельскую. Тут происходит такой разговор: «Скажи, что такое делается с ротой? Здороваюсь — не отвечают. Повлияй на них, я знаю, что ты пользуешься у них влиянием, тебя любят солдаты». Я говорю, что вот в чем причина: солдаты недовольны, что задерживают у них деньги.

Для роты этот, по военным условиям, сравнительно крупный инцидент, никаких последствий не имел. Приходилось часто слышать кое-что и в других ротах: метут пол, вдруг бросают веник со словами «бастуй!». Иногда возили снег со двора, тут же слышишь недовольство и желание бастовать. Вообще это было характерное время, когда видно было, что дисциплина военная рушится, может быть, не надолго, но рушится. К тому же целый ряд военных событий, восстаний, волнений в России. Знаю, что очень много подлило масла в огонь волнение в Бобруйском дисциплинарном батальоне. Среди солдат нарастало то же настроение.

Волнения в батальоне

Во второй половине 1905 года наладилась связь со всеми частями батальона, строевыми и нестроевыми. С фельдшерской, медицинской частью связь была довольно давно и хорошая: там были вполне надежные товарищи. Установилась связь и с писарской командой. Наконец, в последние месяцы наладилась связь и с конвойной командой. Был план установить связь со всеми конвойными командами и вообще частями, какие были тогда в уездных городах.

В последний месяц — ноябрь я постоянно слышал фразы «надо бастовать» в своей роте и в других ротах, например, в учебной команде. Посоветовались с товарищами по работе и решили бастовать. Но как: надо выработать требования, чтобы знать, с чем выступить, чтобы на этих требованиях сгруппировать всех солдат, все роты, весь гарнизон. Чтобы наши требования в основе послужили примером для других частей по уездным городам, мы устроили собрание от всех рот, учебной команды, исключая 2 (она стояла в створе). Представителей собралось в городе человек 15. За первый вечер не выработали всех требований. На другой день уже распространились вести, что солдаты собираются, — беспокойно; вообще как-то скоро передавалось на-

строение. На второй день собрались в большем количестве в другом месте, в какой-то школе. В этот раз выразила желание быть на собрании и конвойная команда. Конечно, ничего нельзя было против этого иметь. Насколько помню, вопрос о проведении волнений был предоставлен вполне нам, военным. Вообще, вся работа была предоставлена нам, на наше усмотрение. В последнее время не раз приходилось писать прокламацию за подписью: «Группа солдат 231 пехотного батальона».

На этом последнем собрании был представлен весь гарнизон, и мы выработали окончательно требования, которые должны были предъявить командиру батальона. Наши требования были в общем куда умереннее, по сравнению с некоторыми другими частями, как потом я узнал. Мы не требовали по две тарелки, ножей, вилок, салфеток и т. п., как было в самарском гарнизоне. Нет, требования наши были весьма скромны, в рамках границ и выполнения. Точно, теперь я уже не передам их. Мы требовали улучшения пищи, увеличения жалованья, думаю, указывали цифру, рубля 3—5 (ранее было 45 коп. в месяц). Требовали улучшения правовых условий. Знаю, что объявили бойкот одному поручику, наиболее скверному из офицеров, с требованием перевода его в другую часть. С большой настойчивостью удалось внести один пункт, носящий определенно политический характер. В требовании указывалось, чтобы части не выводились для подавления крестьян, берущих хлеб у помещика. Я имел также в виду, главным образом, ввести пункт об изменении общих экономических и правовых взаимоотношений в России. Но вся широкая масса солдат еще не дошла до этого понимания, и с широкими политическими требованиями осталось бы 30—50 человек; и тут ничего не поделаешь.

Мы указывали в требовании, что до исполнения требований мы отказываемся от занятий.

Требования должны были напечатать на другой же день, в понедельник. Дальнейший план был таков. Получив требования, созвать собрание, раздать на руки солдатам, обсудить, вызвать в батальон командира и пред'явить, а если не исполнит, отказаться от занятий, бойкотировать указанного поручика.

Но вышло не совсем так, как предполагалось. На другой день, утром рано, в понедельник—это было 28—29 ноября—прибегает ко мне один из солдат третьей роты и говорит: «Вставай, наша рота бастует». Я пробую говорить: «Как же так, ведь у нас не готовы требования, подождите, дайте получить их». «Нет, говорит, все равно, рота пойдет утром в столовую чай пить и оттуда не вернется на занятия». Очевидно, уже о наших собраниях и требованиях разнеслось по ротам и это подхлестывало солдат. Те же требования, за несколько дней, исходили, насколько я помню, из учебной команды. Упускать момент нельзя было, хотя и выходило не по плану. Однако, «назвался груздем — полезай в кузов». Одевшись, я сказал: «Хорошо, иду». Сам наскоро набросал речь и пошел в третью роту. Наша 4 рота была в карауле. Я надеялся, что она поддержит.

Там горел еще огонь, было сильное возбуждение, шум. Придя туда, я начал что-то говорить, касаясь, главным образом, тяжелого положения солдата. В скором времени пришел фельдфебель 2 роты, дежурный по караулу. Быть может, он уже знал, в чем дело. Увидев меня, он сказал: «Ты чего здесь делаешь, бунтуешь? Пойдем в роту!». Пошли и, конечно, — к традиционной койке, к сундуку — обыск, и как раз пытается выхватить у меня набросок речи. Я бросаю ее, солдаты пытаются схватить. Кажется, все-таки она попала к фельдфебелю. Говорит: «Я тебя арестую», и с кем-то отправил меня в караульное помещение. Я взял, как подобает в этом случае, полотенце и пошел в караульное помещение. Казалось, все пропало. Но на пути захожу в столовую. Это

спасло положение и совершенно изменило оборот дела. Там была пятая рота. Прихожу, становлюсь на возвышение и начинаю говорить: «Товарищи, меня сейчас арестуют, и я иду в караульное помещение». Мне дружное в ответ, как один: «Не дадим арестовать!». Тут я начинаю держать речь опять об угнетенном, плохом положении солдата, о той позорной роли, какую играет армия в усмирении крестьян, рабочих и интеллигенции. Говорил много, против обыкновения, и, как обычно, закончил свою речь: «Запомните, мы сила, ибо в руках наших оружие».

Пришли офицеры, я тут же перед солдатами стал дебатировать с ними. Терять было уже нечего, а многие из них были грозны только до времени. Офицеры говорили, что я враг России, обманываю солдат, благодаря их темноте. На это я говорил: «А не вы ли виноваты, что они темны, не вы ли не даете читать книг, газет, а, найдя книжку без подписи, тащите в карцер. Я это знаю, испытал на практике». Страх перед золотыми погонами падал быстро.

Но наши солдатские требования еще не были получены. Приходилось ждать. Я пошел в свою роту. Через некоторое время ко мне пришли из 5 роты и сказали, что они заявили своему ротному: «Если арестуют меня — они разобьют карцеры». Говорили, что их ротный будет просить командира батальона не арестовывать меня.

В полдень, часа через два, принесли требования. Сразу же созвали все роты в столовую, и стали обсуждать и читать требования, пункт за пунктом. В общем все это принималось быстро. Вскоре явился вместо начальника батальона Ясницкий (командир был болен). Здесь произошли объяснения, споры, пришлось выступать мне. Потом я публично передал ему требования, сказав, что мы будем добиваться их выполнения. Итак, волнения начались.

В чем же они состояли? Мы не становились на занятия, бойкотировали поручика, не отдавали ему чести. Он едва ли

в это время показывался в батальон. Свободно собирались в столовой и устраивали собрания, читали, обсуждали; тут уже не разбирали, что легально, что нелегально. Офицеры боялись, чтобы мы не вышли в город. Со свободой собраний в батальоне они примирились. Помню, меня уговаривал капитан Деньгин, мой ротный в то время: «Что ты делаешь, ведь тебя за это пошлют в каторгу». Пугать было нечем. Настроение было таково. А собрания в батальоне шли без конца.

Было поставлено задачей, чтобы эти волнения прошли гладко и не вылились в пьяное буйство, как случилось в других городах. Особенно приходилось указывать и настаивать, чтобы никто не пил, чуть ли не были определены даже наказания. Такой исход волнений был возможен. Ведь не было тайной, что во всей массе солдат далеко нет той сознательности, которая должна бы быть. Да и некогда было солдату и почерпнуть эту сознательность. Волнения прошли выдержанно, никаких безобразий не было допущено. Я теперь могу с чувством удовлетворения сказать это. А все-таки приходилось побаиваться. Офицеры боялись кровавой расправы и вообще осложнений. Но я говорил им: «Я ручаюсь, что я проведу волнения без эксцессов, мирно, если только вы сами не прибегнете к насилию. На насилие мы ответим насилием». Так я сказал командиру батальона.

Говорили, что должна была нас обезоружить 2 рота.

С моментом волнений совпало одно событие. В конце ноября в городе происходил крестьянский съезд, съезд Крестьянского союза. Помню, получаю от президиума съезда приглашение, чтобы были представители от солдат. Губернатор съезда не разрешил, но когда было такое положение в батальоне, не решился отказать, и съезд собрался. Тогда роты две со штыками на-голо пошли в город на съезд, и там выступали я и один из товарищей.

На съезде было заявлено, что съезд мы не позволим разогнать, а при попытке сделать это — арестуем губернатора. Тут было не до арестов: в тот момент и город мог бы быть в руках наших. Штыки обращались теперь в обратную сторону. На съезде происходило братание рабочего, крестьянина и солдата, фактически такого же крестьянина.

Настроение в батальоне

Что же было в батальоне? Я уже сказал, что мы были свободны, собирались, обсуждали. Эксцессов никаких не было ни над офицерами, ни в городе. Вообще волнение проходило сдержанно. Все роты и команды в нем участвовали, исключая 2 роты. Она не примкнула, ее приходилось бояться, говорили, что она нас обезоружит, арестует, иногда указывали — такой-то ночью. Некоторые говорили, что ее нужно заставить примкнуть к нам, но я и ряд товарищей говорили: «Мы не будем делать насилия, пусть не будет его и над нами». А потом ряд рот и учебная команда не боялись одной роты; ведь мы были с оружием, а у нас на этот случай был план. Во-первых, на ночь мы ложились, кто с винтовкой (были и боевые патроны), кто с топором, кто с поленом. Конечно, были дежурные. Было указано, что при появлении второй роты, при попытке разоружить нас — должен такой-то в окно выскочить и бежать в другие роты.

Меня солдаты уложили спать на другой койке, а не на моей, чтобы сразу меня не смогли взять. У меня, лично, да и в роте и в других ротах, у товарищей моих по работе было такое настроение, что, если только будет попытка разоружить, арестовать, вообще произвести насилие, ответить самым решительным образом. Эта была бы жестокая кровавая схватка, и тогда неизбежна расправа с рядом офицеров. К счастью, этого не произошло. Обезоружить нас и арестовать меня или других товарищей попыток не было.

Да, кстати, один штрих. Ко мне назначили для охраны, кажется, 2 товарищей. Боялись, чтобы меня где-либо в городе не арестовали, а в случае ареста, чтобы моментально известить батальон. Теперь эти «адъютанты» уже были моей защитой и охраной.

Во время волнений был еще один эффектный и крайне поразивший офицеров случай. Было около полудня, наша рота должна была идти на обед. В это время приезжает командир батальона на лошади, а с ним входит в роту ряд офицеров, вероятно человек 7—8. Среди роты моментально проносится мысль, что приехали арестовать меня. Командир вызывает меня в фельдфебельскую и там — разговор: что я делаю, усовещивания и пр., что это бунт, враги и т. п. Я парирую, объясняю и, наконец, заявляю, что мы не хотим, чтобы выводили нас на усмирение, эту позорную роль мы не хотим выполнять. Я говорил опять, что волнения пройдут мирно, насилия не будет, пусть не посмеют проявить насилия над нами. В это время роту хотят увести на обед, фельдфебель командует: «Нале-во!». Ни один не повернулся, стоят, как вкопанные. Так продолжалось не раз; наконец, командуют офицеры Нет, — то же самое. У солдат возникла мысль, что роту уведут на обед, а меня в это время арестуют. Наконец, выхожу я, становлюсь на крайний левый фланг (я был самый маленький в роте). Раздается команда фельдфебеля: «Рота, напра-во!» и моментально, как один, все повертываются, и мы идем на обед. Не знаю, имела ли под собой почву мысль, что меня приехали арестовать. Солдаты упорно говорили, что на лошади хотели меня увезти. Обстановка похожа была на это.

В наши планы не входило устраивать демонстрацию, хотя некоторые из солдат говорили: «Фабричного посадим на боевую лошадь и заставим командовать батальоном». Я отнекивался: «Ведь я же не умею командовать». «Ничего, говорили, унтер-офицер будет помогать». Но мне все же приходи-

лось от данного рода протеста отказываться. Я опасался могущих быть осложнений в городе, а главное, недостаточной сознательности солдат. Помню рассуждения очень хорошего солдата, уже читавшего и много слышавшего от меня, — которого я считал уже более сознательным. Он говорил: «Фабричного посадим на белого коня, пойдем с музыкой по городу, будем останавливаться, и музыка будет играть «боже царя храни». Ну, думаю, на такую демонстрацию не стоит выходить, хотя в городе партийные организации и были склонны вывести части на улицу.

Конец волнений

Напряженность у всех, безусловно, была значительна, и такое состояние продолжаться долго не могло. Удовлетворить наши требования, конечно, местное начальство не могло. Настроение начинало падать — это было на 5-6 день. Посоветовавшись, мы предполагали назначить общее собрание, вызвать начальство и вступить в переговоры, надеясь, что, хотя бы часть требований будет удовлетворена. Но этого не удалось сделать. Как раз 6 декабря появилось правительственное распоряжение, в котором объявлялись кое-какие льготы для солдат и улучшение их материального положения. Это дало возможность официально закончить волнения. Но в общем и после этого мы свободно собирались, читали в столовой легальное и нелегальное. Вскоре после этого вышла прокламация: «К солдатам», в которой указывалось на эти «царские милости» и говорилось, что хотят купить солдата, — за кусок чая и сахара, чтобы он защищал правительство. Прокламация эта читалась, обсуждалась, наклеивалась на стенах в столовой, ротах, коридорах. Так, что в общем не чувствовалось гнета, и я не был арестован. Мы в общем торжествовали, что все-таки была, хотя небольшая, да победа. На короткое время мы чувствовали себя людьми, сбросили гнет казармы.

Дальнейшее вполне понятно: арестовали меня и других руководителей или, выражаясь языком того времени, «подстрекателей восстания». Дело обстояло так. Не рискнули меня и других товарищей арестовать в роте, и вообще в части. Офицеры хорошо знали настроение и решение солдат не выдавать меня.

8 декабря меня и Захаровича вызывают в батальонную канцелярию и там объявляют, что мы переводимся в г. Оренбург, в какой-то полк. Я тут же указал полковнику, что в роте беспокойно, и могут быть осложнения на той почве, что солдаты не дадут меня отправить, и сам указал выход: я не совсем здоров, вследствие пережитых волнений. Тогда было решено отправить меня в больницу. Когда я пришел в роту и сказал это, то все говорили: «Да, тебя там закупят в клетку, арестуют, только для того и вызывают, чтобы арестовать, какой там Оренбург? Мы не дадим тебя увезти!». Думаю, что тут можно было опять поднять солдат. Но уже мне не хотелось этого делать, из-за себя звать солдат на жертвы. Я решил идти в больницу.

Создавался план бежать со службы, и Захарович бежал. Мне же крайне не хотелось этого делать. Раз я был с солдатами, вместе творили, надо вместе и отвечать. Офицеры использовали бы мой побег и сказали бы: «Вот он подстрекал, бунтовал, а смотрите, когда дело дошло до ответа, сбежал, оставил вас». Мне не хотелось этого делать, и кроме того, организация п. с.-р. хотела задержать меня, хотя бы на несколько недель: у них были свои планы. Я был центром волнений и пропаганды в батальоне, у меня были все связи. Меня знал каждый солдат. Конечно, никакой я особой боли не чувствовал, а усталость была, нужно было отдохнуть. Убежать из больницы ничего не стоило. Но я не бежал.

Офицеры, в скором времени после моего ухода в больницу, начали вести в ротах черносотенную пропаганду: о

престоле, царе, отечестве, о врагах порядка, указывали на побег Захаровича. Воображаю, как бы хорошо был использован мой побег для агитации среди солдат.

Тем не менее, мое положение и состояние были довольно пакостными: бежать не хотелось, ехать в Оренбург — скорее всего это — арест и суд. А если бы даже и не так было, то легко представить мое положение в Оренбурге. Одним словом, выходило «как ни кинь — все клин».

Арест мог быть даже в больнице. Однажды передали сведения от одного офицера батальона, что меня ночью должны арестовать. Настроение у меня было — без боя не сдаваться, и я на ночь клал 2 браунинга под подушку.

Восстание в Вятке и мой арест

Впрочем, события вскоре развязали все мои колебания. Решение вышло бесповоротное. В городе готовилось восстание. Правда, я не входил во все детали и не расспрашивал, — считал это навязчивостью. Когда я был в больнице, произошло изъятие 200—300 винтовок из оружейного склада в одном из уездных городов. Затем через меня было куплено у одного каптенармуса батальона несколько ящиков боевых патронов. Наконец, не помню при каких обстоятельствах, но несколько десятков крестьян было арестовано в городе, и едва ли это уже не было стягиванием сил для восстания.

Наконец, подходит 18 декабря 1905 г. Этот день был назначен днем восстания, и план для меня был таков. Вечером 17 мне с одним из товарищей выйти на дорогу, по которой должен был ехать командир батальона и убить его. До этого минут за 5—10 его должен был вызвать по телефону один из товарищей таким образом: «Выезжайте, в батальное волнение!». Все это было приурочено часам к 8—9 вечера, точно не помню. Знаю, что мы должны были выйти стрелять вдвоем; один я что-то не надеялся попасть, да как-то

и смелее, бодрее вдвоем. После того я должен был идти в батальон и воспользоваться приподнятым настроением солдат.

Товарищ, который должен был прийти ко мне в больницу — не пришел: очевидно, струсил в последний момент. А я ждал его, был как на углях, но один не рискнул идти. Другой товарищ звонил по телефону, и командир выезжал в батальон, но роковых событий для него по дороге не последовало. Не последовало в тот вечер и агитации войск. Конечно, без этих условий, и зная, что настроение в войсках не то, надо было бы оставить мысль о восстании. Но когда события далеко зайдут, организация бессильна бывает предотвратить их. Так, очевидно, обстояло дело и тут. 18 декабря должно было состояться восстание.

Вечером 17 или же 16 декабря были написаны мною письма; писал я их измененным почерком. Они были посланы командиру батальона, каждому ротному и начальнику учебной команды. Содержания они были такого: «Если войска будут выведены для умирения восстания, вы будете в первую очередь убиты». Эти письма были посланы по назначению.

Наконец, наступило 18 декабря. Я остаюсь еще в больнице и должен был с утра выписаться. Рано утром доходят вести, что в городе восстание, стрельба, есть убитые, батальон выступил против восставших. Легко понять, какое у меня было отчаянное состояние: с утра я должен был идти в батальон. Но войска, очевидно уже очень рано были выведены. Мне оставалось теперь одно, — привести в исполнение угрозы, изложенные в письмах и протестовать выстрелами против той роли, какую выполнял в этот день батальон. На это я имел разрешение от партии с.-р.

Не дождавшись выписки, я получил военную одежду и ушел из больницы. Был туманный с инеем день, воздух затянуло пеленой дыма. Вероятно, было градусов 20. У меня был браунинг. Я шел в батальон и прямо в 4 роту, с твер-

дым намерением стрелять в командира батальона. Вблизи как раз мне попался один вольноопределяющийся, очень хороший товарищ. Я сказал, что иду стрелять в командира. Я пошел в свою 4 роту, застал мало солдат; рота была на охране дома губернатора. Придя в роту, я с некоторыми солдатами очень спорил, шумел, говорил, зачем допустили идти на усмирение. Я был страшно возбужден позорной ролью солдат батальона.

Пришел командир батальона, полковник Нестеренко. Очевидно, при входе в казармы ему доложили, что Фабричный вернулся из больницы. Он подошел ко мне, спросил, почему я в роте, и потом сказал: «Я тебя арестую, пошел под арест!» Я выхожу из фельдфебельской и иду в помещение роты, он следом за мной. Я направляюсь вглубь помещения, как бы к койке. Командир останавливает меня, спрашивает, почему я иду туда, когда надо к дверям и под арест, что-то говорит мне еще. Я повертываюсь к нему и держу руку «под козырек».

За все эти ближайшие минуты бегут мысли: я писал, я обещал на собрании, что когда нужно будет, я брошу свою жизнь на чашу весов. Мне казалось, что этот момент пришел. Дальше арест, — задуманного не выполнить. Мысли бегут: если эти погоны пачкаются кровью тех людей, которых я не считаю врагами, то пусть их кровь смывается кровью насильника, кого я считаю главным виновником происходящих событий. Я моментально отнимаю руку от головного убора, опускаю ее в карман, достаю браунинг, стреляю — осечка... моментально соображаю, что предохранитель закрыт. Мигот открываю, раздается глухой выстрел; командир сбрасывает шинель и хватает меня за плечи. Очевидно, он был застигнут врасплох, не ожидал, растерялся и не очень сильно меня взял, а главное, взял за плечи, вследствие чего мои руки могли свободно двигаться. В противном случае он задавил бы меня, как куренка. Это был высокий, здоровый и крепкий

Мужчина, хотя уже с проседью на голове и бороде. Ему было лет 55—60. Я уже успел сделать два выстрела. Второй выстрел был уже тогда, когда полковник был в наклонном положении. Эта пуля прошла в область живота, задела почки и оказалась смертельной, как указывалось в обвинительном акте. Третья пуля прошла мимо.

В обвинительном акте указывалось, что было 4 выстрела. Я считал три. Но настроение было таково, что, может быть, было выпущено и 4 пули. Тут набежали на меня, обезоружили, схватили за руки.

Полковник лежал, я видел дырочку на мундире, а вокруг нее, точно дымок. Он сказал последнее: «Арестовать его!» Я тут же разгоряченно жестикулируя правой рукой, сказал: «Я говорил вам еще в дни волнений, что на насилие отвечу насилием».

В обвинительном акте указывалось, что я грозил командиру, когда он уже лежал. Этого не было.

Я сделал все, что мог, протестовал против той воли, которую играл тогда батальон в подавлении восстания в городе. «Музыкант», как часто называли меня в городе в лавочках, сыграл свой заключительный аккорд на другого рода инструменте и другого рода арию.

Вместе с командиром был ротный 2 роты Спиридонов. Он при первом же выстреле убежал во вторую роту, с целью арестовать меня, как говорил на суде. Но я думаю, что он просто испугался. Стрелять в него не входило в мои планы. Я уже был взят на месте и обезоружен. О побеге не могло быть и речи.

Под арестом

Меня повели в караульное помещение под арест. Вся вторая рота стояла на дворе, заряжала ружья, капитан Спиридонов командовал. Когда меня вели под арест, раздались два-три выстрела. Может быть, некоторые чересчур усердные

служакки пустили пулю в меня, но промахнулись, а может быть, это были нечаянные выстрелы при зарядании ружей. Справок об этих выстрелах потом не навел.

В караульном помещении, разумеется, обыскали и посадили в особый карцер, приставили человека, руки связали так крепко, что они онемели и отекли. Приходила мысль биться головой. Просил развязать, караульный начальник ослабил. Доносились выстрелы из города. Говорили, что там идут аресты.

О своей судьбе я думал так: я не знал всех судебных формальностей и полагал, что сейчас же сообщат командующему округом о моем поступке, командующий даст телеграмму: «Расстрелять!» и дело с концом. Так я думал и ждал. Какой же еще суд, когда рядовой солдат среди бела дня в казарме стреляет в своего командира батальона и начальника гарнизона при исполнении последним служебных обязанностей, и в завершение всего, в момент подавления восстания в городе. Так я формулировал все происшедшее.

Было 7 часов вечера. Когда уже стемнело, приходит с командой из 8 человек поручик Петухов и берет меня. Говорят — одеться; шапки моей не могли найти, скорее всего, осталась в роте. Завязали наглухо голову башлыком. Я не видел, куда меня везут. Сказали, чтобы я лежал и не кричал, положили меня в сани. Сани прыгают на ухабах, все молчат, молчу и я, не расспрашиваю, будучи твердо уверен, что меня везут расстреливать. Я уже днем так решил, что суд будет скорый и без всяких апелляций.

Было спокойно и несколько холодно, — безразличное такое настроение: все равно, пусть расстреливают. Наконец, сани останавливаются. Ну, думаю, сейчас поведут, поставят — и крышка. Нет, слышу, отпирается замок. Меня ведут дальше, останавливаются. Пробегает мысль, что вот сейчас будут набрасывать петлю, я был завязан башлыком и ничего не видел, а так как сопровождающие стояли со мной,

то, значит, стрелять не могли. Слышу, нет, опять отпирается замок, ведут дальше. Наконец, останавливают, развязывают башлык, и я вижу решетки, надзирателей. Тут я понял, что привезен в тюрьму, и у меня радостно пробегает мысль: «я еще буду жить». Я очутился впервые в тюрьме. В камере первым моим делом было вырезать фамилию. Достал гвоздь из каблука и вырезал под своей фамилией: «арестован 18 декабря 1905 г.».

Сидеть было вполне сносно. Сначала я был под общим караулом, надзирательским; иногда подходили товарищи к волчку, говорили, передавали папиросы. Припоминаю Н. А. Перминова и его великолепное пение: «Как дело измены, как совесть тирана, осенняя ночь темна...» Насколько помню, всего было арестовано при восстании до 100 человек с лишним, несколько человек было убито и ранено с обеих сторон.

В ожидании суда

Я стал ждать сначала следователя, а потом суда и, конечно, смертной казни. Доволен был, что военного расстреляют, а не повесят. На воле, кажется, строили планы о моем освобождении. Я имел связи, переписку, но едва ли бы из этого что вышло: условия были трудны для побега, а потом и совсем невозможны. Ко мне приставили особый военный караул, и куда бы я ни выходил из камеры, — за мной следует часовой. На прогулку вели двое — один впереди, другой сзади, а на обоих концах двора стояло по часовому.

Потом привели и посадили по соседству со мной доктора Трейтера. Он получал сведения с воли и рассказывал, под видом снов, что вот ему сегодня снились сны и т. п.

Вначале было пакостное состояние. Наконец, числа 10 января явился военный следователь. На следствии я никаких показаний не давал. Единственно, что написал: «Да, я убил командира батальона, не считаю себя виновным» и ска-

зал, что не хочу давать показаний. Потянулись дни ожидания суда. В это время приехал на свидание отец. Я ничего не писал ему о себе, узнал он из газет или же от других обо мне. Старик плакал, но чем я мог утешить его?

Я имел переписку с воли; мне присылали иногда письма друзья. Но они были там, а я в тюрьме за решетками, в ожидании смертной казни. Присылали иногда посылки, мне невольно хотелось целовать и благодарить друзей.

У читателя может естественно появиться вопрос: почему же каких-нибудь три недели назад части бунтовали, защищали съезд, а 18 декабря пошли подавлять повстанцев. Я и раньше указывал, что волнение имело почву, главным образом, профессиональную — улучшение экономических и правовых условий солдата. Конечно, ряд товарищей, может быть, 40—50 человек, и выходил из рамок этих требований, но это была лишь небольшая часть всей массы. Политическое сознание было еще слабо. Не было времени ему прочно войти в плоть и в кровь и тем более войти так, чтобы человек мог не только признавать, исповедывать, но и защищать свои взгляды, стоять за них с оружием в руках. Ведь одно дело сознание, убеждение, и другое дело борьба за эти убеждения. К тому же военная дисциплина к 18 декабря опять начала сковывать солдат, и тогда уже надо было делать выбор. Ничего удивительного нет, что малосознательные массы пошли по наиболее легкому пути.

Мне кажется, такая перемена в настроении войск в 1905—1906 гг. была очень характерной для того времени. Впоследствии мне приходилось слышать на каторге рассказы о восстании в Кронштадте, Севастополе, Киеве и других городах. На собраниях гарнизона, на массовках, как будто все части готовы были восстать, а в момент восстания оказывалось меньшинство, часть была нейтральна, а большая часть шла усмирять. Состояние в гарнизоне, где я был, в общем похоже на целый ряд других городов.

Суд

Наконец, пришло 8 февраля 1906 г. Дня за два до суда мне вручили обвинительный акт, в нем стояла 98 статья свода военных постановлений. В акте говорилось, что стрелял в командира батальона, при исполнении последним служебных обязанностей (он собирал части для подавления восстания). Указывалось, что якобы стрелял из-за того, что командир оскорбил меня. Так выходило по свидетельским показаниям. Кто это показывал, — не знаю, но я, по крайней мере, этого не слышал. Знаю, помню, что он говорил, кричал, но оскорблений, ругани не слышал.

Теперь я сделаю небольшое отступление. Каков был характер моего преступления? Я сам в то время, да и позднее, называл его террористическим актом. На самом же деле, это было несколько не так. Если бы убийство было сделано накануне 18 декабря, как сначала предполагалось, то это был бы террористический акт, как способ расшатать дисциплину, как способ поднять восстание или же удержать солдат в казармах, в худшем случае. Когда же я стрелял утром, этих целей уже не было. Нелепо было думать об этом, когда войска были против восставших, а 4 рота охраняла дом губернатора. Правда, на стрельбу как 17, так и 18 я имел согласие комитета партии эсеров, но все-таки мои выстрелы 18 декабря, убийство мною полковника нельзя назвать террористическим актом. Это был протест против той роли, которую навязывали тогда армии¹⁾.

Теперь вопрос, как же было ставить защиту на суде, получив такой обвинительный акт? Я посоветовался с Перминовым, как ставить дело, раскрывать ли причины на суде. Я сам стоял на распутьи и колебался. Перминов указывал

¹⁾ С толкованием автора согласиться нельзя: его выступление носило конечно политический характер. *Ред.*

мне, что, раскрывая пружины и мотивы преступления, я тем самым ставлю свое дело под одну скобку с событиями в городе, и у следственных властей получится впечатление, что здесь был один из актов восстания. Эти соображения были верны: другие, арестованные в этот день, отделались арестантскими ротами и меньше, вообще у них дело стояло не как восстание, а как сопротивление при аресте. Перед судом ко мне приходил судебный следователь Слезкин и спрашивал, имело ли мое дело связь с событиями в городе. Я сказал — это было мое отдельное дело. На другой день меня вызвал защитник. Он рекомендовал ставить дело так, что полковник оскорбил меня, и я стрелял, — тут являлась зацепка для смягчения приговора.

Защитник, как потом мне передавали, был очень приличный человек и, говорят, искренне хотел спасти меня от расстрела.

Позже я объяснял поведение властей иначе. Суд знал мотивы преступления, знал он достаточно и меня, знали о характере преступления и в городе, но формально им надо было иметь какую-либо зацепку для смягчения приговора. Объясняли это исключительно тем, что командующий округом Красс никого не казнил, несмотря на то, что было много очень крупных дел: убийство Сахарова, губернатора в Самаре, покушение на губернатора в Уфе и т. п. Красс не хотел казнить, не хотел пачкаться в крови по личным свойствам своего характера, или же по политическим убеждениям, а суду во что бы то ни стало хотелось поставить дело на почву чисто военного преступления. На суде не было задано ни одного вопроса чисто политического характера.

А потом надо заметить, что жажда жизни перед лицом смерти сказывается сильно, а я не жил, и жить хотелось. Это и нечего скрывать. Комитет в данном случае предоставил меня самому себе, с этикой политических я был мало зна-

ком. Я уже позднее узнал, что так дело нельзя было ставить, и очень жалел об этом.

Теперь остается сказать несколько слов о самом суде. Он был 8 февраля 1906 г., как раз на маслянице. Судили военно-окружным судом в Вятке. Суд выезжал из Казани. В здание окружного суда меня сопровождала чуть ли не рота солдат, впереди ехали казаки. Я смеялся, говоря, что не хватает только артиллерии.

Защитник спросил меня с утра, как я решил ставить защиту. Я сказал: пусть будет так, как он рекомендовал. Было порядочно публики в суде, большей частью чиновно-административной и военной. С моей стороны было два лица. Заседание шло при закрытых дверях, без допущения частных защитников.

Суд состоял из генерала-председателя, прокурора-полковника, военного защитника и, насколько помню, троих судей: в том числе двое из той части, в которой я служил: капитан Ясницкий и капитан Деньгин. Был и ротный 4 роты, в которой я служил.

Суд вел себя вполне прилично; я не заметил каких-бы то ни было издевательств, насмешек, иронии. Допросы велись строго в рамках военного дела, ничуть не пытались раздвинуть дело до рамок политического процесса. Здесь, безусловно, было явное желание ставить дело чисто военным преступлением. Помимо того, что я говорил, тут, вероятно, была и боязнь агитационного характера процесса. Мне был задан вопрос: «Считаю ли я себя виновным?». Я ответил: «Нет, не считаю себя виновным, ничуть не отрицая, что я стрелял в командира». Председатель каждому свидетелю задавал вопрос: «Не замечали ли за обвиняемым странностей», т.-е., нормален ли он. Все отвечали: «Нет, ничего не замечали».

Конечно, никаких ненормальностей не нашлось, и все шло своим чередом.

Защитник строил свою защиту так, что мне страшно скверно жилось: постоянные обыски, аресты создали крайне нервное настроение; что стоило меня выругать командира, как я вспыхнул, точно спичка, и стрелял.

В последнем своем слове я говорил о крайне тяжелом положении, что стрелял при оскорблении, не просил у суда снисхождения и милостей.

Дело разбиралось всего несколько часов. Все тут было ясно, не ясны были мотивы, да едва ли в этом суд и нуждался.

Смертный приговор. В ожидании казни

Суд кончился, и через каких-нибудь полчаса был вынесен приговор: «Смертная казнь через расстреляние». Я оставался спокоен так же, как и во все время суда. Я говорил себе: «Военный не должен бояться смерти». Вынеся смертный приговор, суд постановил ходатайствовать перед командующим округом о смягчении наказания. На другой день был объявлен приговор в окончательной форме. Был дан срок для кассации, кажется, два дня. Я этим правом воспользовался, имея в виду затянуть решение. Ведь скоро должна была собраться Государственная дума, и все были уверены в амнистии. Я думал не об амнистии, а о замене казни.

Пошли дни ожидания результатов, с вечным вопросом — расстреляют или нет? Переживания были не из приятных, что и говорить: во-первых, ждать смертной казни и, во-вторых, пока что чувствовать себя в каком-то пространстве: что я был за человек — ни земной, ни небесный — просто «смертник». И не было вечера, чтобы, ложась спать, я не подумал: «А, может быть, сегодня ночью придут за твоей душой».

Ночью при необычном шорохе или шуме в тюремном дворе, — придут лошади и т. п., — сразу же бьется сердце

и сверлит мысль: «А... за тобой», и бросаешься к окну, чтобы убедиться. Смерти я не боялся, но жить хотелось.

Каждый вечер или днем, когда ключ скрипел в замке моей двери, когда кричали: «В контору!» — сердце начинало учащенно биться, а в голове роились мысли: «может быть, сейчас придется стоять под пулями». Было так изо дня в день, из ночи в ночь в течение 50 суток.

Удивительно грустное настроение находило каждый день в сумерки, именно в сумерки, при переходе дня к ночи. Я и теперь затрудняюсь объяснить, в чем тут причина. Как только приносили огонь, такое настроение проходило, и я чувствовал себя лучше.

Март был удивительно хороший, ясный. На прогулку водили с двумя часовыми. Обреченный, — так на тебя все и смотрели, как на человека заживо погребенного; смотрел и сам на себя так. А с неба светит ясное солнышко, тепло, притаивает снег. На душе мысли: «все это, солнце, теплота — не для тебя, быть может, сегодня, завтра, ты должен будешь стоять под пулями».

Иногда думалось: «заменят, ведь суд постановил ходатайствовать. Может, не решится вопрос до Думы».

Читать, почти ничего не читал. Да и что было читать, какой смысл, когда думаешь, что завтра останется от тебя одно воспоминание. Писать, много писал — и прокламации, и письма, и чего только не писал и, понятно, с большим подъемом и настроением. Каждый раз думаешь, когда пишешь, что это последнее письмо, надо сказать все, что волнует тебя, и о чем ты думаешь, ничего не забыть и сказать все так, как есть.

Бессрочная каторга

Это было 30 марта, в страстной четверг вызывают меня в батальон. Ну, думаю, держись, сейчас обявят: «готовься». Привели в батальон и посадили пока в карцер. Наконец, вы-

вели на середину двора, кругом солдаты, много уже новобранцев.

Да, думаю, не так давно была другая обстановка. Рядом со мной стоит портной с ножницами, барабанщик. Начинается чтение приговора и опять в той же самой форме, что и первый: «Смертная казнь через расстреляние!»

Наконец, читается резолюция командующего округом: «Смертная казнь заменяется бессрочной каторгой». Военно-окружной суд не имел мотивов для вторичного рассмотрения дела. Таким образом решение командующего военным округом осталось в силе, и я из смертника превратился теперь в «бессрочника». Барабан бьет дробь, портной срезает погоны, и я лишаюсь военного звания. Процедура окончена.

Как повлияло это на меня? Конечно, я сразу приобрел спокойствие. Я знал, что сегодня буду ложиться спать спокойно, и ночью не придут за мной. Что бы там ни было впереди, но остаюсь пока жить. Пусть будет впереди плохо, бессрочная каторга, но я говорил себе: «разве может быть что-нибудь хуже этого предсмертного ожидания?».

Дальше — одели в арестантское платье, заковали в кандалы, один из уголовных научил меня одевать подштанники и брюки. Мудреная штука с кандалами, не сразу обмозгуешь. Неприятно было сначала ночью: когда проснешься, они звякают, а ночью холодно от них. Потом привыкаешь...

Режим после приговора применялся ко мне легче, военный караул вскоре сняли. Я иногда имел возможность переходить в другие камеры к политическим.

Отправка в Сибирь

Шла подготовка к отправке меня в каторгу. Дело двигалось быстро, и 18 апреля я был отправлен из Вятки в Сибирь. На свиданьи мне принесли белье, некоторые вещи, деньги. Правда, все вещи не совсем были сделаны подхо-

дящие, не того цвета, но никто не знал, как надо, не знали каторги, не больше знал и я о ней. Администрация дала на дорогу халат, подкандальники и все, что полагается, одели наручники, и я пошел в сопровождении большого конвоя на вокзал. Оставшиеся в тюрьме запели: «Отречемся от старого мира».

На улице масса народа: тут знакомые и незнакомые. Конвой берет шашки на-голо, и мы двигаемся к вокзалу в сопровождении большой толпы. Впереди была конная охрана. Мне по дороге собирают деньги, кстати, они очень пригодились. Дорогой к вокзалу от непривычки и неумения приладить подкандальники, мне натерло ноги кандалами.

Наконец, вокзал. Через некоторое время меня через большую толпу народа проводят в вагон, при сочувствии публики. Я прощаюсь, что-то говорю, обмениваемся с толпой взаимными прощаниями. Я вижу слезы близких мне лиц.

Свисток, поезд движется, и я первый раз в жизни еду в дальнее, но мало интересное путешествие, в далекую и неизвестную для меня Сибирь и не более известную «каторгу». Но она ничуть не страшила меня, сравнительно со всем пережитым за последнее время.

Круг предшествующей жизни замкнулся. Оставалось закончить второй круг, круг «бессрочной каторги».

Е. Самойленко

СРЕДИ КАЗАКОВ ЧЕРНОМОРЬЯ

Артвин — Батум

Начало пятого года захватило меня в Артвине, среди скалистых и величавых гор Кавказа.

Быстроводный Чорох трохотом быстро несущихся кристалльных вод заполнял ущелья гор-великанов. На одном из поворотов реки вверх прилепился, точно гнездо ласточек, сам Артвин, строения которого располагались ступенчатым амфитеатром, с'уживаясь вверх. «Архитектура» жилых строений была однообразна: крыша дома служила площадью двора верхнего такого же дома и так далее вверх, до небольшого интервала сажени в полторы. Это была улица и дорога, а далее снова такие же ступеньки до самой вершины. По улице ездили только верхом на мулах и ишаках, экипажу проехать негде, да их в Артвине в ту пору и не водилось.

Проводниками «культуры» были турецкие муллы и монахи армянско-католического монастыря. Близлежащим культурным центром для всего Чорохского бассейна был Батум, с которым поддерживалось сообщение по Чороху на фелюгах, искусно лавируя между скалами, выступами и рифами.

В этой-то дыре по-своему воспринимались события января и последовавшие за ним вплоть до октября 1905 года.

Терроризированное армянское население, мечтавшее о великой Армении, правоверные турки-османы, умудренные кораном Магомета и чающие заробных благ на небе у Аллаха, были плохими восприимчивыми освободительных идей. Единственным центром, способным воспринимать события дня, был в Артвине Кубанский пластунский батальон и несколько солдат пограничников.

Казачи пластунаго батальона с жадностью прислушались к известиям. Поражения на полях Манчжурии создали среди них благоприятную аудиторию для проведения политической пропаганды. Когда октябрьский манифест не был опубликован в воинских частях, пластуны заволновались и тем самым дали мне возможность самому прочесть по казармам манифест и комментировать по-своему его содержание. Затем удалось создать нечто вроде совета батальона, при помощи которого напечатанные в Батуме прокламации были распространены по бассейну р. Чороха, вверх до Ардануча.

По мере развития такого настроения среди казаков, офицерство падало духом. Чтобы отвести справедливое негодование пластунов от своих голов, офицерство, в свою очередь, занялось пропагандой погрома «армяшек», торговавших в своих лавках. Своевременно оповещенные, армяне-лавочники в день предстоящего погрома не торговали, а внимание казаков было направлено советом батальона на погромные действия офицеров. После этого офицерские квартиры охранялись специально-назначенным патрулем, что еще более нервировало пластунов. В один из батальонных праздников казакам была отпущена усиленная порция водки. Пластуны перепились, и в одной из казарм урядниками был сбит портрет царя. Волнение могло перейти в неорганизованный бунт. Офицерство всю ночь не спало. Поутру на своем совещании офицерство решило принять меры сближения с нижними чинами.

С нашей стороны был созван расширенный совет представителей взводов и команд, на котором пластуны охотничьей команды предлагали немедленно поднять восстание: ночью во время патрулирования арестовать офицеров, сопротивляющихся уложить на месте, перерезать телеграф и вызвать остальную часть батальона из Ардануча, где ожидали сигнала из Артвина. Потом на фелюгах в боевом порядке двинуться вниз по Чороху в Батум, где всем пластунам мерещилось уже установившееся правление восставших войск и народа.

Не имея точных сведений из Батума, мы не решились предложение пластунов-охотников проводить в жизнь, и было решено пока заняться подготовкой и принять все меры для непосредственной связи со «штабом» в Батуме.

Через два дня я с двадцатью отпускными пластунами выехал в Батум. Это было в конце ноября.

С быстротой птицы неслись две наших фелюги по бурлящим водам Чороха, искусно лавируя в поворотах, огибая береговые глыбы посреди реки. Наш каюкчик, дюжий турок-осман, умело управлял длинным шестом, направляя фелюгу в проход между рифами и глыбами. Вот-вот фелюга со всего размаха врежется в глыбу, торчащую из воды, или гранитный береговой выступ, — и только щепы понесутся вниз по течению. Но прирожденный наш капитан твердою рукою управлял шестом, и мы в несколько часов благополучно пролетели 90 верст.

Вот уже местечко Кабандыби, где выходим из фелюги. Здесь Чорох становится несколько солиднее, величественно спокойнее и широким потоком впадает в Черное море. Мы — в Батуме.

Оставляю своих попутчиков и пешком направляюсь на квартиру партийного товарища Анны Павловны Горвасин. Уже позже, в 1908 году, в Москве по делу нелегальной типографии она получила восемь лет каторги и в числе других

политических каторжников бежала из Новинской тюрьмы. В пятом году в Батуме у нее на квартире было нечто вроде революционного штаба.

В ту пору Батум представлял береговую укрепленную морскую позицию, с естественно замаскированными фортами, господствующими над подступами к черноморским берегам, в устьях Чорхского бассейна. В самом Батуме было расквартировано несколько полков разного рода оружия и специально крепостные пехотные, кавалерийские и артиллерийские части. Рабочих почти не было, так как никакой фабрично-заводской промышленности в те годы здесь не замечалось. Безработица была велика, но безработные рассосались, уйдя в горы, по селам и послужили горючим материалом для вспыхнувшей в Закавказье революции.

Восставшие в Батуме воинские части встретили самый радужный прием у населения. Восстали все семь укрепленных форт с орудиями дальнобойного калибра. Форты подняли красные знамена и, господствуя над городом, берегом и бухтой, диктовали условия перетрусившим и со страху на все соглашавшимся гражданским и военным властям.

В городской думе происходили непрерывные заседания и принимались меры к ограждению города от возможного погрома: хотя местная жандармерия и полиция принесли повинную и сдали оружие, но в городе были казачьи части и много офицеров, которые продолжали хулиганить. Принято было решение баррикадировать улицы и с верными частями приступить к разоружению сомнительных и явно враждебных революции воинских частей. К утру улицы Батума были усеяны баррикадами. По улицам патрулировали дружины граждан и, отдельными отрядами, армянские зимворы (солдаты турецкой Армении). Как для дружинников, так и для солдат во главе с офицером, баррикады открывались и снова за ними смыкались.

Провокация с Лабинским полком

Угрозой для всех были две сотни казаков второго запасного Лабинского конного полка. На стороне революции были семь форт, полевая артиллерия, драгуны и несколько полков пехоты.

Выходило так, что если бы не эта двухсотенная часть вооруженных казаков, в Батуме можно было провозгласить временное правительство новой республики. Поэтому все силы были направлены на изыскание средств по борьбе с лабинцами.

Недолго размышляя, я также примкнул к революционным частям. Я вызвался отправиться в казарму к лабинцам, разведать их силы и настроение.

В форме пластуна с соответствующими документами, запасшись паролем для пропуска по улицам, я двинулся в путь. Товарищи следили за мною издали, пока я не скрылся с их глаз за строениями, при поворотах в улицы. У каждого укрепления из-за баррикад раздавался окрик: «Пропуск!» и наводили на меня дула винтовок. Я отвечал условленный пароль, и меня пропускал с таинственной улыбкой на лице начальник укрепления.

Так я оказался на неприятельской территории, один без оружия. Под буркой, поверх пластунского мундира, я имел саквояж, полный прокламаций.

Передо мной была пустынная улица. Я подошел к казарменному двору. Железные ворота наглухо заперты. Постучал раз, другой.

— Кто там? — раздался окрик из глубины двора.

— Свои! Откройте!

Спрашивающий приблизился к воротам, загрохотал замок, и приотворилась калитка ворот, в которую я и пролез. Во дворе меня встретили еще двое вооруженных лабинцев. Убедившись в правильности моих документов и в том,

что я не батумец, меня ввели в казарму, где я представился вахмистру и уряднику. Тут же окружили меня бородачи-казаки. Стали расспрашивать, что делается в городе, и почему к ним так враждебно относятся. Ведь они ничего здесь делать не желают, а хотят, чтобы их отправили на Кубань, домой. Правда, с ними на этот счет уже вели переговоры, поставив условием — сдачу шашек, кинжалов и лошадей. Соглашение не состоялось, так как шашки, кинжалы и лошади составляли их собственность. Что же касается винтовок, так хоть сейчас пусть берут. На днях приходили солдаты и уговаривали смириться, потому что все равно взбунтовавшиеся инородцы-туземцы всех русских передушат. Много и других страхов эти солдаты наговорили, но казаки этому не верят. Правда, сегодня рано утром, чуть свет, какие-то обстреливали их казарму, но нападения они не боятся. Быть может, это нарочно делается, чтобы вызвать их на скандал?

К офицерам у лабинцев установилось своеобразное отношение: их из полка не изгоняли, но как-то так случилось, что офицеры некоторое время не являлись в полк, а потом лабинцы не стали их пускать в казарму. В общем, казакам очень хочется покинуть этот проклятый Батум и поскорее уехать к себе на Кубань.

Я дал им несколько прокламаций. Они меня за это поблагодарили и очень были рады, что их не забывают. Все же я им не сказал, что против них весь батумский гарнизон. Для меня становилось ясным, что здесь провокация с обеих сторон.

Не успел я сообщить в штабе подробностей моей разведки, как по Батуму разнесся слух: из Артвина идут на усмирение Батума пластуны. Для меня это было несколько неожиданно. Я пошел узнать причину столь неожиданного появления моих пластунов.

Оказалось, что, действительно, пластуны были вызваны для подавления смуты в городе. Но казаки заявили своим офицерам: в Батум пойдут, но не на усмирение, а чтобы узнать истинное положение дел. По пути в Батум у них были недоразумения со своим начальством. Находясь в Батуме, они порешили служить народу и просили немедленно связать их со «штабом».

По крайней мере, в моих глазах события принимали благоприятный оборот, но они требовали немедленных и решительных действий. Между тем прошли целые сутки, а революционный штаб бездействовал.

Конец восстания

Зато действовал штаб царского коменданта крепости. Требования, пред'явленные властям, были удовлетворены. Главные пункты (пишу их по памяти) были следующие:

1) Сокращение сроков службы до 2 лет; 2) увеличение жалованья рядовому до 3 руб., унтерам до 5 руб. в месяц; 3) обед из двух блюд, хлеба — фунт белого и два — черного в день. Сахар к чаю; 4) упразднение денщиков; 5) прослужившие более двух лет немедленно отпускаются домой.

К полудню с фортов донеслось в город «ура». Для товарищей, работающих на фортах, это не было неожиданным. Восставшие, но бездействующие форты не смогли долго держаться в неопределенном положении. Настроение в восставшей массе солдат было неуверенное. Его нужно было безуданно питать и укреплять. Но... не было сил. Этим воспользовались враги революции. Они объявили солдатам фортов, что высочайшим повелением требования удовлетворены, и по телеграфу получены высочайшие распоряжения.

Комендант крепости прочел перед солдатской массой:

«а) Служба сокращена до двух лет, некоторые годы задержатся в виду невозможности вместить сразу всех на паро-

ходы, стоящие в бухте на якорях, но постепенно все будут переправлены в Россию;

б) жалованьем также удовлетворяются. Унтер-офицерам оно будет выплачено немедленно, а рядовым придется несколько подождать, так как в казначействе пока нехватает денег;

в) обед будет из двух блюд, на второе котлеты с макаронами, фунт белого и два — черного хлеба и сахар к чаю;

г) денщики упраздняются, к офицерам будут приставлены только вестовые».

К вечеру по улицам города появился приказ коменданта, гласящий:

«1) Немедленно убрать баррикады, в противном случае они будут сметены с фортов крепости;

2) открыть все торговые предприятия;

3) снять бурки и башлыки;

4) сдать все огнестрельное и холодное оружие».

В городе объявлено осадное положение. После указанного часа запрещалось хождение по улицам. Появились патрули.

Все, кто считал нужным уехать и мог это сделать, постарались уехать из Батума в тот же вечер с отходящими пароходами, во избежание недоразумений.

Я также поспешил уехать. При самом отчаливании пароход наш был задержан и произведен осмотр пассажиров с проверкой документов.

Лил сильный дождь. Стонало море. Ветер хлестал парусами стоящих в бухте кораблей.

С палубы парохода попросили всех пассажиров войти в каюты. У люка поставили часовых. Я умудрился остаться на палубе между канатами. Закрывшись буркой с головой, я лежал незамеченным и наблюдал за выходящими из люка. Были произведены аресты, и двух человек под усиленным конвоем увели с парохода. После того мы отчалили на Ново-

российск. Дня через два показалась красивая новороссийская бухта, окаймленная молом. Я тороплюсь на явку, где узнаю, что здесь готовятся казачьи части для отправки в Батум. Сообщаю о положении дел в Батуме. Местными силами были приняты меры, и части задержались в Новороссийске, а через несколько дней они возвратились в Екатеринодар, куда и я приехал 7 декабря.

На Кубани

В это время Екатеринодар представлял из себя тоже бурлящее море. Здесь расквартировано было около пяти пластунских батальонов, конный казачий полк, батарея кубанской казачьей артиллерийской бригады и Анапский резервный батальон армейской пехоты. Небольшой город, каким был Екатеринодар, казался военным лагерем. Все это были мобилизованные из запасов, за исключением Анапского батальона, в рядах которого находилось довольно много екатеринодарской молодежи.

С другой стороны, фабрично-заводский пролетариат выступил с рядом экономических требований. Была объявлена стачка, возглавляемая общегородским стачечным комитетом. Вскоре экономическая стачка приняла форму политического движения.

Анапский батальон через своих представителей поставил в известность рабочие и партийные организации: стрелять не будут, но активной поддержки не обещают, так как боятся казачьих частей, особенно батареи. Положение, как говорится, было «пиковое».

Выступить на улицу, построить баррикады и т. д., — значит подвести под верный разгром дело организованного выступления. Против полевой артиллерии на-спех сложенным баррикадам не устоять. Ничего не оставалось другого, как все свои силы направить на разложение сил противника.

После подсчета эсеровских сил и сил с.-д., было решено весь бросок на казарму сделать с.-р., поле же деятельности среди рабочих предоставить с.-д. Среди последних видными работниками были товарищи П. Адамович, Дм. Полуян и Л. Герус. Адамович всегда выступал с докладами и лекциями, Полуян мотался по митингам и заводам, Герус председательствовал в стачечном комитете. Все трое были популярными вождями рабочих. Таких сил было достаточно для руководства организацией рабочих масс. Хотя с.-р. тоже поддерживали партийную работу в пролетарских кружках, все же главную работу они начали среди военных и преимущественно казаков.

Из активных работников организации с.-р. были председатель комитета организации и популярный лектор рабочих кварталов и окраин города П. С. Ширский и руководитель боевой организации Б. П. Вальберг. Главную работу среди войск вели Алексей Шепель, Герман Косякин и автор настоящей статьи. Мы трое представляли нечто вроде «штаба» по подготовке вооруженного восстания.

Работу мы начали вести, что называется, «с наскока». Утром я отправился в 7 пластунский батальон с письмами и «поклонами» от земляков. К вечеру у нас уже были кружковые беседы на тему о текущем моменте. Через неделю мы вели кружки во всех частях и наметили преданных делу революции людей.

В 7 пластунском батальоне был близкий нам человек Дятлов, казак станицы Лабинской. Он помог нам сблизиться с чинами из казаков и тем самым с первого дня поставить работу на деловую почву. Он же давал нам характеристику нужных лиц из других частей. Поэтому мы почти не ошибались и действовали наверняка. Труднее всего нам пришлось с казачьей батареей. Но и тут Дятлов вывел нас из затруднения. Прежде чем нам самим подойти к этой части, он сам сделал разведку и даже повел своего рода пропаганду. В ре-

зультате, батареицы обещали в случае выступления не стрелять.

Дело было, что называется, «на мази». Мы приступили к действию. На десятый день нашей работы мы назначили совет представителей от частей. Здесь, после агитационной речи убежденного седины старого товарища (фамилии, которого не помню, кажется, он выступал под именем Ивана Ивановича), пришлось взять, что называется, «быка за рога» и поставить вопрос о выступлении рабочих с красными знаменами на улицу. Если кто-либо в этом им помешает, и рабочие своими дружинами очистят себе путь, то как на это посмотрят казаки? Последние говорили, что вмешиваться они в это не будут, лишь бы не трогали их. Потом был поставлен вопрос о поддержке рабочих. Нашлись отдельные голоса, обещающие активную поддержку, и собрание не возражало. Но беда в том, говорили казаки, что разобраться они не могут: когда, кому и в чем оказывать поддержку. Чтобы не вышло недоразумения, представители частей просили посылать к ним людей, которых они знают.

Таким образом, был найден общий язык. Перед нами стояла задача, как можно быстрее использовать благоприятное настроение в войсках.

Реакция действует

На другой день с утра я обходил воинские казармы. В казарме оружейных мастерских, где был расквартирован 7 батальон, я увидел офицера, сотника Давыдова. Он беседовал с казаками на тему о «революции и жидах». Давыдов дал написанную от руки листовку и приказал кому-либо из грамотных прочесть. Я был в мундире пластуна и взял у него этот исписанный лист. Давыдов удалился. Пробежав глазами рукопись, я нашел полезным ее огласить. Вся аудитория хохотала над ее содержанием. По рукописи выходило, что

«жиды» войну затеяли с Японией и теперь бунтуют. В этой же листовке делались нападки на неказачье иногороднее население Кубани.

Оказалось, Давыдов не зря появился в казарме. В Новороссийске отказались нести службу казаки конного Урупского полка: они решили вернуться в Екатеринодар. Сегодня должна была приехать их делегация для переговоров с пластунами. Давыдов и приходил уговаривать пластунов — не вести переговоров с бунтовщиками, изменившими царю и вере православной.

В этот же день казармы войск, размещенных на ст. жел. дороги, навестил командир батальона, войсковой старшина Мудрый. Среди охотничьей команды он пропагандировал те же «идеи» и предлагал «жидовствующим» урупцев по пути из Новороссийска взорвать вместе с поездом, как врагов царя и церкви православной. Я этой «проповеди» не захватил, но мне все рассказали свои пластуны. В охотничьей команде их было несколько человек.

Предложение Мудрого было встречено общим негодованием и возмущением. Начальству ничего не оставалось, как поспешно ретироваться из казарм. Это выступление помогло нам всю охотничью команду прибрать к своим рукам, и с этого дня мы считали жел.-дорожную станцию в руках рабочих.

К вечеру на паровозе приехала делегация урупцев, во главе с вахмистром Кургановым, поспешившая войти в соприкосновение с 7 батальоном. На предварительных переговорах я присутствовал вместе с И. Я. Дятловым, как делегат пластунов. Урупцы просили не приводить к ним никого из «вольных», чтобы не сказали, что они продались бунтовщикам, и чтобы поменьше было упреков в их действиях. Окончательные переговоры были назначены на следующий день.

Для ознакомления с положением дела у пластунов, урупцы были приглашены к ним вечером погостить в казарме седьмого батальона.

Из бесед выяснилось, что урупцы хотят уйти в Майкоп, в свой отдел. Уходя они возьмут с собою знамя и денежный ящик и все это будут хранить в целости. А так как офицеры не пожелали оставаться в полку, урупцы избрали свой командный состав, вплоть до командира полка, вахмистра Курганова.

На наше предложение остаться в Екатеринодаре, они говорили, что в Майкопе их полк будет у себя дома и будет защищать свой отдел, свои хаты. В Екатеринодаре свое дело защитят сами екатеринодарцы, у которых хватит войск как пеших, так и конных.

На другой день только подтвердили обсужденное накануне. Договор заключался в том, чтобы пластуны не мешали урупцам проехать через Екатеринодар.

На этом соглашении и покончили. Делегация на паровозе отбыла в Новороссийск.

Между тем события разворачивались своим чередом. По линии Владикавказской жел. дороги протекала забастовка, и по пути ходили только делегатские поезда. В самом Екатеринодаре рабочие требовали немедленного выступления. Стачечный комитет объявил свои действия начатыми и заседал в помещении шестиклассного училища, на Соборной площади. Фабрично-заводская промышленность почти вся была остановлена.

Полиция пускалась на всевозможные провокации, чтобы разрушить единство сил пролетариата.

Атмосфера накаливалась. Стачечному комитету стоило многих сил удержать от преждевременного прорыва фронта подготовляемого общего выступления. Помню один вечер, когда на собрании делегатов в стачечном комитете обсуждалось решение выступить. Это грозило, как тогда нам каза-

лось, преждевременным срывом совместных действий с революционной казармой и в лучшем случае могло свестись только к демонстрации, тогда как мы готовились к захвату власти.

На предложение — не выступать без согласования с казармой, рабочие энергично заявляли с мест, что этим их только искусственно удерживают, так как нет никаких военных частей, сочувствующих рабочему движению. Раз выступление решено — не рассуждать и строить баррикады.

Положение становилось весьма серьезным. Мы знали, что батарея кубанской казачьей артиллерии не надежна, а части конного полка даже враждебны. С приездом урупцев мы могли рассчитывать на кавалерию, и перевес мог быть на нашей стороне. В доказательство наших соображений, на этом собрании выступали представители пластуновских батальонов и просили рабочих подождать несколько дней. В случае, если у них, военных будет что неудачно, тогда рабочие будут поставлены своевременно в известность, а выступить в бой всегда не поздно.

Выступление было отложено. Пролетариат напряженно и терпеливо выжидал сигнала.

Через два дня приехали урупцы. Приезд их вызвал у нас подозрение, так как о своем приезде они не сообщили даже пластунам, а послали делегацию к начальнику области Михайлову с извещением, что полк со знаменем и денежным ящиком, но без офицеров, в Екатеринодар прибыл благополучно. Михайлов делегацию принял и потребовал к себе всех новых начальников.

Урупцы трусили и поспешно покинули Екатеринодар. Мы не стали удерживать: скатертью дорога.

Так, ставка на урупцев рухнула, и нам ничего не оставалось делать, как приступить к организации вооруженного восстания с наличными силами. Не давая распространяться слуху о неудавшейся комбинации с урупцами, — мы в тот

же вечер созвали совещание представителей частей гарнизона. Здесь было решено немедленно приступить к аресту начальника области, атамана отдела и начальников воинских частей. Но чтобы провести это решение в жизнь, нужно пригласить артиллеристов, — поставить вопрос ребром. Анапцы на совещании не присутствовали, но согласие дали. Пластуны обещали артиллеристов достать.

В ту же ночь были намечены персонажи революционного правительства, пути и средства проведения его директив. В этот день и вечер стачечный комитет держался на-стороже, в выжидательном положении.

За отсутствием оружия, рабочих дружин, за небольшим исключением, почти не было, хотя охотников было не мало. Вся надежда была на захват арсенала. При обходе казарм мною наблюдались приподнятое настроение и открытый ропот против патрулирования по городу, но и тут применялись меры сдерживания. В тот день был случай ранения из-за угла одного пластуна. Пластуны это приняли за провокацию и решили по городу в одиночку не ходить. В случае нападения, нападающего задерживать и сообщать об этом в стачечный комитет.

Как это ни странно, хотя фабрично-заводские рабочие требовали немедленных действий, но по улицам города ходил трамвай, и работали некоторые предприятия кустарного характера. Пластуны предложили закрыть торговлю и остановить движение трамвая.

С небольшим отрядом вооруженных винтовками пластунов я остановил несколько вагонов, предложив публике немедленно выйти, а вожатым поворачивать в депо. Закрыл и несколько магазинов, благодаря чему быстро прекратилась торговля, и вагоны трамвая направились в парк.

К вечеру, насколько помню — в субботу, состоялось собрание в районе кожевенных заводов, вблизи Кубанских казарм.

Присутствовали представители всех частей от рот, сотен и команд. Помещение было переполнено. На лицах собравшихся лежал отпечаток серьезности и решимости. Все ожидали с напряженным нетерпением открытия совещания. Несмотря на многочисленность собрания, в помещении было тихо, все говорили вполголоса или шопотом, как бы боясь нарушить торжественность ожидания. Среди военных мундиров, преимущественно казачьих, выделялись три-четыре пальто наших товарищей, на которых и было обращено внимание собравшихся.

— Товарищи, — как бы диссонансом среди тишины прозвучало обращение одного из группы невоенных, — кажется, достаточно собралось. Можно начинать?

Аудитория утихла.

— Чтобы наше собрание носило некоторую долю порядка, предлагаю одного из старейших здесь присутствующих избрать председателем.

— Просим! Просим!

Избрали председательствующим Ив. Ивановича. Во вступительном слове он подчеркнул серьезность момента. что терпеть дальше нельзя, слова не действуют, и нужны дела, требующие жертв.

После речи председательствующего приступили прямо к обсуждению плана действий. Аудитория считалась подготовленной, за исключением артиллеристов, но от них не требовалось активных действий, а только соблюдения нейтралитета.

Было решено приступить к арестам в следующую ночь. Арестованными должны быть все начальники отдельных воинских частей, начальник области и атаман отдела. Офицеров удалить под угрозой ареста, с запрещением входить в казарму. Каждая воинская часть сама арестует своего командира. Караульную службу и патрулирование не

отменять, впредь до распоряжения революционного правительства, которое опубликует свои указы после выполнения намеченных арестов.

Далеко за полночь собрание было распущено. Из лиц, намеченных к занятию ответственных постов во время восстания, было решено устроить совещание утром. Ночью же каждый из них должен посетить казармы своей части. Сами мы отправились на расширенное заседание комитета организации, где вопрос вооруженного восстания снова всплыл, в виду скоропалительности принятых нами решений.

Мы, работающие в военных организациях, сами признавали торопливость наших действий, но иного выхода не находили. Мы считали, что для Екатеринода, с его многочисленным гарнизоном и вокруг него казачьим, всегда вооруженным населением, пролетарские, почти неорганизованные массы были слишком слабы.

Искусственно вовлекая в водоворот движения казачьи части, мы тем самым ослабляли силу гарнизона и разлагали единый фронт казачества, от чего силы пролетариата выигрывали. Мы ни в коем случае не надеялись опереться только на военные части. В нашу задачу входило — дезорганизовать и разложить казарму, как целое, и в то же время создать свои военные группировки в объединении с рабочими дружинами, вооружив их оружием из арсенала.

Для успеха вооруженного восстания требовались решительность и быстрота действий. Мы даже раскисались, что допустили ошибку — оттяжку выступления на целые сутки. Никто не знал, что нам сулила настоящая ночь, а не только следующие сутки.

Почти к утру мы разошлись.

По улицам уснувшего города, в центральной части его, расхаживали патрули. Ближе к окраинам — пустынные, неосвещенные, утопающие в грязи и мраке улицы — здесь навели жуть на терроризированного обывателя обнаглевшие

грабители — арканники. Они безнаказанно из-за угла набрасывали на шею аркан, и жертва удушлась. К этим «художествам» арканников были причастны и агенты полиции. По улицам приходилось идти озираясь, придерживая рукоять револьвера.

Добравшись до дому, я чуть вздремнул, но скоро меня разбудили. Пришел солдат анапец. Я быстро снарядился и отправился в обход казарм.

Возле одной из пластунских частей, расквартированных в народном доме, меня поджидал пластун. Он сообщил, что у них неблагополучно и просил от имени своих товарищей пока к ним не показываться: ночью был в казарме командир батальона и спрашивал дежурного пластуна, кого нет дома. Получив ответ, что в казарме благополучно, и люди все спят, командир сказал:

— Неправда, мне известно, что представители из сотен сейчас на собрании заговорщиков, — повернулся и быстро ушел из казармы.

Я поспешил в части, расквартированные в крепости у арсеналов. В этих частях были самые надежные люди.

Там же, у ворот двора, меня встретил предупреждающий, но просил как можно скорее идти к ним, в казарму, где давно ждет фельдфебель Дятлов с товарищами. Сюда, той же ночью приезжал войсковой старшина Мудрый. Это меня еще больше заинтриговало.

У Дятлова положение обрисовалось следующим образом: едва делегаты вернулись с совещания в казармы и сообщили принятое решение, как неожиданно-негаданно прикатил Мудрый и потребовал к себе фельдфебелей и взводных. Им он заявил, что ему известно их решение об аресте его и других начальствующих лиц, — так вот он сам явился. Он не боится ареста и даже смерти. Если он умрет, то умрет от руки своих заблудших пластунов за верность своему государю.

Но в казарму Мудрый не зашел. Когда на шум и выкрики кичливой речи стали сбегаться пластуны, начальство быстро убралось со двора, укатив во свояси.

Дятлов и другие чины меня уверяли, что у них все в порядке, но требуется несколько повременить, чтобы выяснить положение других частей. Это «повременить» мне казалось роковым.

К полудню мы собрались на квартире тов. Ширского, где все уже знали, кроме меня, что в ночь были аресты среди социалистов. Адамовичу, отстреливаясь, удалось бежать, Герус и другие арестованы и отправлены в тюрьму. А кого мы намечали арестовать, все сбежали в станицу Пашковскую, в семи верстах от Екатеринодара. Только полициймейстер остался в городе.

Вскоре удалось установить и причину происшедших за ночь событий.

На совещании среди артиллеристов был вахмистр — писарь батареи, которому предполагаемый арест начальства показался страшным и безбожным делом. Покидая собрание, при выходе из помещения, он заявил, что «еще не люди, а черты! Как же можно быть без начальства, когда поарестуют всех генералов и командиров». На его реплику собравшиеся ответили дружным хохотом, не обратив должного внимания на дальнейшее поведение верующего в бога и начальство писаря. А писарь, придя к себе в канцелярию, обо всем телефонировал адъютанту батареи, который, в свою очередь, и предупредил события.

Нужны были решительные меры. Но у нас, работающих среди казармы и рассчитывающих до некоторой степени опереться на вооруженные массы, было выбито оружие из рук. Мы не имели ни одной части, готовой по нашему зову выйти на улицу. В последнем счете надежды наши были на Анапский батальон, состоявший из революционно настроенных людей, которых мы берегли на случай.

Такой случай, по нашему мнению, наступил. Но анапцы, ссылаясь на одну из пяти рот, черносотенно настроенную и в данный момент охранявшую все выходы и подступы к казармам батальона, не могли выйти из казарм даже без оружия небольшими группами, а на выступление более организованное они не решаются.

Оставалось организовать массовое выступление. Первым долгом на собрании в мещанской управе избрали делегацию к начальнику области для того, чтобы представители убедились сами, что в городе власти нет, и о таковой нужно позаботиться.

Тем временем стачечный комитет организовал демонстрацию. Многотысячная толпа приближалась ко дворцу, где жил начальник области. Это было 22 декабря 1905 года. На крепостной площади перед дворцом, у памятника Екатерины, ораторы из толпы призывали итти к анапцам.

Как электрический ток, призыв прошел по массе народной. «К анапцам, к анапцам!» и с пением и знаменами вся толпа людей разных возрастов двинулась обратно по Красной улице к казармам Анапского батальона.

По мере продвижения, толпа увеличивалась и нарастала, как снежный ком. У казарм Анапского батальона толпу никто не встретил. На требование поддержать народное движение, анапцы выслали представителей, которые заявили, что «сочувствуя народному движению, все же они не могут активно поддержать, так как боятся артиллерии, да и у них самих пятая рота обезоружена, бдительно охраняются все выходы, никого не выпускают из казармы». Анапцы просили в казарму не входить. Началось вечереть. От имени стачечного комитета предложено было разойтись.

Увещевания ораторов подействовали. Толпа продвигалась вперед, оглашая покой города революционными песнями. Казалось, что под покровом ночи должно нечто совершиться.

Ни о чем не хотелось думать. Было одно желание: итти и итти в толпе с народом и в темноте ночи сливаться с пением тысячи людских голосов.

Вдруг навстречу несется извозчик. Стоя на козлах, он кричит: «Казаки!» и во всю мочь стегает лошадей.

Вмиг рассеялось настроение... закипела ненависть, и вздрогнула рука...

— Провокация! держитесь!

Стреляют в извозчика.

Люди рассеялись.

Осталась небольшая группа, преимущественно из военных... и мы разошлись.

Ушли с улицы. Стихия народная ушла в свои берега.

Этим же вечером в помещении предыдущего собрания кое-кто из военных пытался продолжить совещание.

Пластуны пришли с винтовками, что было вовсе «не по регламенту» совещания.

Собрание рассосалось. Екатеринодарская эпопея вооруженного выступления была сорвана.

Перед партийными организациями выдвинулся вопрос немедленной подготовительной работы. Прежде всего требовалось обратить внимание на мобилизацию сил противника: необходимо было парализовать вербовку в ряды городской милиции горцев из черкесских племен и дезорганизовать мобилизацию казаков-допризывников. Были брошены партийные силы в черкесские аулы и казачьи станицы.

В близлежащих к городу аулах все поголовно отказались итти в ряды милиции, в станицах дела были несколько хуже.

На ряду с этим, по инициативе самих военных, подготовлялся краевой съезд военных представителей казармы по вопросам объединенной работы и подготовке вооруженного

восстания. На восстание надежды было мало, с'езд же военных представителей использовать было необходимо.

Уезжая из Батума, я был уполномочен военными организациями установить военную связь с Кубанью, Черноморьем и Доном и, имея на руках соответствующий мандат, также отправился на с'езд.

Краевой с'езд и устав военного союза

Место с'езда было установлено самими военными в Ставрополе-губернском. Представители Майкопского полка, расквартированного в Ставрополе, говорили, что они давно могли бы убрать своего губернатора, но считают это преждевременным, так как Ставрополь для этого слишком малая единица.

На недавно состоявшемся крестьянском с'езде по вопросу о немедленном отобрании у помещиков земли увещевания губернатора не могли помешать этому решению. Других мер у него не было: на Майкопский полк надежды мало, а других частей взять негде, так как железная дорога в руках рабочих. Поэтому в Ставрополе «свобода» — и с'езд какой угодно можно закатить.

На этом и порешили.

15 января 1906 года я выехал из Екатеринодара. Проехав станцию Кавказскую, я стал подмечать едущих со мною в вагоне. Один военный, другой в штатском держались как-то в стороне. Я с ними заговорил первый. Они едут в Ставрополь. Под'езжая, мы как-то сблизились, по сравнению с другими пассажирами. На перроне Ставропольского вокзала выяснилось: всем нам ехать на Ольгину, 12 (место с'езда). Я пожал моим знакомцам руки. Когда сказал извозчику адрес, он подал не торопясь, говоря, что знает, куда везет.

Дом 12 по Ольгинской был известен и извозчикам, как место постоянных партийных явок. Сам по себе Ставрополь представлял небольшой губернский городишко, где все

обыватели друг друга знают. Здесь духовная и учительская семинарии и другие учебные заведения. Но все они были типа старой бursы. Городишко был тихий, и бурсаки только усугубляли его провинциальность.

С'езд многолюдностью не отличался. Представлены были только Батумская и Кубанская области, Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский округ и Ростов-Дон, по одному-два делегата от места и, за немногими исключениями, почти все военные.

17 января состоялось открытие. В порядке дня стоял один вопрос — краевое объединение революционной казармы, платформа и организационный устав объединения.

Председательствовал ставрополец тов. Толпаров. Докладчика не было, так как накануне все ознакомились с порядком дня и почти обсудили в частных беседах намеченные вопросы. На пленуме вносили лишь дополнения или поправки.

Однако, дополнения и поправки почти изменили тип предполагаемой организации и ее дух. Вместо краевого объединения, большинство настаивало на организации всероссийского масштаба. Почти единодушно все сходились на том, что в этом маленьком городке закладывается камень, быть может, мощного здания Всероссийского военного союза. Но эта организация должна быть не партийная, дабы не дробить революционные силы казармы.

При выработке платформы все понимали, что в казарму нельзя вносить раздвоения, например, по земельному вопросу, ибо в толщу массы в ту пору надо было провести одну общую линию, которую защищали бы с.-д. и с.-р., единственные в то время партии революции, приемлемые в народных трудовых массах, следовательно, и в казарме. По рабочему вопросу расхождений не было, в вопросе о земле, после некоторого обмена мнений, большинством непартийных группировок были приняты основы классовой борьбы социалисти-

ческих партий. Несмотря на это, по организационному вопросу большинством военных делегатов было принято весьма курьезное решение: «членами союза могут быть офицеры и генералы, принимающие программу и тактику союза».

Часть организационная занимала съезд больше, чем «теоретическая», и по весьма понятным причинам. Для членов съезда, партийных работников, программная сторона съезда была не новой; для непартийных членов съезда программа сказалась менее важной, чем вопрос организационный. Поэтому он был «гвоздем» съезда. В конце концов устав был принят в таком виде (излагаю более важную и основную его часть):

Основой организации является ячейка взвода, роты, полка. Ячейки двух-трех взводов выделяют представителей в совет роты. Организованные по-ротному выделяют представителей и образуют военный совет гарнизона. При надобности, может быть допущен и районный совет, как промежуточная организация между частями и советом гарнизона.

При наличии одной трети воинской части, распротандированной, последняя считается годной к бою.

Для успешного захвата части в свои руки, на все вакантные должности фельдфебелей, унтеров и проч. проводятся свои люди.

Организационная работа подразделяется на внутреннюю — в казарме, и внешнюю — вне казармы.

Внутренняя работа возлагается на силы самой казармы, внешняя — на местные партийные социалистические организации. Члены партийных организаций, входящие в военный совет гарнизона или президиум его, выходят из своей партийной организации и тем самым становятся непартийными работниками союза.

Для ускоренной подготовки предстоящего общерусского съезда, при сношениях местных организаций с временным

бюро «Всеросс. воен. союза», был принят шифр, т.-е. условная азбука.

В заключение был оглашен написанный высоким «штилем» проект манифеста; с небольшими поправками он был санкционирован и тут же сдан в типографию.

Работа съезда прошла сравнительно удачно. Все же, главной ошибкой съезда было оставление бюро «Всеросс. воен. союза» в том же Ставрополе, почти на безлюдье, при отсутствии более способных работников. Предполагаемый съезд к марту не был созван, да и вообще дальнейшая работа развивалась под углом потребностей мест, так как работники «Бюро Всеросс. воен. союза» не могли суммировать материал с мест и выработать единую линию поведения Союза.

К тому же организация, построенная на принципе беспартийности, носила в зачатке своем безжизненность. Столь молодое и неокрепшее тело требовало умелых забот, опытных и сильных рук партийных работников, а условия беспартийности закрывали перед ними двери новой организации.

Все же, проделанная работа даром не прошла. Первый бросок «Всеросс. воен. союза» был настолько силен, что от него зародилась сильная военная организация Закавказья и, если не ошибаюсь, Москвы и Ставрополя.

Закавказская организация с широко развитой работой вначале проходила под знаменем «непартийного» В. В. С., но вскоре в силу местных условий получила окраску п. с.-р.

Судьба урупцев и анапцев

В заключение не могу не сказать несколько слов о судьбе урупцев и анапцев, с которыми самодержавие расправилось «Шемякиным судом».

Покинув Екатеринодар, урупцы прибыли в Майкоп и первым делом решили посредством листовок поставить в известность граждан о событиях. Так как ни одна типография

без разрешения полициймейстера не печатала листовки, урупцы потребовали разрешительной подписи от полициймейстера. Последний дал таковую. В дальнейшем урупцы покинули Майкоп и перешли в станицу Глачинскую, как удобную для укрепленной позиции, где и окопались. Отсюда они лишь к концу февраля были блокированы и выбиты артиллерийским огнем отрядами из специально подобранных «верных» казаков, под предводительством войскового старшины Мудрого. После этого все выборное начальство урупцев попало под «суд» и угодило на каторгу. Выборный командир Курганов, получивший 12 лет каторги, вернулся к берегам Кубани только по амнистии 1917 года.

Надо здесь сказать, что урупцы отделались сравнительно очень дешево. Самодержавное правительство боялось вешать казаков.

Анапцы, пред'явившие в ноябре 1905 года экономические требования, отправившие маршем все роты во главе с унтером Соловьевым, но без офицеров, ко дворцу начальника области, не избегли еще худшей участи. В 1907 году виновники «бунта» были судимы: Соловьев был повешен, другие получили срочную каторгу. Один из них, тов. Мамалыга, отбывавший 12-летнюю каторгу в Ярославской каторжной тюрьме, умер от туберкулеза в 1914 году.

Е. Д. Никитина

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЦАРСКОЙ РОССИИ (1904 — 1917 г. г.)

Библиографическая справка

Предлагаемая библиография не претендует на исчерпывающую полноту: сборник, рассчитанный на рядового читателя, не должен ссылаться на названия, достать которые можно только в специальных библиотеках. Поэтому в данном списке не указаны ни современные газеты, ни журналы, ни нелегальная и партийная литература, в хронике которых несомненно можно найти богатейший фактический материал сегодняшнего дня. Любознательного читателя мы можем отослать к ежемесячным сводкам «Былого» за 1906 г. (в конце каждой книги), еженедельным — в газете-журнале «Право» (в отд. «Хроника») за все нужные годы, а для начала 1905 г. — к книге В. Обнинского «Полгода русской революции» — М. 1906 г.

С другой стороны, наша библиография зашла далеко за программу данного сборника. Здесь представлена не только царская казарма, но и царский флот, их жизнь, революционная работа, борьба, поражение и расплата... Но мы смотрим на наш сборник, как на начало военно-революционных изданий Общества Политкаторжан, поэтому дать в нем систематический руководящий список литературных источников на

заданную тему — значит сразу ввести читателя в круг поднятых вопросов, вооружить его для будущих работ. В каждой области библиография должна служить не только книжным указателем, но также и справочником, помогающим мало-подготовленному читателю ориентироваться в хаосе событий, имен и дат, поставить каждое из них на свое место в строгой последовательности и, постепенно развертывая и углубляя сведения, идти от общего к частному, от чтения к изучению. Правда, библиограф связан своим материалом и не всегда может выполнить эти требования, но строгая систематика, обусловленная внутренним содержанием работы, необходимо приведет его к этой цели. Тогда только библиография сделается живым, интересным, всегда необходимым придатком всякого серьезного литературного начинания.

Переходя к данной работе, объясняю ее план: указатель делится на три основных отдела: I — Армия; II — Флот; III — Военные тюрьмы. Каждый основной отдел имеет подразделы: I. Работы общего или объединяющего характера, сюда отнесены также календарные хроники событий и исторические обзоры. 2. Отдельные географические единицы. Таковыми для армии являются города, в которых вспыхивали восстания, направление с запада на восток; для флота — моря, а в них отдельные суда, для тюрем — крепости и тюрьмы.

Навания, помеченные знаком ★, принадлежат издательству Общества Политкаторжан.

I. АРМИЯ

1. Работы общего характера

1. Бонч-Бруевич В. — Волнения в войсках и военные тюрьмы (1890—1905 г. г.) 155 стр. П. 1918 г.
2. ★ Чужак Н. — Большевицкая работа в войсках (1902—1905 гг.). «Кат. и Сс.»—1923 г. № 12.
3. Даян Г. — Пролог пролетарской революции. — Сборник статей. 420 стр. М. 1925 г.

4. ★ Казаль И. — Революционная работа в войсках (1904—1905 г. г.). «Из эп. бор. с царизм.» № 1. 1924 г.
5. Ленин В. — Революционная армия и революционное правительство. Соч., т. IV, стр. 266.
6. «Революция 1905 года». — Сб. материалов п/р В. Невского. Стр. 143 и сл. Харьков. 1925 г.
7. Вановский А. — Развитие стачечной революции 1905 года. Ч. III. Армия в 1905 году. 167 стр. Хабар. 1917 г.
8. Лепешинская А. — Книга для чтения по истории 1905 года. Стр. 191 и сл.: Движения в войсках. Л. 1925 г.
9. Голодец М. — 1905 год в армии и флоте. 55 стр. ГВИЗ. 1926 г.
10. Молот Эр. — Русская армия и революция (1905—1906 гг.). 128 стр. М. 1907 г.
11. «Армия в первой революции» (1905 г.). — Очерки и материалы, составленные сотрудниками воен.-инструкт. отдела Штаба РККА. Оч-ки: Л. Андреева, Г. Железнова, Т. Королькова, П. Овсянникова и П. Черкасова. 391 стр. Л-гр Истп. 1927.
12. «Революция 1905 года и самодержавие» — по документам Центрархива, сост. В. Семенников. 285 стр. ГИЗ. 1928 г.
13. Лямин И. — Царский салдат у революции 1905 року. — Політуправл. Укр. війсков. округу. 109 стор. Харк. 1926 г.
14. Ларский — Волнения в городах, деревнях и армии (1905—06 гг.). «Мир Бож.» 1906 г. № 4, 6, 7.
15. Савинков Б. — Воспоминания (О военной организации ПСР. 1905—1906 г.). «Был.» 1918 г. № 1 (7).
16. То же. — Воспоминания террориста. Стр. 182 и сл. Хар. 1927 г.
17. Дейч Л. — Военные во время первой нашей революции (возражение Б. Савинкову). «Был.» 1918 г. № 12.
18. Ярославский Г. — Подпольная работа в армии в 1906 году. «Прол. Рев.» 1922 г. № 5.
19. Алексеев Ст. — С'езд военно-боевых организаций в Таммерфорсе (ноябрь 1906 г.). Сб. «Революционные события 1905 г. в Уфе и Уральских заводах». Стр. 164—172. Уфа. Истп. 1925 г.
20. Моршанская М. — Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП (1906 г.). Там же, стр. 173—216.
21. То же. — «Пролет. Револ.» 1924 г. № № 4 и 5.
22. «Протоколы 1-й конференции военных и боевых организаций Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, состоявшейся в ноябре 1906 г.» Стр. 176. СПб. 1907 г.
23. «РКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций (1898—1921)» ГИЗ. 1922.
24. Ленин В. — По поводу протоколов ноябрьской военно-боевой конференции РСДРП. Соч., т. 8, стр. 370—78.
25. «Дело военной организации и соц.-демократической фракции II Гос. думы». См. № 57—59.

26. „Процесс большевистской фракции IV Госуд. думы“. См. № № 61—63.
27. Ленин В. — Сочинения, т. 13, стр. 52 — 57 (по поводу процесса).
28. Зиновьев Г. — Сочинения, т. 5, стр. 21 — 25 (тоже).
29. Дзюбинский В. — Революционное движение в войсках во время мировой войны (по офиц. докум.). «Кр. Арх.» 1923 г. № 4.
30. „Русская армия накануне революции“ — офиц. сводка воен. мин-ва. «Был.» 1918 г. № 1 (7).
31. Каррик В. — Война и революция (записки 1914 — 17 гг.). «Гол. Мин.» 1918 г. № № 4—6.
32. Авдеев Н. — Большевистская работа во флоте и армии в 1915 — 16 гг. «Пр. Рев.» 1924 г. № 6.
33. „Революционная пропаганда в армии“ в 1916 — 1917 гг. Офиц. докум. с предисл. И. Гелис. «Кр. Арх.» 1926 г. № 4.
34. „Разложение армии в 1917 году“. Гл. I. Подготовл. к печати Н. Какуриным, с предисл. Я. Яковлева, под ред. М. Покровского. 198 стр. ГИЗ. 1925 г.
35. Чемоданов Г. — Последние дни старой армии. 136 стр. ГИЗ. 1926 г.

2. Революционное движение в гарнизонах

ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ

Варшава

36. ★ Петренко А. — Социал-демократическая работа в воинских частях Варшавского округа в 1905 г. «Пр. Рев.» 1923 г. № 2 и 1925 г. № 8.
37. Казаль П. — Революционная работа в войсках (1906 год). «Из эп. бор. с цар.» 1924 г. № 2.

Рижский округ

38. „Рапорт ген.-губ. Меллер-Закомельского (1905—1906 гг.). См. № 12, стр. 132—135.

Ревель

39. Парфенов И. — В ревельских казармах в 1905 г. Из воспоминаний о службе в 82 Беломорском полку. «Кр. Лет.» 1925 г. № 4.

Свеаборг и Гельсингфорс

40. Ахун И. и Петров В. — Революционная работа в войсках, квартировавших в Финляндии в 1906—1907 годах. «Кр. Лет.» 1926 г. № 5.
41. „О военно-революционных организациях в Финляндии и Свеаборгском восстании (1906 г.) «Кр. Балт.» 1920 г. № 5.

42. Смирнов В. — Революционная работа в Финляндии в 1900 — 1907 гг. «Прол. Рев.» 1926 г. № 1.
43. Цион С. — Три дня восстания в Свеаборге. 101 стр. Гельс. 1917 г.
44. Ольшанский Н. — Свеаборгское восстание. «Кр. Лет.» 1922 г., № № 2—3—4.
45. Женовский А. — Вокруг Свеаборгского восстания (по данным деп. полиции). «Кр. Лет.» 1925 г. № 3.
46. Федоровский Н. — („Степан“). Свеаборгское восстание (восп. участника). «Кр. Лет.» 1926 г. № 3.
47. Его же. — Борьба за Свеаборг в 1906 г. 56 стр. ГИЗ, 1928 г.
48. ★ Коган И. — Свеаборгское восстание 18—20 июля 1906 года. 36 стр. М. 1927 г.
49. „Доклад финляндск. ген.-губ. Герарда“ (Судебный отчет и приговор). См. № 12, стр. 159—164.

Кронштадт

50. „Дело о восстании в форте «Константин» — краткое правительственное сообщение. «Право» 1906 г. Стр. 266.
51. ★ „Письма Константина Иванова к матери из тюрьмы“ — (дан список 10-ти революционеров, расстрелянных на форте „Констант.“) «Кат. и Сс.» 1925 г. № 7.

Петербург

52. Ахун М. и Петров В. — Революционная работа в войсках Петербургского гарнизона (1904—1906 гг.). «Кр. Лет.» 1925 г. № 4.
53. ★ Полуэктов В. — 1905 г. в казарме, крепости и тюрьме (воен.-электротехн. школа в Птб). Сб. „По тюрьмам“. М. 1925 г.
54. ★ Чернолусский В. — Неудавшаяся бойня (с.-р. и Военный союз в 1905 г.) «Кат. и Сс.» 1928 г. № 4.
55. „Дело о беспорядках среди войск“ (Птб. военно-электр. школы) 11 ноября 1905 г. Отчет о заседании в Птб. воен. кр. «Право.» 1906 г. Стр. 350.
56. „Дело о пропаганде в войсках“ (Птб. гарнизона — 1905 г.) в Птб. судебной палате. «Право» 1907 г. Стр. 852.
57. К истории ареста и суда над соц.-демократической фракцией II Гос. думы в 1907 г. (Дело военн. организации Птб. Комитета РСДРП). «Кр. Арх.» 1926 г., т. 3.
58. Обвинительный акт о крестьянах Павле Аникине и др. (Дело соц.-дем. фракции II-й Гос. думы и воен. орг. Птб. Комитета РСДРП). «Был.» (загр.) 1912 г. № 14.
59. Войтинский В. — Годы побед и поражений (о том же) Берл. 1924 г.
60. Ахун М. и Петров В. — Военная организация при Петербургском Комитете РСДРП в 1907—1908 гг. «Кр. Лет.» 1926 г. № № 3—4.
61. „Дело депутатов соц.-демократич. фракции“ (1914 год) в особ. присутствии СПбургской судебной палаты 10—20 февраля 1915 г. «Право» 1915 г. Стр. 537 и 634.

62. **Самойлов Ф.**—Процесс большевистской фракции IV Государств. думы.—Воспоминания. «Пролет. Рев.» 1926 г. № 3.
63. **То же**—снабжен. офиц. документами, отд. издание. 162 стр. ГИЗ. 1927 г.
64. **Иванов А.**—Волнения в 1916 году в 181 запасном пехотном полку (Царск. село) «Кр. Лет.». 1924 г. № 1.
65. **Кирпичников Т.**—Восстание лейб-гвардии Волынского полка в феврале 1917 г. «Был.» 1917 г. №№ 5—6.
66. **Лукаш И.**—Волынцы.—Павловцы.—Преображенцы. П. 1917 г.

Двинск

67. ★ **Беленький Г.**—Минувшие дни (воспоминания рядового солдата 100 Островского полка в Двинске). «Кат. и Сс.» 1924 г. № 6.

Москва

68. «Дело офицеров 137 пехотн. Нежинского полка (протест в 1905 г.) в Гл. воен. суде.—«Право» 1907 г. стр. 2211.
69. ★ **Ульянинский В.**—Восстание Ростовского гренадерского полка в Москве в 1905 г. «Кат. и Сс.» 1925 г. № 6.
70. ★ **Шабров И.**—О восстании Ростовского полка в декабре 1905 г. (По поводу статьи В. Ульянинского). «Кат. и Сс.» 1926 г. № 1.
71. **Ярославский Е.**—Московская военная организация РСДРП (б) 1905—1906 гг. Сб. «Декабр. восстан.» М. 1919 г.

Владимир

72. «Владимирская военная организация РСДРП 1907—1908 гг.» Сб. «Материалы Истпарта». Вып. III. Влад. 1927 г.

Рязань

73. «Волнения в частях Рязанского гарнизона в 1905 г.» Сб. «1905 г. в Рязанской губернии». Истп. Ряз. 1925 г.

Нижний Новгород

74. «Дело поручика Мясоедова» (о пропаганде в войсках в 1906 г.). «Право» 1907 г. Стр. 1238.

Казань

75. **Знаменский Н.**—Военная организация при Казанском ком-те РСДРП и революционное движение в войсках Казанского военного округа. (1906 г.). 115 стр. Каз. 1926 г.

Вятская губ.

76. **Данчик.**—Беспорядки в Котельническом батальоне (1905 г.). Сб. «1905 г. в Вятской губернии». Вят. Истп. 1925 г.

Курск

77. «Дело Курского офицерского союза» (1907—1908 гг.) в Главн. воен. суде. «Право» 1908 г. Стр. 1907.

Полтава

78. **Гурза Г.**—Полтавское военное восстание 1905 г. Сб. «1905 г. на Полтавщине». Полт. 1925 г.

Харьков

79. **Т. С.**—О военной демонстрации в Харькове в ноябре 1905 г. Сб. «1905 г. в Харькове». Хар. Истп. 1925 г.

Киев

80. **Неменов М.**—Киевская и Екатеринославская военные организации в 1905 г. «Прол. Рев.» 1926 г. № 4.
81. **Манилов В.**—Киевская военная организация РСДРП и восстание сапер в 1905 г. «Лет. Рев.» 1925 г. №№ 5—6.
То же — в дополн. виде: «Вооруженное восстание в частях киевского гарнизона». 110 стр. Киев. Истп. 1926 г.
82. **Ахун М. и Петров В.**—Восстание инженерных войск в Киеве в ноябре 1905 г. «Кр. Лет.» 1925 г. № 3.
83. **Жадановский Б.**—Повстання Київської саперної бригади (1905 г.) Сб. — «1905 рік у Києві». «Истп.» 1926 г.
84. **Вороницын И.**—История одного каторжанина. Ч. 1 (восстание киевских сапер в 1905 г.). ГИЗ. 1926 г.
85. ★ **Трояновский А.**—Восстание в Киеве (4—5 июня 1907 года). «Кат. и Сс.» 1922 г. № 3.
★ Отд. Изд.—Дешев. библи. «Кат. и Сс.» М. 1927 г.

Бендеры

86. ★ **Имас И.**—Путь в эмиграцию. Военная работа 1906—1907 г. «Кат. и Сс.» 1928 г. № 8/9.

Кременчуг

87. **Спесивцев П.**—О работе в Кременчугском гарнизоне (1905—1906 гг.) «Лет. Рев.» 1926 г. № 2.
88. **Мейденберг Д.**—Военная организация РСДРП в Кременчуге (1907—1909 гг.). Там же.
89. **Зайдель Е.**—О работе военной организации (1907—1908 гг.). Там же.

Одесса

90. **Рябинин - Складаревский.** — Революционная работа в войсках Одесского гарнизона в 1904—1906 гг. «Лет. Рев.» 1925 г. №№ 5—6.
91. **Станчинский А.** — Одесская военная организация РСДРП 1905 г. «Пр. Рев.» 1922 г. № 9.
92. **Плесков В.** — В революционном подполье (Одесская воен. организация 1905 г.) Сб. „1905 г. в Одессине“. Кн. 1. Истп. 1925 г.
93. **Танин Я.** — Воспоминания участника военной организации РСДРП в Одессе в 1905—1906 гг. Там же.
94. **Френк Л.** — Военная организация при объединенном комитете РСДРП в Одессе в 1905 г. Там же.

Севастополь

95. „Волнения и причины их в севастопольской саперной роте 11—12 ноября 1905 г.“ (Письмо подсудимых). «Право» 1906. Стр. 1845.
96. **Басальго К. (Дальний).** — О партийной работе в Севастополе в 1906 г. «Прол. Рев.» 1922 г. № 9.
97. **Максимов.** — Попытка восстания в Севастополе в ночь с 14 на 15 сент. 1907 г. «Был.» 1917 г. № 3.

Елисаветград

98. Приговор по делу унт.-офицеров 136 пех. Таганрогского полка о пропаганде в войсках (в Одесск. окр. суде—1906 г.) „Был.“ 1906 г. № 5, стр. 311.

Екатеринослав См. № 80.

Кубанская область

99. **Ильин.** — „Восстание 2 Урупского казачьего полка в 1905 г.“ 71 стр. Истп. Рост. н/Дону. 1926 г.
100. **Д. В. Д.** — Восстание Урупских казаков (1905 г.) «Был.» (загр.). 1908 г. № 7.
101. ★ **Дембо В.** — Восстание в Осетинском дивизионе (1905 год). «Пути Рев.» 1926 г. № 4.

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ

Туркестанский округ

102. „Записка ген.-ад. Максимовича“ — см. № 12, стр. 149—132 (Ташкентский резервн. батальон, саперн. бригада и Закасп. жел.-дор. и стрелк. батал. в Асхабаде, 1905—1906 гг.).
103. **Черновский А.** — Восстание Туркестанских сапер в 1912 г. «Был.» 1925 г. № 1.
104. **Аникин С.** — Восстание сапер (1912 г.). Воспоминания и документы. 63 стр. Ташк. 1927 г.

Омск

105. „Дело казаков 3 Сибирск. казачьего полка (1908 г.) в Главн. воен. суде“. «Право» 1908 г. Стр. 1807.

Красноярск

106. **Ахун М. и Петров В.** — Войска в „Красноярской Республике“ в 1905 г. «Труд в России». 1925 г. № 2-3.
107. **Лесковский Я.** — Движение среди войск в Красноярске в 1905 г. «Пр. Рев.» 1925 г. № 10.
108. **Новогрешнов Я.** — 1905 г. в Красноярске. 63 стр. Красн. 1925 г.

Иркутская губ.

109. **Сизых С.** — Забастовка Иркутского гарнизона (1905 год). Сб. „1905 г. в Сибири“. Новоникол. Истп. 1925 г.
110. „Военный бунт в селе Александровском (Ирк. губ.) 9 ноября 1905 г.“. Отчет заседаний ирк. воен.-окр. суда. «Право» 1905 г. Стр. 2284, 2327, 2478.

Читинский округ

111. „Телеграфные донесения ген.-лейт. Меллер-Закомельского и Рененкампа“ См. № 12, стр. 213—215.

Нарымский край (Томск. губ.)

112. **Смирнов И.** — Из истории „Военно-социалистического союза“ (1914—1916 гг.) Сборн. „Былое Сибири“. № 2. 1923.
113. **Репин В.** — „Военно-Социалистический Союз“. (1914—1917 гг.) Там же.
114. **Косарев В.** — Воспоминания о нарымской ссылке (о том же). «Сиб. Огни» 1922 г. № 4.

Дальний Восток

115. Сведения о революционном движении в войсках на Дальнем Востоке (1904 г.). Из дневника ген. Куропаткина. «Кр. Арх.» 1924 г. № 7.
116. **Вишняков Н.** — Разложение армии в 1905 г. на Дальнем Востоке (по офиц. докум.). «Был.» 1925 г. № 4.
117. **Волкенштейн Л.** — Письмо к М. Н. Тригони. (О волнениях гарнизона во Владивостоке). «Мин. Годы» 1908 г. № 5/6.
118. **Куржинский М.** — Владивосток в 1905 г. (из наблюдений очевидца). «Мин. Годы» 1908 г. № № 4—7.
119. ★ **Лифшиц С.** — Военное восстание во Владивостоке в 1907 г. «Кат. и Сс.» 1925 г. № 7.

120. Дело Никольско-Уссурийской военной организации ПС-Р (1906 г.) в Главном военном суде. «Право» 1908 г. Стр. 2759; 1909 г. Стр. 1590.

II. ФЛОТ.

1. Работы общего характера

См. №№ 2, 4, 5, 7, 10, 14, 16, 18,—24, 32.

121. Егоров Н.—Столетний путь моряков-революционеров (1817—1917 гг.). С прилож. статьи Т. Немчиновой. Изд. отд. РККА. 91 стр. Л. 1926 г.
122. Троцкий Л.—1905 г. Ч. II:—Красный флот. Соч. т. 2. ГИЗ. 1928 г.
123. Дыбенко.—В недрах царского флота. 76 стр. М. 1919 г.
124. Виноградов С.—Флот в революционном движении. 83 стр. Л. 1925 г.
125. Малеев А.—Революция 1905 года на море. 31 стр. Одесса 1925 г.
126. Платонов А.—Моряки в революции. «Кр. Флот» 1925 г. № 10.
127. Волков Е.—Среди моряков и речников торгового и военного флота (1906—1914 гг.). 264 стр. М. 1923 г.
128. «Моряки первой революции» Сборн. Сост. С. Игнат. 79 стр. 1923 г.
129. «Моряки и революция» — сборник. Сост. С. Игнат. 316 стр. М. 1925 г.
130. «Волнения во флоте в 1915 г.»—офиц. док. с предисл. Ф. Раскольниковова. «Кр. Арх.» 1925 г. № 2.
131. Егоров Ив.—Матросы-большевики накануне 1917 г. «Кр. Летопись» 1926 г. №№ 3—4.
132. Дыбенко П.—Мятежники 1917 г. 111 стр. М. 1923 г.

2. Революционные вспышки

1. Черное море

133. Платонов А.—Черноморский флот в революционном движении. Сборн. «На вахте революции». Л. 1924 г.
134. «Восстание в Черноморском флоте». Сборн. Сост. А. Платонов. 294 стр. Ленингр. Истп. 1925 г.
135. ★ «Революционное движение в Черноморском флоте». — Сборн. статей и воспомин. Изд. Общ.-ва Политкаторжан (см. № 18 «Кат. и Сс.»). М. 1925 г.
136. «Флот в 1905 г.» офиц. документы. Сообщ. К. Воинова. «Кр. Арх.» 1925 г. №№ 4—5.

„Прут“ (июнь 1905 г.)

(См. также №№ 145, 152, 155, 156, 157).

137. Маршанская М.—Матрос Черноморского флота А. М. Петров. (К восстанию на транспорте „Прут“). «Прол. Рев». 1925 г. № 4.
138. «Письма матроса А. М. Петрова» (к защитникам), с предисл. А. Стопани. «Прол. Рев.» 1925 г. № 12.
139. ★ Селиванов Ф.—Матрос Петров. Стр. 36. М. 1928 г.

„Князь Потемкин Таврический“ (июнь 1905 г.).

140. Мартыновский С.—Японская война и восстание „Потемкина“. Сборн. „1905 г. в Одессчине“ Истп. 1925 г.
141. Норицын Д.—Потемкинское восстание. Сборн. „Революция на море“. ГВИЗ. 1925 г.
142. Алексеев П.—Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“. Воспомин. Там же.
143. Кирилл (Орлов) и Раковский Х.—Одиннадцать дней на „Потемкине“. Воспоминания. 283 стр. П. 1907 г.
144. Егоров И.—„Потемкин Таврический“ в 1905 г. «Морской Сборн.» 1925 г. №№ 6—7.
145. Раковский Х.—Восстание на броненосце „Потемкин“. Воспоминания. «Нов. Мир.» 1925 г. № 9.
146. Генкин И.—Восстание на броненосце „Потемкин Таврический“. Воспоминания. 80 стр. М. 1925 г.
147. Коваленко А.—Одиннадцать дней на броненосце „Князь Потемкин“. Воспоминания. «Был.» 1907 г. №№ 1—3.
148. Герасимов А.—Красный броненосец. 99 стр. Л.-гр. Истпарт. 1925 г.
149. Его же.—Первый революционный броненосец. 70 стр. М. 1925 г.
150. Фельдман К.—Потемкинское восстание (Воспоминания участника). 140 стр. Л. 1927 г.
151. Лычев Н.—Воспоминания потемкинца. 45 стр. М. 1927 г.
152. «Потемкинские дни на Черном море». —Сборн. Харьковск. Истпарта. 240 стр. 1925 г.
153. Камшицкий В.—1905 г. в Севастополе. 199 стр. Истп. Крыма. ГИЗ. 1925 г.
154. «Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический“». Сборн. воспоминаний и материалов п/ред. В. И. Невского. 364 стр. ГИЗ 1924 г.
155. «Дело о бунте на броненосцах „Князь Потемкин Таврический“ и „Георгий Победоносец“». — Правит. сообщение. «Право» 1905 г. Стр. 2054 и сл.
156. Обвинит. акт. «Право» 1905 г. Стр. 3742 и сл.
157. Отчет о разборе дела в Севастоп. воен.-морск. суде. «Право» 1906 г. Стр. 730 и сл.
158. Приговор. «Былое» 1906 г. № 3. Стр. 312.
159. ★ Сандомирский Г.—Матрос Матюшенко (воспом. о герое восстания на „Потемкине“). «Кат. и Сс.» 1925 г. № 5.

160. ★ Селиванов Ф.—Матрос Матюшенко. 42 стр. М. 1928 г.
161. Казнь Афанасия Матюшенко — офиц. докум. Сообщ. К. Воинова. «Кр. Арх.» 1925 г. № 1.

„Очаков“ (ноябрь 1905 г.)

162. „Севастопольское восстание“ — доклад ген-лейт. Меллер-Закомельского. «Был» 1917 г. №№ 5—6.
163. „Рапорт ген.-лейт. Меллер-Закомельского“ — см. № 12, стр. 92—98.
164. Вороницын И.—Из мрака каторги. Гл. 1: Севастопольское восстание. Харьк. 1922 г.
165. ★ Жительский А.—Воспоминания о Севастопольском восстании. «Кат. и Сс.» 1925 г. № 5.
166. ★ Криворуков И.—Восстание в Черноморском флоте 11—15 нояб. 1905 г. «Канд. Звон.» 1925 г. № 1.
167. Генкин И.—По тюрьмам и этапам. Гл. 1: Севастопольское восстание. ГИЗ 1922 г.
168. Гелис И.—Ноябрьские дни в Севастополе. 115 стр. Харьк. 1924 г.
169. Добрат В.—Севастопольское восстание 1905 г. «Пр. Рев.» 1923, №№ 6—7 и 10.
170. Анисимов С.—Севастопольское восстание 1905 г. «Был.» 1917 г. № 5—6.
171. Норицын Д.—Севастопольское восстание. Сборн. „Революция на море“. ГВИЗ. 1925 г.
172. ★ Бочаров Ю.—Севастопольское восстание. 36 стр. М. 1925 г.
173. Волковичер И.—Восстание в Севастополе. Сборн. „1905 г.“. Истп. при ЦК ВКП. ГИЗ. 1927 г.
Камщицкий В.—См. № 153.
174. Генкин И.—Лейтенант Шмидт и восстание на „Очакове“ (брош.). М. 1925 г.
175. Вороницын И.—Лейтенант Шмидт (брош.). ГИЗ. 1925 г.
176. „Лейтенант Шмидт“. Воспоминания сестры. 151 стр. П. 1923 г.
177. ★ Карнаухов-Краухов.—Красный лейтенант. 164 стр. М. 1926 г.
178. „Лейтенант Шмидт“. — Письма, воспоминания, документы. Изд. Централхива СССР, под ред. и предисл. В. Макакова. 248 стр. М. 1922 г.
179. Воробьев В.—Два лейтенанта (Шмидт и его палач) По матер. Верховн. суда. 61 стр. М. 1926 г.
180. „Дело о восстании на крейсере „Очаков“. (Дело о лейтен. Шмидте и о 40 других лицах). — Обвинительный акт „Право“ 1906 г. Стр. 1041 и сл.
181. „Суд над очаковцами“ — по документам. «Суд идет» 1925 г. № 1.
182. „Казнь Шмидта, Частника и других“ — офиц. докум. «Кр. Арх.» 1924 г. № 5.
183. „К двадцатилетию казни лейт. Шмидта и его сподвижников“. — «Под зн. маркс.» 1926 г. № 2.

2. Балтийское море

184. Восстания в Балтийском флоте в 1905—1906 гг. Сборн. Сост. И. Егоров. 162 стр. Лгр. Истп. 1926 г.
185. Дрезен А.—Революция во флоте. — Балтийские моряки и восстания 1905—06 гг. 83 стр. Л. 1926 г.
186. Залещкий В.—Борьба за Балтийский флот. (Библиограф. рабоч. молодежи). М. 1925 г.
187. Виноградов В.—Балтийцы в революционном движении. «Кр. Флот» 1924 г. № 10.
188. ★ Егоров А.—Балтфлот в годы реакции (1909—1913 гг.) 88 стр. М. — 1928 г.
189. Оль д'Ор.—Красный часовой—Кронштадт (1917 г.). М. 1920 г.
190. Мошников П.—Как у нас началась Февральская революция. «Кр. Балт.» 1920 г. № 2.
191. Пешехонов В.—В ночь под 1 марта 1917 г. в Кронштадте. Там же.
192. Раскольников Ф.—Кронштадт и Питер в 1917 г. Ч. 1 ГИЗ. 1925 г.

Кронштадт. 1-ое восстание (октябрь 1905 г.)

193. Каль С.—Из записок о восстании в Кронштадте в 1905 г. — «Кр. Флот.» 1924 г. №№ 3—4.
194. „Восстание 26 октября 1905 г. в Кронштадте“ «Кр. Балтеец» 1920 г. № 1.
195. Ольшанский Н.—Кронштадтское восстание. «Кр. Лет» 1923 г. № 5.
196. Волковичер И.—Кронштадтское восстание 1905 г. Сб. „1905 год“. Истп. ЦК ВКП. ГИЗ. 1927 г.
„Дело о Кронштадтских беспорядках в октябре 1905 года“. Обвинит. акт. «Право» 1906 г. Стр. 359 и сл. Разбор дела в Кроншт. воен.-мор. суде. Там же. Стр. 446, 1041 и сл.
Приговор. Там же. Стр. 1223.
197. „После восстания в Кронштадте 26—27 окт. 1905 г.“ — Труды Воен.-Морск. Истор. Комиссии. «Кр. Лет.» 1925 г. № 3.

Кронштадт. 2-ое восстание (июль 1906 г.)

198. Жарновецкий К.—Кронштадтские восстания 1905—1906 гг. «Кр. Лет.» 1925 г. № 3.
199. Егоров Н.—Кронштадтское восстание. Рассказ участника. «Был.» 1917 г. № 4.
200. Пискарев А.—Кронштадтское восстание 20 июля 1906 г. «Кр. Балт.» 1920 г. № 4.
201. ★ Коган Ф.—Кронштадт 1905—1906 гг. 36 стр. М. 1926 г.
202. Иванов С.—Кронштадтское подполье 1905—1906 гг. «Пр. Рев.» 1924 г. № 12.
203. Зюбилевич Ю.—(„Даша Кронштадтская“). Кронштадт в 1906 г. Воспоминания. 144 + 148 стр. Кроншт. 1917 г.

204. „Казнь кронштадтских матросов“ (21 сент. 1906 г. Дан офиц. список казненных). 15 стр. — Кронштадт, без года.

„Память Азова“ (июль 1906 г.).

205. „Вооруженный мятеж на крейсере «Память Азова»“. «Кр. Балт.» 1920 г. №№ 2—3.
206. Шебакин И. — Восстание и казнь моряков с крейсера „Память Азова“ стр. 24. Ревель. 1917 г.
207. П. К. — Расстрел матросов матросами в Ревеле. «Кр. Лет.» 1925 г. № 2.
208. „Дело о покушении на взрыв военного суда в Кронштадте в 1906 г.“ (во время суда над восставшими матросами) „Суд идет“. 1926 г. № 24.

III. ВОЕННЫЕ ТЮРЬМЫ И ВОЕННЫЕ В ТЮРЬМАХ

Работы общего характера

См. также №№: 1, 53, 199.

209. Генкин И. — По тюрьмам этапам: «Подвижник» и др. II. 1922 г.
210. Златогоров Н. — Мученики революции. 28 стр. Одес. 1917 г.
211. Лыкошин А. — Ответственность военнослужащих за государственные преступления. «Право» 1906 г. стр. 2758.
✓ 212. ★ Никитина Е. — Торная дорога (статистика каторжан из военных. 1905—1913 гг.). Стр. 30 и сл. Сб. „Девятый Вал“. М. 1927 г.

Бобруйская крепость

213. ★ Урядов-Шербаков. — В царской казарме и дисциплинарном батальоне (1905 г.). «Пути Рев.» 1926 г. № 1.
214. ★ Его же. — Из дисциплинарки в Орловский централ (1907 г.). «Пути Рев.» 1927 г. № 4.
215. ★ Петров-Павлов Н. — Побег смертников и каторжан из Бобруйской крепости (1907 г.). «Кат. и Сс.» 1924 г. № 6.

Новогеоргиевская крепость (Модлин)

216. ★ Мельник-Горский. — Тюрьма под землей (1907 г.). «Кат. и Сс.» 1927 г. № 4.

Кронштадтская военная тюрьма (См. №№: 51, 197, 199, 204, 211).

Форт „Косой Капонир“ (Киев)

217. Сандомирский Г. — Киевский Шлиссельбург (1908 г.). «Из эп. бор. с цар.» 1925 г. № 3. Отд. изд. см. Сандомирский. — „В неволе“. М. 1929 г.

Московская пересыльная тюрьма („Бутырки“)

218. Письмо матросов-каторжан (1905 г.). «Право» 1905 г. Стр. 3224 и сл.
219. Брильон И. — На каторге. Стр. 50 и сл. (1906 г.). П. 1917 г.
220. ★ Ядов — Бутырки (1906 — 1912 гг.). «Кат. и Сс.» 1923 г. № 7.

Севастопольские тюрьмы

(См. также №№ 85, 133, 176)

221. „Севастопольские бунтовщики“. (Из записок матроса на пловучей тюрьме „Саратов“. 1905 год). «Голос Жизни» 1906 г. № 14.
222. Вороницын И. — Из мрака каторги. Гл. II: Севастопольские тюрьмы (1905 г.). Харьк. 1922 г.
223. Фельдман К. — Потемкинское восстание. Ч. II: Арест и побег (1905 г.). Л. 1927 г.
224. Савинков Б. — Воспоминания. (Побег из Севастопольской военной тюрьмы 1906 г.). «Был.» 1918 г. № 8 (2).
225. То же. — Воспоминания террориста. Стр. 253 и сл. Хар. 1928 г.

Нерчинская каторга

- ✓ 226. Куликовский П. — Матросы-революционеры на каторге (1906 — 1908 гг.). «Своб. Флот» 1918 г. № 2.
227. ★ Крамаров Г. — Памяти матроса Акима Воробьева (1906 — 1908 гг.). «Кат. и Сс.» 1922 г. № 3.

Гауптвахта Архангелогородского резервн. б-на

228. ★ Насимович-Чужак Н. Ф. — Как и почему я отказался служить царю. 16 стр. М. 1928 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авилов, Б. В. (Волков, Б.). — 38, 40.
 Аветисов, см. Аветисянц.
 Аветисянц, (Аветисов).—138.
 Агафонов-Мартовский, Сергей.—103, 112, 122.
 Адамович, П.—186, 195.
 Алексей, см. Бустрем.
 Алиев. — 48, 49.
 Амбарцум. — 139.
 Анатолий, см. Трилиссер.
 Андреев.—100.
 Антонов-Овсеенко (Штык).—123, 126.
 Аренкова. — 138.
 Ареповский, Пав. Юлиан. — 67, 74, 86.
 Аржанская, Полина.—84.
 Асеев.—146, 152.
 Аусем, О. Х.—126.
 Ашенбреннер, М. Ю.—8.

Б

Багоцкий, С. Ю. — 123, 126, 134, 138, 139.
 Барабанов. — 122.
 Бауман.—99.

Белоусов.—103, 104, 122.
 Беренштам, В.—85, 86, 139.
 Бобров, см. Гусаров, Ф. В.
 Бонч-Бруевич, В. Д.—16, 38.
 Браудо, Евг.—38.
 Бустрем (Алексей).—47.

В

Вакар.—85.
 Вальберг, Б. П.—186.
 Величкина, В. М.—16.
 Виктор, см. Урысон.
 Витте, С. Ю.—30.
 Владимиров, М.—86.
 Волков, Б., см. Авилов, Б. В.
 Волчаницкий.—70.
 Вольский, Стан. (Соколов). — 116.
 Воровский, В. В.—29, 30, 38.
 Вороницын.—31, 36, 37, 47.
 Врублевский.—139.

Г

Галамей.—139.
 Галерка, Вас. Вас. (Ольминский, М. С.).—16.
 Гапон.—147.
 Герус, Л.—186, 195.
 Гершгорн.—138.
 Гимер, Д. Д. (Грива).—45.

Глушков.—122.

Годун.—109, 121, 122.

Голубинский.—145.

Гольдблат.—145.

Горвасин, Анна Павл.—179.

Горнштейн, А.—85, 86.

Горовиц, В. И.—74, 86.

Грива, см. Гиммер, Д. Д.

Гросман.—85.

Грузенберг.—139.

Гусаров, Ф. В. (Бобров).—38.

Гусев-Оренбургский.—146.

Д

Давыдов.—187, 188.

Дейч, Л. Г.—37.

Демиденко, Иван Алексеев.—87.

Деньгин.—158, 172.

Дзержинский, Ф. (Юзеф) — 123, 129, 130.

Длуголенская.—139.

Дятлов, И. Я. — 186, 188, 194, 195.

Е

Емельянов.—57, 59, 60, 62—64.

Ерманский, О.—39.

З

Зарин.—116.

Зарницкий, Тим. Абр.—74, 85.

Захаров.—122.

Захарович.—148, 162, 163.

Золотухин.—136, 139.

Зусман.—75.

И

Иван Иванович.—187, 192.

Иванович, Ст.—67.

Ивановский.—141.

Илья.—127, 128.

Ильян, см. Ярославский Ем.

Инсаров, см. Лалаянц, И. Х.

К

Кадомцев, Меф.—145.

Кадомцев, Эраям.—145.

Казаринов.—70.

Калинин, В. (Карпинский). — 16,

Кальманович.—85.

Каляев.—96.

Карпинский, см. Калинин, В.

Каульбарс.—78, 84.

Квач-Квачевский.—122.

Княжинский.—139.

Коваленко, Георг.—74, 86.

Козловский.—107, 121.

Колесниченко, Вас.—84.

Комарова, Е. Т.—138.

Кон, Ф.—5, 7.

Кондратьев.—122.

Косякин, Герм.—186.

Коханский.—59, 63, 64.

Краус.—171.

Крохмаль.—39.

Куликов.—143.

Куприн.—146.

Курганов.—188, 189, 202.

Л

Лалаянц, И. Х. (Инсаров).—40.

Лебедев.—122.

Левенсон.—86.

Левин, С.—75, 87.

Ленин, В. И. — 16, 19, 23, 27, 28, 30.

Леонтьев.—86.

Лепешинский, П. Н.—16.

Ломаев.—142—144.

Лосев, И.—49, 50.

„Лука“ см. Паперно.

Львов.—122.

М

Малоземов.—38.

Мамалыга.—202.

Марфутин, Аггей.—84—86.
 Марьясин.—148.
 Менжинский.—38.
 Микулин.—70.
 Мирзоянц, см. Мирзоев.
 Мирзоев (Мирзоянц).—131, 132.
 Мирон.—38.
 Михаил Александрович. — 88, 109.
 Михайлов.—190.
 Михайлова, Татьяна. — 74, 84, 85.
 Михель.—122.
 Моисей.—126.
 Мудрый.—188, 194, 195, 202.

Н

Нестеренко.—150, 165.
 Никитина, Е. Д.—208.
 Николай II.—111.
 Николай Николаевич.—111.

О

Обвинский, В.—208.
 Ольминский, М. С., см. Галерка, В. В.—16, 38.

П

Павловский.—110.
 Паперно (Лука).—75.
 Парамонов.—84.
 Парамонов.—151.
 Патск.—139.
 Пеливан, И. Г.—142, 146—148.
 Первов.—122.
 Пергамент.—85.
 Перминов, Н. А.—168, 170.
 Петренко, А. И.—5, 123, 126, 133, 138, 139.
 Петухов.—167.
 Пешехонов.—146.
 Пирязев.—139.
 Писаревская, С. И. — 126, 137, 138.

Писаревский, Е. Л.—126, 134, 135, 138—140.
 Плеве, В. К.—147.
 Плесков, В.—5, 6, 65, 86.
 Повало-Швейковский.—93.
 Политовский, Р. Р.—74, 87.
 Полюян, Д.—186.

Р

Ратнер.—139.
 Рождественский, см. Браудо, Е.
 Ронжес.—130, 139.
 Рязанов, Д.—82.

С

Сазонов.—122.
 Самойленко, Е.—177.
 Сармус, И.—41.
 Сахаров.—171.
 Святополк-Мирский.—123.
 Северцев, В. (Филатов, В. В.). — 38, 41.
 Седой.—116.
 Селиванов, М.—122.
 Сергеев 1-й.—122.
 Сергеев 2-й.—122.
 Сергей Александрович, вел. кн.—96, 147.
 Серебряков.—104, 122.
 Симанский.—88, 92, 93, 102, 120.
 Сиротенко.—33.
 Скалон.—138.
 Слезкин.—171.
 Смелянский, Я.—75.
 Снегульский, Н. А.—107, 121, 122.
 Соколов.—139.
 Соколов, см. Вольский, Ст.
 Соловей.—85.
 Соловьев.—202.
 Спиридонов.—166.
 Станиславский.—86.
 Станчинский, А. П.—75, 86, 87.

Станюкович.—146.
 Стахурский, М.—123.
 Стрельский.—37.
 Судьин.—119.
 Сухомлинов.—70.

Т

Тан-Богораз, В. Г.—38.
 Тверезовский.—122.
 Тиктин.—85.
 Толпаров.—199.
 Трейтер.—168.
 Трилиссер, М. — 42—44, 56, 57, 59, 61.
 Трубецкой, С.—146.

У

Ульянинский, В.—5, 88.
 Урысон (Виктор).—51.
 Устичев.—107.

Ф

Фабричный, П. — 141, 160, 161, 165.
 Филатов, В. В., см. Северцев, В.
 Фл.—24, 25.
 Фотенко, Вас.—84—86.
 Френк, Л.—75, 81—86.
 Фриауф, Ал-ндр.—138.
 Фриауф, Ник.—132, 133, 136, 138.
 Фридман.—122.

Ц

Цвиллинг.—85.
 Цензор, Дм.—38.
 Цион.—58.

Ч

Чепкевич.—139.
 Черных. — 103, 104, 106, 112, 120, 122.
 Четвериков.—66, 83.
 Чужак, Н.—15, 17, 18, 41.

Ш

Шабров, И.—105, 106, 112, 119.
 Шальнов.—122.
 Шапиро.—85, 86.
 Шейнфинкель, Л.—86.
 Шепель, А.—186.
 Шимановский.—70.
 Ширский, П. С.—186, 195.
 Шмидт, лейт.—31, 32, 36, 37, 139.
 „Штык“, см. Антонов-Овсенко.

Э

Энгельман.—142.
 Эрдели.—70.

Ю

„Юзеф“, см. Дзержинский.
 Юркевич.—150.
 Юшкевич, П.—67.

Я

Якубовский, см. Петренко, А.
 Якунин.—70.
 Ярославский, Ем. (Ильян). — 38, 45, 48, 51, 52, 53.
 Ясницкий.—141, 144, 157, 172.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
1. От редакции	5
2. Ф. Я. Кон—Предисловие. Как солдатские штыки повернулись в защиту революции	7
3. Н. Чужак—В военном подполье большевиков 1905—1906 гг.	15
4. В. Плесков—В Одессе—после „Потемкина“ . .	65
5. В. Ульянинский—Мятеж гренадер. (Вооруженная забастовка Ростовского полка)	88
6. А. Петренко—Когда в Царстве польском было неспокойно. (Из деятельности Варшавской военной организации)	123
7. П. Фабричный—Из казармы—на каторгу. (Среди войск вятского гарнизона)	141
8. Е. Самойленко—Среди казаков Черноморья .	177
✓ 9. Е. Никитина—Военно-революционное движе- ние в царской армии (1904—1917 гг.). (Библио- графическая справка)	203
10. Именной указатель	218

5-й год
издания

Открыта подписка на 1929 год

5-й год
издания

на „ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ“

ИЗДАТЕЛЬСТВА ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН,
состоящую из 52 номеров, разме-
ром каждый в 1 печатный лист.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на 1 год (52 номера) — 4 р. 50 к.

В СОСТАВ БИБЛИОТЕКИ ВОЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:

- № 1- 2. ЕРМАКОВ, А.— Из быта сахалинской каторги.
№ 3. ЕРГИНА.— С. А. Иванова-Борейшо.
№ 4. АНИСИМОВ, С.— Крестьяне и помещики на
суде.
№ 5- 7. САМСОНОВ, М.— Коммуны ссыльных.
№ 8. АН-СКИЙ, С. А.— На конспиративной квар-
тире.
№ 9-10. ЛУЖАЕВ, А.— История одного литейщика.
№ 11-12. ЛУРЬЕ, Г.— Два протеста.
№ 13. ВЕНЕДИКТОВ, Д.— Лисий-Нос—лобное место
российской революции.
№ 14-15. ЖУКОВСКИЙ-ЖУК, И.— Губернатор Княинко.
№ 16-17. ДРУЖИНИНА, З.— Ювеналий Мельников.
№ 18. ТРИГОНИ.— Алексеевский рavelин.
№ 19-20. СУШКИН, Г.— По этапам.
№ 21-22. СУШКИН, Г.— В царской ссылке.
№ 23. ЛУРЬЕ, Г.— Биография Курнатовского.
№ 24. ЛУЖАЕВ, А.— Крестьяне в 1905 году.
№ 25-26. АУЭРБАХ.— Побег 20-ти.

и другие.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:
Москва-34, Лопухинский пер., дом 5
ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТКАТОРЖАН.

Открыта подписка на 1929 год.

„НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА“

26 КНИГ, КАЖДАЯ ПО 4 ПЕЧАТНЫХ ЛИСТА.

Годовая подписка (26 книг) . . . 9 рублей

Полугодовая (13 книг) . . . 5 рублей

**В „НАУЧНО-ПОПУЛЯРНУЮ БИБЛИОТЕКУ“
ВОЙДУТ В 1929 ГОДУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- № 1. РУДНЕВ, В.— Аграрное движение накануне 1-ой революции.
- № 2. АНИСИМОВ, С.— Восстание в Донбассе.
- № 3. КЛЕВЕНСКИЙ, М.— А. И. Худяков.
- № 4. ЛИВИЦ, С.— Партийные Университеты подполья.
- № 5. КУНКЛЬ, А.— Покушение Соловьева.
- № 6. ЛИВИЦ, С.— Подпольная техника.
- № 7. ЛЕВИН, Ш.— Д. Клеменц.
- № 8. ЧЕРНОВ, С.— После декабристов.
- № 9. ВАЛК, С.— „Народная Воля“.
- № 10. КОРДЕС.— Вера Засулич.
- № 11. ЭГГЕРТ.— В. Осинский.
- № 12. МИЛОВАНОВ.— Рабочее Знамя.
- № 13. ЛЕВИЦКИЙ.— В. Обиорский.
- № 14. ИКОВ, В.— Добролюбов, как революционер.
- № 15. ГОРБУНОВ, М.— Журналистика „Народной Воли“.
- № 16. БАУМ, Я.— Лизогуб.

и другие.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Москва - 34, Лопухинский пер., дом 5

ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПОЛИТЕКАТОРЖАН.